

ISSN 0042-8779

ИВМ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

8

2016

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

8/2016

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- И.В. Ростовщиков** — Права личности в российских конституциях: история и современность 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- М.К. Чиняков** — Гийом-Мари-Анн Брюн 13

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- Х.М. Турьинская** — Социально-политическая динамика на Занзибаре: истоки революции 1964 г. 33

СООБЩЕНИЯ

- К.В. Каулин** — Политика министра иностранных дел графа В.Н. Ламздорфа в отношении прессы в начале XX в. 46
- Н.И. Никитин** — К вопросу о происхождении казачества 59
- Е.А. Прусская** — Восприятие древнеегипетской цивилизации участниками Восточной экспедиции Бонапарта 1798—1801 гг. 70

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

- Б.С. Котов** — Попытки Германии вовлечь Швецию в Тройственный союз и общественное мнение России в 1912—1914 гг. 80

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- И.М. Супоницкая** — Дело Розенбергов 92

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- Д.В. Кирилук** — Трещины плановой экономики на примере обеспечения теплом ямальских школ в 1958—1966 гг. 106
- П.Н. Гордеев** — «Отгораживание» трупп бывших императорских театров в 1917 г. 116
- Л.Ю. Варенцова** — Хлебный приказ в 1655—1679 гг. 127
- Е.М. Матвеева** — Восприятие в России американской системы образования на рубеже XIX—XX вв. 132

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

- А.Н. Андреев** — Русское дворянство и протестантская религиозная культура в XVIII в. 146

ИСТОРИОГРАФИЯ

- В. Абышов** — Отражение событий 1917—1920 гг. в Северном Азербайджане в современной российской историографии 159
- О.А. Гаврилова, И.В. Петров, А.С. Пученков** — П.Н. Базанов. Братство русской правды: самая загадочная организация русского Зарубежья; Его же. Очерки истории русской эмиграции на Карельском перешейке (1917—1939 гг.) 163
- И.А. Кузнецов** — С.А. Рогатко. История продовольствия России с древних времен до 1917 г. Историко-экономический взгляд на агропромышленное развитие Российской империи 165
- Н.Г. Абрамова** — Формирование территории Российского государства. XVI — начало XX в. (границы и геополитика) 169
- В.В. Иванов** — Кризис и трагедия континента. Тридцатилетняя война (1618—1648) в событиях и коллективной памяти Европы 172

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке
Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям.

Права личности в российских конституциях: история и современность

И.В. Ростовщиков

Аннотация: В статье исследуется реализация конституционных норм о правах и свободах личности. Автором делается вывод о том, что сегодня сохраняются весьма серьезные проблемы с их реализацией. Одна из проблем состоит в том, что современной России пока не удалось должным образом реализовать себя в качестве социального государства, каким она именуется в Конституции.

Ключевые слова: права и свободы личности, российские конституции, социальное государство.

Abstract: This article explores the implementation of constitutional provisions on the rights and freedoms of the individual. The author concludes that today are preserved very serious problems with their implementation. One problem is that modern Russia is not able to properly implement itself as a welfare state, how it is called in the Constitution.

Key words: individual rights and freedoms, the russians constitutions, the welfare state.

К ряду величайших достижений человечества без преувеличения можно отнести права человека. Они юридически и нравственно пронизывают и определяют все основные сферы жизнедеятельности людей в цивилизованном обществе. Несмотря на общепризнанность прав человека в целом ряде международных актов и существенный прогресс в их становлении, в XXI в. права человека существуют и реализуются по-прежнему в условиях различных социальных противоречий, как сохранившихся от предшествующих времен, так и вновь возникающих. Это в полной мере относится и к России.

Об отношении того или иного государства к правам и свободам человека и гражданина можно судить по разным признакам. Между тем, одним из наиболее ярких показателей такого отношения выступает закрепление прав и свобод в конституции государства, а также реальная практика осуществления соответствующих конституционных норм.

Ростовщиков Игорь Викторович — доктор юридических наук, профессор Волгоградского государственного университета. E-mail: tgip@volsu.ru.

Rostovshchikov Igor V. — doctor of law, professor at the Volgograd State University. E-mail: tdip@volsu.ru.

Конституционное закрепление прав личности в России имеет относительно короткую и одновременно сложную и драматическую историю. В строгом смысле слова речь может идти лишь о двадцатом столетии, поскольку к его началу Россия так и не имела конституции. Несмотря на отмену крепостного права и проведение в последующем ряда известных либерально-буржуазных реформ, Россия тогда все еще выступала как абсолютистское государство. Оно характеризовалось сословным делением общества, отсутствием свободы слова, собраний, образования союзов, строгой цензурой над печатью, жестким подавлением инакомыслия, укоренившимся чиновничьим бюрократизмом и т.д.

В российской идеологии не нашли широкого распространения важнейшие принципы, на которых основывалась либеральная концепция прав человека, сформировавшаяся в Европе в XVII—XVIII веках. Речь, прежде всего, идет о принципе индивидуализма, связанном со свободой и автономией личности в экономической сфере и сфере частной жизни.

Между тем, на рубеже веков в России объективно стали происходить значительные позитивные процессы. Бурно развивался капитализм на фоне становления единого рынка, ускорения промышленного производства, роста производительности труда, укрепления рубля. Интенсифицировалось реформируемое сельское хозяйство. Наблюдался расцвет многих сфер искусства и культуры. В обществе набирали силу идеи народовластия и свободы. Нарастало революционное движение пролетариата.

Самодержавие уже не могло не учитывать сложившиеся реалии, и известный царский Манифест от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» появился не случайно ¹. В нем говорилось об обещании даровать населению «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов», предоставить «дальнейшее развитие начала общего избирательного права».

Названный документ открыл путь к регламентации прав личности в России на конституционном уровне. Так, в развитие Манифеста в таком конституционном акте, как Высочайше утвержденные Основные государственные законы от 23 апреля 1906 г., правам и обязанностям российских подданных отводилась отдельная — вторая глава ². Помимо подтверждения вводимых политических свобод в ней, в частности, указывалось, что никто не может быть задержан иначе, как в случаях, законом определенных (ст. 31); жилище каждого неприкосновенно (ст. 33); каждый российский подданный имеет право избирать место жительства и занятие, приобретать и отчуждать имущество и беспрепятственно выезжать за пределы государства (ст. 34); его собственность неприкосновенна (ст. 35) и т.д. За короткий период времени был принят целый ряд нормативных актов, направленных на регламентацию осуществления отдельных прав и свобод. Сюда относятся утвержденные Высочайшими Указами Временные правила о поврежденных изданиях от 24 ноября 1905 г. ³, Временные правила об обществах и союзах от 4 марта 1906 г. ⁴, Временные правила о собраниях от 4 марта 1906 г. ⁵, Временные правила для неповременной печати от 26 апреля 1906 года ⁶.

Царизм, в силу своей сущности, не смог осуществить радикальных демократических преобразований в стране. К тому же политическую обстановку обострила первая мировая война, которая, в свою очередь, резко ухудшила экономическое положение. Началось мощное наступление реакционных сил. Обнаружилась нестабильность и незавершенность государственно-правовых реформ. Как известно, были распущены (I и II Государственные думы) или проявили бездейственность (III и IV Государственные думы) представительные органы власти. В результате дарованные, октроированные в Основных государственных законах права подданных не получили должного развития и осуществления, а часто и попирались. Существовавший режим агонизировал.

Февральская революция 1917 г. положила конец самодержавию и дала новый импульс буржуазно-демократическому развитию России. Это соответствующим образом сказалось и на положении с правами человека в стране. С одной стороны, они не нашли своего закрепления на конституционном уровне, поскольку конституция Временным правительством как таковая принята не была. Однако 3 марта 1917 г. была провозглашена полная и немедленная амнистия по всем делам — политическим и религиозным; объявлялась свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек с распространением политических свобод на военнотружущих, отмена всех сословных, конфессиональных и национальных ограничений, подготовка к созыву Учредительного собрания на началах всеобщего, равного, тайного и прямого голосования ⁷.

Перечисленные положения конкретизировались соответствующими законами и постановлениями. Так, законодательство о выборах закрепляло их свободный характер ⁸. Подвергался либерализации уголовный процесс, другие отрасли права. Вносились элементы гуманизации в деятельность пенитенциарных учреждений (признавалось личное достоинство заключенных, ограничивалось заключение в карцер и пр.).

Временное правительство 1 сентября 1917 г. провозгласило страну республикой. Хотя и далеко не во всем последовательно и решительно, но в России была предпринята попытка установления модели буржуазно-демократического правового государства с присущими ему фундаментальными правами и свободами личности. Неудачный результат не является основанием для отказа в признании этого исторического факта.

Завоевание в октябре 1917 г. власти большевиками повлекло кардинальный поворот в организации всех сторон жизни российского общества, в том числе в сфере прав личности. Началось движение от не успешного утвердиться буржуазного либерализма к тоталитаризму.

Следует однако заметить, что победа и первые годы существования советской власти ознаменовались официальным провозглашением мира, свободы от эксплуатации человека труда, принципов справедливости в отношениях собственности и т.д. Уже первая Конституция РСФСР 1918 г. в качестве ведущего раздела включала «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» ⁹. Устанавливались права пользования землей, участия в выборах, в рабочем контроле; свободы совести, выражения мнений, собраний, митингов, шествий, союзов и др. Права и свободы предоставлялись всем трудящимся независимо от пола, расовой и национальной принадлежност-

ти. Вместе с тем, Конституция 1918 г. четко определяла сущность Советского государства как государства диктатуры пролетариата, беспощадно подавляющего и уничтожающего противоположные классы и слои. Это предопределяло вводимые в стране принципы правового положения личности, в корне отличавшиеся от естественно-правовых воззрений. Права и свободы индивида рассматривались не как естественные и неотчуждаемые, а как получаемые от пролетарского государства и как отнимаемые им же у отдельных лиц или групп, если права «используются в ущерб интересам социалистической революции» (ст. 23 Конституции).

Абсолютизировалась материальная, социально-классовая обусловленность прав и свобод граждан на фоне провозглашения верховенства общественных, государственных ценностей и интересов над индивидуальными. Не случайно Основной Закон РСФСР 1918 г. обходился молчанием сферу личной свободы индивида (неприкосновенность личности, жилища, тайну переписки и т.д.). Законодательство того времени широко оперировало различающими правоспособность людей понятиями «граждане», «трудящиеся», «рабочие и беднейшее крестьянство», «буржуазия», «паразитические слои общества» и т.п. В частности, большевистская власть официально лишала избирательных прав «эксплуататоров», к которым относились лица, использующие наемный труд, живущие на нетрудовые доходы, частные торговцы, священнослужители и др.

Последующие годы характеризовались в области правового статуса личности как формально позитивными сдвигами (введение частной торговли в период нэпа, восьмичасового рабочего дня и др.), так и негативными (установление цензуры печати, разгон казачества и др.). Нельзя не упомянуть, что к массовому попранию элементарных прав человека, неисчислимым страданиям людей привела развязанная после октябрьского большевистского переворота гражданская война.

Конституция СССР 1936 г. (Конституция РСФСР 1937 г. и конституции всех советских республик фактически были ее зеркальными отражениями) формально устраняла юридические ограничения прав отдельных категорий лиц¹⁰. К тому же закреплялась система социально-экономических прав граждан с определенными гарантиями: на труд с обеспечением работой (ст. 118), на отдых с установлением семичасового рабочего дня (ст. 119), на материальное обеспечение в старости и по болезни с бесплатной медицинской помощью (ст. 120) и т.д. Само по себе это явилось фактором большого значения, оказавшим определенное влияние на дальнейшее становление прав «второго поколения» в других государствах и на международном уровне, на упрочение социальной функции государства.

Однако в сталинском Основном Законе по-прежнему речь шла не о правах человека вообще, а о правах «советского человека», предоставляемых ему властью, об их поднадзорной реализации, в частности о политических свободах — слова, печати, собраний, демонстраций — лишь «в целях укрепления социалистического строя» (ст. 125 Конституции СССР 1936 г.). В итоге политические и личные права и свободы граждан тоталитарным режимом попросту попирались. Выдвигаемые же на передний план по значимости социально-экономические права полностью исключали частную собственность и нередко

имели символическую, крайне ограниченную материальную обеспеченность. Яркий пример: осуществление права граждан СССР на труд с гарантированной оплатой их труда (ст. 118 Конституции СССР 1936 г.) многие годы «обеспечивалось» колхозникам в виде начисления «трудодней», а не заработной платы.

Получало «теоретическое и практическое развитие» конституционное положение о «врагах народа». Речь шла о лицах, покушающихся на «общественную, социалистическую собственность» (ст. 131 Конституции СССР 1936 г.). Сталинская административно-командная система развязала против собственного народа широкомасштабные жесточайшие репрессии, в результате которых с 1929 г. по 1953 г. в СССР погибли миллионы людей, не говоря уже о неисчислимых страданиях незаконно лишенных свободы, раскулаченных и т.д.

После окончания второй мировой войны начала комплексно складываться советская доктрина прав человека. Можно выделить несколько ее особенностей. Первая: полное отрицание идеи естественных и неотчуждаемых прав человека и их установление лишь государством. Вторая претендовала на превосходство социалистических представлений о правах, как гарантированных социалистическим обществом, над их, якобы, лишь формальным характером в условиях капитализма. Третья: утверждение о приоритете социально-экономических прав над личными и политическими. Четвертая: трактовка проблем прав человека как исключительно внутреннего дела государства, исключаяющего международное вмешательство, и рассмотрение его как посягательства на суверенитет. Пятая: отрицание частной собственности как основы свободы личности и гарантии ее независимости от всевластия государства. Шестая: реализация прав с учетом первостепенности интересов социалистического общества и в рамках «единодушно верной» марксистско-ленинской идеологии и политики ¹¹.

В результате представители СССР всегда (за исключением короткого времени перед распадом СССР) стремились отстаивать свое видение прав человека на международной арене. Характерен тот факт, что при принятии в 1948 г. Всеобщей декларации прав человека СССР воздержался. Выступивший на Генеральной Ассамблее ООН А.Я. Вышинский заявил, что через Декларацию избран «путь абстрактный, усеянный цветами пышной фразеологии... которая сейчас уже никого не может прельстить», что «в СССР... уже осуществлено то, о чем в проекте Декларации говорится как о высоком идеале» ¹².

Последующие после сталинского правления десятилетия отмечены рядом прогрессивных тенденций в области развития прав и свобод граждан. На XX съезде КПСС был развенчан культ личности «вождя народов». Началась массовая реабилитация невинно осужденных. Упрочивались социально-экономические права рабочих и служащих, существенно изменялось правовое положение колхозников вследствие выдачи им паспортов и т.д. Обновлялось уголовное, гражданское, соответствующее процессуальное законодательство. Демократизировались нормы, обеспечивающие права личности на неприкосновенность, на обжалование действий должностных лиц, на распоряжение личным имуществом, включая его завещание и др.

Между тем, «хрущевская оттепель» характеризовалась крайностями, волюнтаризмом в экономике, политике и других сферах жизни,

что не могло не сказаться отрицательным образом на правах и свободах граждан. Так, советская бюрократия провела очередное наступление против свободы слова, свободы совести и вероисповедания, свободы художественного творчества, права личной собственности крестьян и т.д. Расстрел мирной демонстрации рабочих Новочеркаска в 1962 г. еще раз наглядно продемонстрировал диктаторскую сущность режима.

Несмотря на обострение проблемы прав человека и гражданина в СССР во второй половине 1960-х гг., следует отметить факт развития международного сотрудничества в этой области. Были подписаны Международные пакты о правах человека 1966 г. (ратифицированы в 1976 г.), Хельсинкский Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975 г.).

Это не могло не сказаться на содержании принятой в 1977 г. Конституции СССР¹³. Она формально закрепляла принципы «уважения прав человека и основных свобод», «добросовестного выполнения обязательств, вытекающих из общепризнанных принципов и норм международного права, из заключенных СССР международных договоров» (ст. 29). Основной Закон СССР (аналогично Основной Закон РСФСР 1978 г.) значительно расширял и демократизировал правовой статус личности. Впервые закреплялись права на труд с возможностью выбора профессии, рода занятий и работы (ст. 40), на жилище (ст. 44), пользование достижениями культуры (ст. 46), участие в управлении государственными и общественными делами (ст. 48); свобода творчества (ст. 47), а также презумпция невиновности (ст. 160). Получили развитие права в сфере личной свободы индивида, включая неприкосновенность личности, жилища, тайну переписки, защиту чести и достоинства (ст. 54—57).

С другой стороны, конституционное закрепление КПСС в качестве руководящей и направляющей силы советского общества и ядра его политической системы (ст. 6) предопределяло недопустимость политического и идеологического многообразия. Сосредоточение почти всей собственности на средства производства в руках государства сохраняло принципиальную ограниченность экономических прав граждан с запретом частной собственности, предпринимательства и т.д. Даже в отношении имущества, находящегося в личной собственности или в пользовании граждан, делались оговорки с политическим оттенком: оно не должно было «служить для извлечения нетрудовых доходов, использоваться в ущерб интересам общества» (ст. 13 Конституции СССР). По-прежнему реализация прав и свобод гражданами, согласно Конституции СССР 1977 г., допускалась только «в целях коммунистического строительства», «укрепления и развития социалистического строя» (например, ст. 47, 50, 51). Декларативный характер носила зафиксированная в Конституции судебная защита прав граждан (ст. 58).

Примечательно, что в советских конституциях «развитого социализма» так и не было даже формально провозглашено право человека на свободу передвижения и выбор места жительства на территории СССР, а также на выезд и въезд в страну. Этому препятствовали паспортный режим с разрешительной процедурой прописки граждан по месту жительства, закрытость границ и т.п.

Почти весь период горбачевской «перестройки социализма», при известной либерализации режима, в законодательстве и на практике власть все еще стремилась соблюдать марксистско-ленинскую концепцию прав личности. Между тем, формальный поворот в конституционной трактовке прав и свобод личности произошел еще в СССР, перед его распадом. Он связан с принятием 5 сентября 1991 г. Декларации прав и свобод человека¹⁴ на Внеочередном Съезде народных депутатов СССР, тональность которого во многом определилась низвержением ГКЧП и победой демократических сил в августе 1991 года. Названный документ (ст. 1), в отличие от действовавших тогда союзной и республиканских конституций, основывался на том, что каждый человек обладает естественными, неотъемлемыми, ненарушаемыми правами.

Однако административно-командная система проявила несовместимость с действительно демократической организацией общественной и государственной жизни. СССР прекратил существование. РСФСР стала его правопреемником, унаследовав исключительно остро стоящие проблемы прав и свобод человека.

В плане правового положения личности страна оказалась на перепутье. И здесь исключительно важную роль в конституционном становлении в России демократических прав человека сыграла принятая в 1991 г. российская Декларация прав и свобод человека и гражданина¹⁵. Сегодня о ней вспоминают не часто. Как и то, что она с незначительными изменениями была инкорпорирована в обновленный текст действовавшей тогда Конституции РСФСР 1978 года¹⁶. В результате этого нормы Основного Закона о правовом положении личности (раздел II) радикально реформировались и стали соответствовать общепризнанным международно-правовым стандартам в области прав человека. Была осуществлена, так называемая, «мягкая» форма преобразования Конституции¹⁷.

Принятая в декабре 1993 г. Конституция России стала новым шагом в развитии прав и свобод человека и гражданина в нашей стране. Конституция разрабатывалась в весьма драматических условиях острейшего противоборства законодательной и исполнительной ветвей власти. Это не могло не сказаться на характере и содержании многих ее положений. Между тем, в своей основе российская Конституция стала важным этапом развития общества. Выступая стержневым началом правовой системы России, она заложила правовые основы реформирования и совершенствования политических, экономических, идеологических отношений.

Принципиальными положениями действующей Конституции являются утверждения, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2), что они признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, что права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения (ст. 17). Таким образом Конституция воплотила в себе основные нормы всех общепризнанных универсальных международно-правовых документов по правам человека.

Разумеется, статьи конституций различных стран о правовом положении личности не есть зеркальное отражение международных норм о правах человека. И это понятно. В сегодняшнем многополярном мире

едва ли можно найти внутригосударственную правовую систему, которая бы идеально воспроизводила «универсальные» стандарты прав человека и адекватно их гарантировала. Во многих странах сильны особенности политической и экономической жизни, факторы национальной культуры, религии и т.д. В этом заключено одно из противоречий развития прав человека в современном мире: с одной стороны, происходит глобализация всех процессов общественного развития, а с другой, — традиционные общества стремятся обеспечить сохранение своих индивидуальных особенностей, своего особого подхода к правам человека.

Содержащиеся в Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина утверждаются как непосредственно действующие, определяющие смысл, содержание и применение законов, деятельность властей, обеспеченные правосудием (ст. 18). В этом заключено одно из принципиальных отличий современного российского конституционного законодательства о правовом положении личности от советских социалистических конституций, которые, как правило, предполагали дополнительную многоступенчатую нормативную регламентацию осуществления многих основных прав и свобод, что, по сути, вело к их декларативности. Признание прав и свобод человека и гражданина непосредственно действующими означает возможность индивида их осуществлять и защищать всеми правомерными способами, напрямую руководствуясь Конституцией и ссылаясь на ее высшую юридическую силу. Эти права и свободы принадлежат индивиду независимо от того, конкретизированы они текущим нормотворчеством или нет, что, однако, само по себе не исключается и подчас конституционно предусматривается. В данном случае конкретизация конституционных норм о правах и свободах личности есть средство их адекватного осуществления, а не условие обладания ими¹⁸. При этом запрещено издавать законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина (ч. 2 ст. 55 Конституции).

Признание за личностью широкого спектра демократических прав и свобод не означает ее абсолютной свободы, равно как в своем практическом воплощении права и свободы не могут не иметь разумных границ. Общие положения на сей счет содержатся уже в международно-правовых нормах. Так, в числе критериев законного ограничения прав и свобод Всеобщая декларация прав человека выдвигает должное признание и уважение прав и свобод других, удовлетворение справедливых требований морали, поддержание общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе (ст. 29), а Пакт о гражданских и политических правах — охрану здоровья населения, прав и свобод других лиц (ст. 19, 21) и т.д.

Конституция Российской Федерации в соответствии с универсальными стандартами установила запрет злоупотребления правами и свободами (ч. 3 ст. 17 Конституции). Допускаются их ограничения в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55 Конституции). Особо выделена статья о чрезвычайном положении (ст. 56), в условиях которого может устанавливаться определенное сужение правовых возможностей личности. Известное сужение прав и свобод наблюдается на основании применения к правонарушителям мер юридической

ответственности, особенно уголовной, в виде лишения свободы и др. Вместе с тем в отношении целого ряда прав и свобод по закону вообще исключены какие-либо умаления (свобода от пыток, право на защиту через правосудие и др.). Законные же ограничения имеют четкие пределы, не допускающие унижение, властный произвол, причинение человеку неоправданных страданий и лишений. Российская Конституция установила общий запрет любых форм ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (ч. 2 ст. 19).

Особо стоит вопрос реализации конституционных норм о правах и свободах личности. В науке отмечается, что заслуживает специального рассмотрения проблема развития, обеспечения реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина в условиях современных экономических, политических, культурных и правовых процессов, нарастания общих, универсальных начал при сохранении особенностей в экономике, политической системе, культуре и т.д.¹⁹ Особая роль здесь неизменно принадлежит государству как ведущему гаранту защиты прав человека²⁰.

Несмотря на официальную приверженность Российской Федерации правам и свободам человека в соответствии с высокими международно-правовыми стандартами, сегодня сохраняются весьма серьезные проблемы с их реализацией. Права и свободы не во всем обрели должных гарантий, особенно в социально-экономической сфере. Одна из проблем состоит в том, что современной России пока не удалось должным образом реализовать себя в качестве социального государства, каким она именуется в Конституции (ч. 1 ст. 7). Нынешний экономический кризис в России крайне негативно сказывается на материальной обеспеченности прав и свобод человека и гражданина. Правительство признает необходимость дополнительных мер социальной поддержки людей²¹.

Прошедшие свыше 20 лет со дня принятия 12 декабря 2013 г. действующей Конституции Российской Федерации дают серьезную пищу для осмысления проблем и перспектив развития конституционно-правового статуса личности в нашей стране. Ведь по существу тогда начался новейший этап конституционной истории современной России.

Конституция — важнейшее достижение постсоветского развития России. Надо заметить, что, будучи принятой в условиях переходного этапа развития страны, Конституция 1993 г. отличается тем, что ее отдельные положения носят отчасти декларативный характер и фиксируют скорее принципы, цели, чем существующие реальности. Речь идет как бы об эффекте опережающего действия Конституции в плане признания России правовым, социальным государством, призванным служить обществу и людям, всесторонне гарантировать права и свободы человека и гражданина. Возможно, что ее создатели не учли проблем последующего радикального общественного переустройства государства, сложности и противодействия, встречающиеся на новом пути развития России. С другой стороны, авторитет Конституции призван работать на то, чтобы обеспечивать продвижение государства к намеченным высоким демократическим, экономическим и духовным целям, чему непосредственно способствуют закрепленные в ней основные права и свободы человека и гражданина.

Примечания

1. Собрание узаконений (СУ), 1905, отд. 1, ст. 1658.
2. Там же, 1906, отд. 1, № 98, ст. 603.
3. Там же, 1905, отд. 1, № 226, ст. 1879.
4. Там же, 1906, отд. 1, № 48, ст. 308.
5. Там же, ст. 309.
6. Там же, № 107, ст. 637.
7. Вестник Временного правительства, № 1 (46) от 5 (18) марта 1917 г.
8. Положение о выборах в Учредительное собрание от июля-сентября 1917 г. — СУ Временного правительства, 1917, № 169, ст. 915; № 251, ст. 1801.
9. СУ РСФСР, 1918, № 51, ст. 582.
10. Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК от 6 декабря 1936 г., № 283.
11. Об этом см., например: БУРЛАЦКИЙ Ф.М. Проблемы прав человека в СССР и России (1970—80-е и начало 90-х годов). М. 1999, с. 32—33.
12. ВЫШИНСКИЙ А.Я. Вопросы международного права и международной политики. М. 1951, с. 370, 389.
13. Ведомости Верховного Совета СССР, 1977, № 41, ст. 617.
14. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР, 1991, № 37, ст. 1083.
15. Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР, 1991, № 52, ст. 1865.
16. Конституция (Основной Закон) Российской Федерации — России. М. 1993, с. 12—21.
17. МИТЮКОВ М.А. Становление конституционного строя России. В кн.: Конституционное развитие России: Межвуз. сб. научных статей. Вып. 4. Саратов. 2003, с. 31.
18. О понимании прямого действия норм Конституции см., например: ЭБЗЕЕВ Б.С. Конституция. Правовое государство. Конституционный суд. М. 1997, с. 40—69.
19. ВИТРУК Н.В. Права и свободы человека и гражданина в контексте реальной жизни как объект научно-правового познания. В кн.: Конституционные права и свободы личности в контексте взаимодействия гражданского общества и правового государства. Материалы II Международной научно-теоретической конференции. М. 2010, с. 19.
20. Подробнее см.: РУДКОВСКИЙ В.А., ВОЛЧАНСКАЯ А.Н. Государственные гарантии прав человека. М. 2015.
21. Жизнь без отсрочек. — Российская газета. 16.I.2016.

Гийом-Мари-Анн Брюн

М.К. Чиняков

Аннотация. Статья рассказывает о маршале Первой империи Броне, исследуются основные этапы его жизни, деятельность до Революции, участие в «войнах за свободу», в частности, во время Голландской кампании 1799 г., его роль во время государственного переворота в Цизальпинской республике и участие в Итальянской кампании 1800 г. и Померанской 1807 года. Приводится анализ причин опалы Брюна и обстоятельств его смерти.

Ключевые слова: Франция, Брюн, маршал Империи, шуаны, Дантон, Робеспьер, Наполеон, Революция 1789 г., Демулен, памятники.

Abstract. The article tells about the marshal of the First Empire Brune. It examines the main stages of the life of the Marshal, his life before the Revolution, participated in the «war for freedom», in particular, during the Dutch campaign of 1799, his role in the coup d'état in the Cisalpine Republic, and Brune part in the Italian 1800 and the Pomeranian campaign in 1807. The analysis of the causes of disgrace Brune and the circumstances of his death.

Key words: France, Brune, Marshal of the Empire, Chouans, Danton, Robespierre, Napoleon, the Revolution of 1789, Desmoulins, monuments.

Маршал Первой империи Франции Гийом-Мари-Анн Брюн мало известен российскому читателю, хотя во время Голландской кампании 1799 г. он прославился как противник русских войск. Брюн первым среди двадцати шести наполеоновских маршалов попал в опалу. Он был единственным среди них автором художественного произведения; единственным, опубликовавшим собственную авторскую работу до Великой Французской революции 1789 г.; единственным, дружившим со знаменитыми деятелями Революции Ж.-Ж. Дантоном, К. Демуленом и др. якобинцами; единственным, не имевшим дворянского герба, и единственным из наполеоновских маршалов, принявшим мученическую смерть от разъяренной толпы.

Чиняков Максим Константинович — кандидат исторических наук, доцент Московского педагогического государственного университета. E-mail: 111.222.333@rambler.ru.

Chiniakov Maxim K. — candidate of historical sciences, docent of Moscow Pedagogical State University. E-mail: 111.222.333@rambler.ru.

Биография Брюна неоднократно рассматривалась французскими историками и в меньшей мере — отечественными¹. Однако основное внимание уделялось преимущественно обстоятельствам его гибели и вопросам реабилитации. Менее изученными темами до сих пор остаются: деятельность Брюна во время Революции; история его отношений с Демуленом, Дантоном и др. революционерами; характеристика профессиональной военной деятельности Брюна; личная жизнь маршала и его времяпровождение во время опалы. Из опубликованных источников о жизни Брюна известен только небольшой сборник с малозначимыми документами, например, касательно его отношений с родственниками и родным городом².

О предках маршала империи мы знаем очень немного. Даже неизвестен род занятий его деда Жана Брюна (Brune), кроме того факта, что в Лимузене семья принадлежала к богатой буржуазии. Отец будущего маршала Этьен Брюн (1715—?) работал адвокатом парламента в Брив-ла-Гайард провинции Лимузен (совр. департамент Коррез) и одновременно исполнял должность королевского прокурора в том же городе. В 1755 г. Этьен женился на Жанне (?—1765), дочери незнатного дворянина де Вьельбан, служившего вместе со своим братом во французской Королевской гвардии. В семье Этьена и Жанны было двое детей — Маргарита и будущий маршал, родившийся 13 марта 1763 г. (дом с соответствующей памятной доской сохранился до сегодняшних дней). Гийом был ровесником Ж.-Б.-Ж. Бернадота и Ю.А. Понятовского (первый был старше на четыре месяца, второй — на шесть дней). Крестный отец Брюна был уважаемым человеком в Бриве, крестная мать принадлежала к знатному дворянскому роду. Ничто в жизни Брюна не выдавало будущего приверженца идей Революции.

Гийом-Мари-Анн Брюн родился, как тогда говорили, с «бархатной судейской шапочкой на голове»³: его отец и все ближайшие родственники будущего маршала по отцовской линии в большинстве являлись судейскими чиновниками. Поэтому Брюну-младшему была уготована должность в магистратуре или профессия адвоката. Получив классическое образование в бривском коллеже Священноучителей (сегодня в этом здании расположены органы городского самоуправления), в 1783 г. Брюн уехал в Париж для изучения права в Коллеж де Франс. Однако он не намеревался идти по стопам отца — предоставленный самому себе, с отцовскими деньгами юноша не устоял перед соблазнами столичной жизни. Брюн-младший предпочитал посещать не учебное заведение, а кафе и игорные дома.

В Париже он пытался реализовать свои скрытые таланты; например, посещал литературный салон мадам Дюплесси. Чтобы заработать себе на жизнь, Брюн нанялся в качестве рабочего в типографию Н. де Боневилля, который его вскорости уволил. Возможно, работа у Боневилля оказала определенное влияние на Брюна, ибо хозяин типографии был масоном, одним из тех, кто в начале июля 1789 г. призывал штурмовать Бастилию, и хорошо знал отца-основателя США Т. Пейна. В процессе работы у Брюна возникло честолюбивое желание создать собственный литературный труд: он написал и опубликовал в 25 лет 190-страничное художественное произведение в стихах и прозе «Живописное и сентиментальное путешествие по западным провин-

циям Франции»⁴. Эта работа не привлекла большого внимания читателей, зато автор приобрел полезные знакомства в прессе. Возможно, именно в этот период Брюн и познакомился с Демуленом, Дантоном и другими будущими знаменитыми деятелями Революции — Ж.-П. Маратом, Л.-М.-С. Фрероном, Ф.-Ф.-Н. Фабром д'Эглантинном, М. Робеспьером и, возможно, с О.-Г.-Р. Мирабо. По другим сведениям, Брюн узнал Демулена через Люсиль Дюплесси, дочь хозяйки литературного салона, будущей мадам Демулен, чей портрет, точнее карандашный набросок, он написал приблизительно в 1788 г., не показав мужественность Люсиль, как это было принято⁵.

Не позднее 1788 г. Брюн женился, вопреки мнению отца, на Анжелике-Николь Пьер (1765—1829), полировщице металла (некоторые называли ее прачкой), на три года младше себя, «простой и доброй»⁶ (брачный контракт они подписали только 2 сентября 1795 г.). Как и Брюн, в Париже она была приезжей — из г. Арпажон, провинции Иль-де-Франс, но, в отличие от Брюна, происходила из бедной семьи. У мадемуазель Пьер был, как минимум, один брат, потомком которого являлся автор нескольких биографических работ о маршале, полковник П.-П. Вермейль де Коншар (1837—1936). Герцогиня Л. д'Абрантес, хорошо знавшая супругов, вспоминала: «Маршал был признателен супруге за их семейное счастье и уютный домашний очаг; она, в свою очередь, относилась к нему со всей нежностью любящего женского сердца»⁷. Детей супруги никогда не имели (как и Мармоны и Серюрье, но Серюрье имели внуков от приемной дочери). Маршалша Брюн воспитала двух приемных девочек, которые, вероятно, не были официально удочерены. Они вышли замуж, и их дальнейшая судьба неизвестна⁸.

Великую Французскую революцию Брюн воспринял с огромной радостью, в соответствии с пылкостью 26-летнего возраста и, вероятно, как величайшую надежду на положительное изменение своей жизни и реализацию его политических идей преобразования окружающего мира. Одним из первых, как и полагалось истинному патриоту, он записался в парижскую Национальную гвардию и был выбран капитаном гренадер, но не ощутил в себе призвания к военному ремеслу. Копируя деятельность друга Демулена, Брюн отдался целиком новому модному занятию — изданию книг и газет.

Издательское дело увлекло Брюна, и он стал основателем и главным редактором вышедшей 15 сентября 1789 г. ежедневной 8-страничной газеты «Исторический сборник», сменившей в течение недели несколько названий. Первоначально тематика газеты была неоригинальной для эпохи: она публиковала так называемые общественные слухи, скабрзные анекдоты о королеве Марии-Антуанетте и дофине Людовике, предостерегала о заговорах против Революции и осуждала «аристократов».

С 1 ноября 1789 г. у газеты Брюна появился совладелец, некий Ж.-Л. Готье де Сионне, журналист правых взглядов, а затем — роялист Ф. Журньяк де Сен-Меар, после чего тематика издания резко изменилась. Брюн, ярый сторонник революционных преобразований, вступил с ними в конфликт, в результате которого ушел из газеты, не пользовавшейся большим успехом. С 16 декабря того же года Готье стал единственным владельцем газеты до ее закрытия

10 августа 1792 г.; при новом издателе и главном редакторе газета стала называться «Малый Готье»⁹. Брюн не опускал руки: в 1790 г. он опубликовал некую 16-страничную работу о горнорудном деле¹⁰ и стал основателем второй газеты — «Пробуждение, или Парижская газета». Неудача постигла его и здесь: он смог издать только четырнадцать номеров (с 16 февраля по март 1790 г.).

Пробы в журналистике и издательском деле не принесли Брюну ни денег, ни славы, и он сменил пристрастия, целиком отдавшись политике. Вместе с Дантоном, Маратом и Демуленом он способствовал созданию в апреле 1790 г. клуба Кордельеров (иногда Брюна, справедливо или нет, называли верной тенью Дантона¹¹). В следующем году Брюн отметился в одном из ярких событий Революции — в июне 1791 г. вместе с Дантоном и Демуленом он вошел в число разработчиков петиции, призывавшей не подчиняться незаконной власти короля-изменника. 15 июля прошло знаменитое совещание в доме Дантона в узком кругу единомышленников, где присутствовал и будущий маршал, и где обсуждались возможности свержения монархии и установления республики. По информации свидетеля, Брюн в тот день держал крайне антимонархические речи и на возражение, что «добрые граждане не вооружены», воскликнул: «И у республиканцев штыки найдутся!»¹²

17 июля на Марсовом поле, по призыву клуба Кордельеров, собрались многие тысячи парижан, чтобы поставить подписи под петицией, но Дантон с друзьями, вероятно, и Брюном, в силу политических причин, не явился на поле, где безоружная демонстрация была расстреляна Национальной гвардией, после чего началось судебное преследование авторов петиции и организаторов демонстрации. Брюна арестовали в ночь с 9 на 10 августа; Дантону и Демулену удалось бежать. Однако 30 августа Брюна выпустили на свободу — судя по всему благодаря вмешательству его влиятельных друзей.

Возможно, политический дебют оказал серьезное влияние на становление личности будущего маршала, и он, не найдя вдохновения ни в журналистике, ни в издательском деле, ни в политике, решил вернуться к военному делу, значимость которого в своей жизни в качестве капитана гренадер парижской Национальной гвардии он пока не сумел или, скорее всего, не успел осознать. К удивлению многих Брюн увлекся новой профессией.

В октябре 1791 г. 28-летний Брюн записался во 2-й батальон Сен-Уазских волонтеров (батальон родного департамента его жены), входивший в состав Рейнской армии под командованием генерала Ф.-К. Келлермана, будущего наполеоновского маршала, и 18-го стал батальонным адъютантом, хотя его офицерский чин остался неизвестным. На этом посту Брюн занимался реквизицией лошадей и повозок для армейских нужд, о чем маршал О.-Ф.-Л. де Вьес де Мармон, недоброжелательно настроенный к окружающим, рассказывал: «Поскольку в эту эпоху предпочтение отдавалось самым суровым и жестоким мерам, Брюну приказывали добывать лошадей прямо на улице, останавливая повозки и тут же распрягая их. Чтобы придать подобного рода мерам вид законности, Брюна назначили батальонным адъютантом. Теперь представьте, как Брюн, высокий мужчина,

с огромными ручищами, перегораживал бульвары и отнимал лошадей у их хозяев. Таковы были его первые воинские подвиги...»¹³

В течение долгих месяцев Брюн, вероятно, не принимал никакого участия в боях. Он вернулся в Париж 5 сентября 1792 г., спустя менее месяца после свержения монархии, за пару дней до своего назначения в Военное министерство, где он, вероятно, по настоянию Дантона, стал главным комиссаром по военным перевозкам, и пару дней спустя после того, как была обезглавлена М.Т.Л. Савойская, принцесса де Ламбаль, в убийстве которой авиньонцы обвиняли Брюна в день его смерти. Критики Брюна утверждали, во-первых, что, если он не участвовал в убийстве принцессы, он вполне мог участвовать в других сентябрьских убийствах, произошедших после 3 сентября (например, в версальской резне 9 сентября). Во-вторых, они сомневались, что Брюн мог прибыть в Париж 5 сентября из селения Родемак, которое на тот момент в течение свыше месяца удерживали пруссаки¹⁴.

Боевое крещение Брюн, вероятно, получил в Бельгии 6 ноября 1792 г. в одном из самых знаменитых сражений «войн за свободу» — при Жемаппе. Затем он участвовал в неудачном для французов сражении при Неервиндене, после которого успешно восстановил дисциплину в павших духом воинских частях. Под командованием будущего наполеоновского маршала Ж.-Б. Журдана Брюн сражался и при Гондшооте (Ондскоте, Гондскоте).

В июле 1793 г. Брюн впервые отправился воевать против мятежников внутри Франции в качестве начальника штаба и командующего авангардом «Прибрежной Шербургской армии» и способствовал победе при Брекуре над бретонскими федералистами (поднявшимися против столичного статуса Парижа) под командованием генерала Ж.-Ж. Пюизе, когда мятежники разбежались при первых же артиллерийских залпах. Спустя месяц, 18 августа, 30-летний Брюн получил эполеты бригадного генерала, в один год с восемью будущими маршалами.

С декабря 1793 г. по апрель 1795 г. генерал служил в Военном комитете Конвента и 17-м военном округе (Париж). Именно в этот период жизнь Брюна находилась под серьезной угрозой — в марте 1793 г. был арестован Дантон с единомышленниками. Но Брюна никто не арестовывал, что говорит либо о его небывалой изворотливости, либо о положительном отношении к нему Робеспьера, ибо на гильотине оказались те, кого Брюн хорошо знал: Дантон, Демулен и Фабр д'Эглантин. Когда Робеспьер сменил Дантона на эшафоте, Брюн опять же остался не только в стороне, но и на свободе. Судьба явно благоволила ему.

Точная дата встречи Брюна с Бонапартом неизвестна, но, скорее всего, она состоялась незадолго до подавления мятежа 13 вандемьера IV года Республики (5 октября 1795 г.) в Париже, где бригадный генерал Брюн действовал под его командованием, проявив в полной мере твердость и беспощадность, без колебаний применив против мятежников артиллерию. Возможно, в этот период или немногим ранее Брюн приобрел нового покровителя в лице П.-Ф.-Ж. Барраса.

После успехов в подавлении протестов внутри страны, в сентябре 1796 г. Брюн продолжил боевую службу под началом Бонапарта в «Италийской армии». Под его руководством, командуя бригадой в

составе дивизии А. Массены, Брюн участвовал в знаменитых Итальянских кампаниях 1796—1797 гг., где неоднократно доказал мужество и храбрость в сражениях при Арколе, Риволи, осаде Мантуи. 13 января 1797 г. Бонапарт написал Жозефине: «Мундир генерала Брюна пули пронзили семь раз, даже не оцарапав его. Вот что значит быть счастливым!»¹⁵ Через три месяца, в день подписания Леобенского перемирия, Бонапарт отметил заслуги 34-летнего Брюна, присвоив ему 17 апреля 1797 г. самый высший чин во французской республиканской армии — дивизионного генерала. Утверждение чина Директорией состоялось 7 ноября того же года.

В том же году генерал Дезе, ближайший сподвижник Бонапарта, характеризовал Брюна так: «Брюн — бригадный генерал, тридцати трех лет от роду, достаточно высокий мужчина, с черными волосами, продолговатым, немного узким внизу лицом цвета, как у желтушного больного, с большими черными глазами... Смелый, умный, особенно в области штабной работы». Хорошо знавшие Брюна Демулен и Дантон называли его «гигантом» («Patagon»), намекая на его рост, а герцогиня Абрантес уверяла читателей в элегантной внешности Брюна. Адьютант маршала Ж. Вижье говорил о «радушии его манер и доброте его сердца, навсегда привязывавшего к нему людей»¹⁶. Мармон соглашался с Вижье, но в целом отзывался о маршале отрицательно: «Голова Брюна напоминала библиотеку с плохо расставленными книгами... Счастье ему благоприятствовало в течение всей карьеры: без таланта, без храбрости, без дарований и без военного образования, он связал свое имя с довольно громкими успехами». Французский драматург и баснописец А.-В. Арно, лично знавший Брюна, уверенно говорил о его образованности, способности декламировать по памяти Горация, видя в нем не лишеного «тщеславия человека, но простого и скромного»¹⁷.

В январе 1798 г. Директория, скорее всего по инициативе Барраса, перевела Брюна на пост командира Гельветическим наблюдательным корпусом на границе со Швейцарией. Скорее всего, причиной для оставления Брюна во Франции послужило намерение Барраса иметь при себе проверенного и решительного генерала на непредвиденный политический случай.

Желая полностью подчинить швейцарские кантоны, Париж решил учредить вместо Швейцарской конфедерации очередную «дочернюю республику» и доверил Брюну выполнение этой миссии. В рамках исполнения ответственной задачи Брюн проявил хитрость и гибкость: в ожидании подкреплений он вступил в затяжные переговоры с Берном, а после прибытия войск легко выполнил предписания Парижа: 2 марта он начал боевые действия, а уже 5-го вошел в капитулировавший перед французами Берн, даже не пытавшийся создать видимость сопротивления. В качестве трофеев Брюну достались огромные арсеналы и продовольственные склады и, самое главное, — семь миллионов франков, из которых часть пошла на финансирование Египетского похода Бонапарта, как и четыре миллиона франков контрибуции. Брюн, вероятно окрыленный успехом, попытался было реализовать собственные политические амбиции, подражая Бонапарту, создавшему в июне 1797 г. Цизальпинскую республику со столицей в Милане: 16 марта Брюн объявил о намерении создать на терри-

тории Швейцарии три самостоятельных де-юре республики: Тельговию (страна Вильгельма Телля), Гельвецию и Роданию (Роданус — латинское наименование реки Рона). Через четыре дня Директория выразила живейший протест Брюну и, опираясь на недовольство проектом местного населения, оставила Швейцарию как единое целое ¹⁸.

Начало войны второй коалиции (1798—1801) Брюн встретил на посту командующего «Италийской армии», располагавшейся в Северной Италии, в частности, на территории Цизальпинской республики, в которой парижская Директория решила провести конституционные преобразования с целью утверждения своей власти. Выполняя предписания Барраса, Брюн произвел государственный переворот ¹⁹. В ночь на 18 октября он приказал трем директорам из пяти (в республике, как и во Франции, существовала Директория) и нескольким десяткам депутатов уйти в отставку, заменив всех на итальянских якобинцев, прямо, как 18 фрюктидора V года Республики (4 сентября 1797 г.) в Париже Бонапарт руками генерала Ожеро сместил и арестовал двух директоров. В результате в Милане к власти пришли местные республиканцы, что напугало Париж, принявшего радикальное решение: Директория аннулировала изменения, введенные Брюном и Фуше, отозвала их обоих и восстановила изгнанных директоров и депутатов.

Брюна отправили в противоположном направлении, на север, в Батавскую республику, где с 8 января 1799 г. он возглавил немногочисленную голландско-французскую «Батавскую армию» (30—35 тыс. чел.). По мнению Барраса, генерала отправили в Голландию не столько в опалу, сколько желая на деле проверить его полководческие способности ²⁰. Вряд ли Брюн мог подозревать, что во главе этой армии он спасет Францию.

Генерал оказался на новом посту в один из важнейших моментов существования страны. Во второй половине 1799 г. началось новое наступление на республику: с севера и юга. Пока на юге французы уходили к Альпам, оставляя позиции в Италии австро-русским войскам генерал-фельдмаршала А.В. Суворова, а Бонапарт находился в отрезанном от Франции Египте, Брюн пытался спасти родину на северных ее границах. Франция опять, как в 1792 г., стояла на грани гибели.

27 августа на территорию Батавской республики, с целью ее захвата, начал высаживаться экспедиционный корпус англо-русских войск (всего 40—45 тыс. чел.) под командованием брата английского короля герцога Йоркского. Начало кампании не предвещало Брюну ничего хорошего: сразу же при высадке первых частей неприятеля голландцы оставили важный пункт, и весь их флот без единого выстрела спустил флаги.

19 сентября англо-русские войска атаковали французов при селении Берген, но из-за неорганизованности своего командования наступавшие потерпели неудачу. Хотя противники к концу сражения оказались там же, где и до начала боевых действий, и понесли приблизительно равные потери, французы имели больше шансов праздновать победу, поскольку в плен к Брюну попал командующий русскими войсками генерал-лейтенант И.И. Герман, что нанесло сильный удар по боевому духу русских войск. 2 октября, при Аלקмааре (вто-

рое сражение при Бергене), стороны к вечеру вновь остались на прежних позициях, но ночью Брюн, опасаясь обхода, тайно отвел войска на заранее подготовленные позиции.

Несмотря на достигнутые успехи, положение экспедиционного корпуса оказалось более чем сложное: сопротивление Брюна, регулярно получавшего подкрепления и активно усиливавшего оборонительные позиции, не ослабевало; население оказалось на стороне французов. Напротив, англо-русские силы потеряли почти половину личного состава не столько убитыми и ранеными, сколько в силу быстро распространявшихся болезней; обеспечение войск питанием, боеприпасами находилось на критической отметке ²¹.

6 октября произошло третье (и последнее) сражение — у Бакума (Кастрикума), где союзники, сохраняя стратегическую инициативу, вновь атаковали Брюна. В свою очередь, Брюн, воспользовавшись медлительностью нападавших, провел удачную контратаку сначала против русских войск, затем против английских, и только благодаря упорству и стойкости русских войск французам не удалось одержать победу. Брюн опять оставил позиции. Однако союзники не имели больше сил для развития успеха и в ночь на 8 октября отступили, бросив больных и раненых. В конце октября командующий английскими войсками Р. Эберкромби с грустью свидетельствовал: «Меня не надо было убеждать в достижении успеха в Голландии, как бессмысленно убеждать человека в отсутствии чего-либо» ²².

Серьезные разногласия между русским и английским военным командованием вкупе с резким уменьшением боевого состава привели к краху экспедиции. Не ожидая повелений из Лондона, герцог Йоркский вступил в переговоры с Брюном, и 18 октября 1799 г. в Алькмаар стороны подписали соглашение о прекращении военных действий и эвакуации союзников из пределов Батавской республики. 22 ноября Брюн с гордостью сообщил военному министру Л.-А. Бертье: «Англо-русские войска полностью очистили территорию Батавской республики» ²³. Но голландский флот Брюну вернуть не удалось.

Победа в Голландии имела большое значение и потому, что на юге 25—26 сентября командующий Дунайской и Гельветической армиями дивизионный генерал Массена нанес поражение у Цюриха войскам коалиции под командованием генерала от инфантерии А.М. Римского-Корсакова. Возможность угрозы вторжения во Францию резко ослабла.

В честь победы Брюн получил от правительства комплект почетного оружия (пара пистолетов системы Н.-Н. Буте и сабля); одну из парижских улиц назвали Гельдерской (на этой улице в доме двадцать семь, жил герой А. Дюма «Монте-Кристо» Фернан де Морсер), а Законодательный корпус Батавской республики преподнес победителю почетную саблю.

Наполеон высоко оценивал деятельность Брюна в Голландской кампании и на Св. Елене расточал похвалы маршалу: «Брюн был провозглашен “Спасителем Батавской республики”... Он не просто спас Голландию — он спас Францию от иноземного нашествия» ²⁴. Военный теоретик А.-А. Жомини также хвалил действия Брюна, упрекнув его только в отсутствии воли при обсуждении вопроса о возвращении батавского флота ²⁵. Можно отметить, что, хотя Брюну не удалось

одержат значимой победы на поле боя и вернуть флот, генерал сумел оказать достойное сопротивление численно превосходившему противнику и организовать эффективную, активную оборону.

Уходивший 1799 год был отмечен не только победами Массены и Брюна, но и знаковым событием в истории Франции — приходом к власти 9—10 ноября Бонапарта. С какими чувствами Брюн отнесся к возвышению Бонапарта, не очень ясно. Возможно, Брюн даже завидовал его карьере²⁶, как, например, Ожеро. По крайней мере, из-за «миланского дела» Брюн вряд ли сожалел о кончине Директории.

После прихода к власти Первому консулу Бонапарту достались внутренние и внешние проблемы Франции. В частности, продолжавшаяся война на западе страны, на территории бывшей провинции Бретань, где к 1800 г. все еще действовали шуаны, а в районах соседней Нормандии — вандейцы. Начало нового витка вооруженного сопротивления, по-прежнему усиленно поощряемого Лондоном, пришлось на 1799 г. — год наивысшего противостояния Франции и Европы. В ходе боевых действий (до 18 брюмера) командующему республиканской «Английской армии» генералу Г.-М.-Т. д'Эдувилю удалось начать успешные переговоры с мятежниками.

После прихода к власти Бонапарта и провозглашения им политики достижения мира с восставшими мнения последних разделились: часть их, уставшая от войны, соглашалась на условия Парижа, другая готовилась продолжать боевые действия, рассчитывая не столько на поддержку местного населения, сколько на английских военных, эмигрантов и даже русские войска²⁷.

Для подавления сопротивления мятежников Бонапарт назначил 14 января 1800 г. командующим «Западной армией» (бывшая «Английская армия») победителя англо-русской экспедиции, прибывшего в департамент Морбиан, где вооруженное сопротивление возглавляли живые легенды шуанов Ж. Кадудаль и А.-К.-М. Пике де Буаги, не считая других командиров. Четыре дня спустя, благодаря дипломатии Эдувиля, все вандейские главарь подписали Монфоконский мир, но Бонапарт выказал недовольство его условиями и даже не направил в адрес Эдувиля никаких соответствовавших случаю слов благодарности²⁸.

31 января Брюн издал прокламацию на французском и бретонском языках в адрес населения, шуанов, священников, призывая сложить оружие и обвиняя в братоубийственной войне Англию, которая, бесстыдно обманывая доверчивых бретонцев, «вручила им оружие для братоубийственной войны»²⁹. Одновременно Брюн занялся налаживанием обеспечения войск, обращая особое внимание на вопросы поддержания дисциплины, предупреждая солдат о неминуемой ответственности за причиненные гражданскому населению злодеяний под лозунгом «без дисциплины нет ни армии, ни славы»³⁰.

11 февраля произошло историческое событие — в замке Борегар враждовавшие стороны достигли компромисса: Кадудаль обязывался прекратить вооруженную борьбу против Парижа на подконтрольной ему территории в обмен на восстановление религиозных прав, государственную защиту священников, амнистию шуанам и обеспечение неприкосновенности собственности гражданского населения. Правда, жесткость Брюна чуть было все не испортила: он заставил население содержать войска за собственный счет и дерзко вмешивался в полномочия гражданской администрации, вызвав сильное недовольство вчерашних шуанов ³¹.

Борегардский мир биографы Брюна оценивают высоко, ибо он положил конец войнам против шуанов, длившимся с 1792 года. Фактически так оно и было, но главная причина прекращения сопротивления шуанов крылась не в действиях Брюна, а, во-первых, в общей усталости местного населения от жестокости боевых действий в течение восьми лет; во-вторых, в мудрой политике Первого консула по умиротворению Бретани и Вандеи.

Апологеты Брюна забывают и о третьем, самом главном факторе, повлиявшем на прекращение сопротивления бретонцев, — о роли Эдувиля, во многом подготовившего почву для победы Брюна. Брюн прибыл в Морбиан уже после заключения важного для Парижа Монфоконского мира, фактически остановившего войну шуанов, руководители которых предпочитали общаться, как и раньше, с Эдувилем, занявшим при Брюне пост начальника штаба ³².

В августе Бонапарт назначил Брюна командующим «Итальянской армии» вместо Массены. Это назначение явно свидетельствовало о доверии Бонапарта, поскольку Массену сняли за злоупотребление должностным положением в корыстных целях, и именно Брюну предстояло завершить начатое Бонапартом в Италии после блестящей победы при Маренго. С другой, Брюну поручался второстепенный фронт, поскольку главный удар должен был нанести командующий Рейнской и Гельветической армиями генерал Ж.-В.-М. Моро.

К концу 1800 г. войска враждовавших сторон стояли по обе стороны реки Минчо: австрийская армия под командованием генерала Г.Й.И. Беллегарда (90 тыс. чел., включая гарнизоны крепостей) — на левом берегу, Брюн (56 тыс. чел.) — на противоположном. Перед переправой через Минчо он забыл предупредить об изменении срока начала действий командующего войсками правого фланга генерала П.-А. Дюпона ³³, который с трудом отстоял переправу 25 декабря и спас Брюна от более чем вероятной катастрофы. Наполеон жестко упрекал Брюна за его поведение: «...исправить ошибки главнокомандующего и его помощников, проистекавшие из их безрассудных амбиций, смогли только жизни бесстрашных французских солдат. Главнокомандующий, штаб-квартира которого находилась в двух лье (8—10 км. — М.Ч.) от места сражения, предоставил правому крылу, которое, как он знал, находилось уже на левом берегу, биться один на один с австрийцами, не имея возможности ничем помочь ему. Подобное поведение не нуждается в комментариях» ³⁴.

Хотя Итальянскую кампанию Брюн выиграл, Бонапарт в изложении генерала Ш.-Т. де Монтолона на Св. Елене высказался в адрес командующего «Итальянской армии» весьма критически: «Итальянс-

кая кампания доказала ограниченность способностей Брюна, и Первый консул больше не использовал его на ответственных постах»³⁵. Во время всей кампании Брюну изначально повезло, что Беллегард предоставил французам инициативу, отказавшись от разработки собственных наступательных планов. В любом случае, победа была налицо, и заключение Люневильского мира между Парижем и Веной принесло Брюну очередные награды: Брешиа преподнесла ему почетную саблю, а Турин поставил мраморный бюст.

В послевоенный период Брюну выпала возможность получить всемирную известность. Его друг генерал Т.-А. Дави де Лапайетери 25 июля 1802 г. предложил ему стать крестным отцом своего сына: «Вчера утром моя жена родила сильного малыша, весом девять фунтов и ростом 18 дюймов... А ты знаешь, какая у меня для тебя потрясающая новость? Я хочу, чтобы именно ты стал бы крестным отцом моего ребенка!». Через четыре дня Брюн ответил: «Друг мой, есть одно предубеждение, которое мешает мне выполнить твою просьбу. Я уже пять раз был крестным отцом, и пять раз мои крестники умирали... После смерти последнего из них я дал себе зарок больше никогда не становиться крестным отцом»³⁶. Несколько десятилетий спустя несостоявшийся крестник Брюна впишет свое имя золотыми буквами в мировую литературу — его сын Дави де Лапайетери, с 1786 г. взявший себе фамилию матери Дюма, стал писателем мирового значения под именем Александр Дюма-отец.

11 сентября 1802 г. Первый консул сменил ампула Брюна, назначив генерала послом в Турцию, отношения с которой к 1802 г. из-за вторжения Бонапарта в Египет уже были урегулированы. С одной стороны, причина избрания Брюна крылась в славе генерала как победителя русских, англичан и австрийцев, не участвовавшего в бонапартовском Египетском походе, чтобы Брюн своим присутствием не напоминал султану Селиму III о прошлом конфликте. С другой стороны, учитывая назначение Ланна в ноябре того же года послом в Португалию, Бонапарт явно стремился удалить от Парижа обоих завязых республиканцев, особенно столь одиозную личность, как Брюн. Провозглашение Империи состоялось без них. Вероятно, именно данное обстоятельство было преваляющим, ибо Бонапарт не мог не понимать, что при монархическом престоле имидж генерала-якобинца мог сказаться отрицательным образом на престиже Франции, как и его присутствие среди послов Петербурга, Вены и Лондона.

Итоги миссии Брюна, встретившего в Стамбуле свое 40-летие, оказались неоднозначными³⁷. С одной стороны, он поддержал престиж Франции, добился выхода французских торговых кораблей в Черное море, и именно Брюн наладил первые дипломатические контакты Франции с Персией. С другой, он не выполнил предписания об обеспечении выплат компенсаций Парижу за изъятую Стамбулом во время войны с Францией собственность, неуверенно действовал во время разрыва с Англией после Амьенского мира, проиграл схватку за признание Наполеона императором.

Именно в Стамбуле 41-летний Брюн узнал о присвоении ему маршальского жезла — несмотря на его республиканское прошлое и взгляды, Наполеон не имел никакого права проигнорировать его победу в 1799 г., но назначил его лишь девятым среди шестнадцати в

так называемом первом списке маршалов. Девятым Брюн оказался среди всех маршалов и по возрасту, в котором получил маршальский жезл. Однако нельзя забывать и о возможном (дополнительном) желании Наполеона повысить статус посла в Турции.

Судя по всему, Брюн остался верен Революции: он никогда не стремился к титулам и вместе с десятком других маршалов не получил ни единой должности при императорском дворе. Правда, 2 июня 1815 г. Наполеон возвел Брюна в пэры Франции и сан графа, но *ipso facto* (явочным порядком), то есть маршал не получил ни герба, ни соответствовавших документов. С другой стороны, Баррас сомневался в истинной приверженности Брюна республиканизму, полагая, что ореол пылкого республиканца маршалу создала дружба с Демуленом и Дантоном, факт которой использовали недоброжелатели Брюна³⁸.

Вернувшись во Францию, избравшую императора, бывший кордельер и якобинец Брюн, оказавшись словно чужой в «маршальском списке», исполнил тяжелую для себя обязанность принесения присяги на верность монарху в качестве маршала Первой империи. По мнению генерала П.-Ш. Тьебо, известного уничижительным отношением ко всем, с кем ему приходилось общаться, «костыль Брюну пошел бы лучше, чем маршальский жезл, слишком короткий для его роста и слишком тяжелый для его руки»³⁹.

Брюн получал знаки признательности от Первого консула и императора. Он был награжден орденом Почетного легиона — крестом шевалье (1803), Большим офицерским крестом (1804), Большим крестом (1805) и стал кавалером двух иностранных орденов: Итальянского королевства — крест командора ордена Железной короны (1806) — и Неаполитанского королевства — большой крест ордена Обеих Сицилий (вероятно, в период Ста дней). Первая реставрация принесла Брюну крест шевалье ордена Св. Людовика.

После провозглашения Франции Империей широкомасштабная подготовка Наполеона к высадке в Англии не оставила маршала без дела. С сентября 1805 г. Брюн возглавил Булонский военный лагерь, где занимался строительством укреплений, формированием и обучением моряков для действий на суше, одновременно контролируя границу с Батавской республикой. Однако Наполеон, помня об участии Брюна в Итальянской кампании 1800 г., не взял его в Австрийскую кампанию 1805 г., как и четверых маршалов: Журдана, Ф.-Ж. Лефевра, Массену и Монсея. Впрочем, Журдан и Массена в 1805 г. воевали в Италии, Лефевр командовал частями Национальной гвардии, а Монсей возглавлял жандармерию.

Во время Прусской кампании 1806 г. Наполеон 15 декабря назначил Брюна генерал-губернатором Ганзейских городов (Гамбург, Любек, Бремен). На этом посту Брюн решал одну из самых насущных задач Франции и Наполеона — обеспечение эффективной деятельности Континентальной блокады.

Вновь на посту командующего войсками Брюн оказался спустя четыре месяца, 29 апреля 1807 г., когда император поставил его вместо Мортье командиром Обсервационного корпуса. Мортье, не завершив осаду мощной крепости Штральзунд и важного острова Рюген, подписал в Шлаткове 18 апреля перемирие и был отозван Наполеоном на осаду Кольберга.

15 мая шведский генерал Х.Х. фон Эссен известил Брюна об отказе короля Швеции Густава IV ратифицировать перемирие на французских условиях. Для урегулирования спора Эссен 3 июня пригласил Брюна на встречу с королем ⁴⁰.

4 июня произошла историческая встреча маршала и Густава. Переговоры шли за закрытыми дверями, без свидетелей. Сопровождавший маршала очевидец — батальонный командир инженерных войск Л. Лежён — вспоминал: «...маршал вышел из-за дверей бледный, серьезный и явно скрывающий гнев... Усевшись вместе с маршалом в карету, я услышал от него то, что произошло, и что я должен был передать императору: Густав, хотя был неоднократно разбит войсками маршала, предложил ему повернуть оружие против Франции вместе с войсками союзников во имя победы Людовика XVIII» ⁴¹. Переговоры были прерваны.

С другой стороны, шведский штаб-офицер Ш.Ж.Б. Сюрамен, хорошо знавший Густава IV, но не присутствовавший на аудиенции короля с Брюном, сомневался в самом факте переговоров о возможном переходе маршала на сторону Людовика XVIII и, кроме того, обвинял маршала в том, что он, как только услышал тему беседы, сразу же не прервал ее и не ушел, тем более, что она выходила за рамки оговоренной заранее повестки дня переговоров, и условия, в которых они протекали, вполне позволяли Брюну хлопнуть дверью ⁴².

3 июля Густав денонсировал перемирие, но успех сопутствовал Брюну: 20 августа Штральзунд капитулировал, и Брюну достались 400 пушек и огромное количество провианта и боеприпасов. 7 сентября в Штральзунде маршал подписал договор, по которому остров Рюген достался французам без единого выстрела, а шведский флот уходил в свои воды.

Хотя Брюн победоносно завершил Померанскую кампанию, 27 октября 1807 г. император подверг его критике, отправив из армии с сохранением маршальского жезла. Как известно, причин для этого были две.

Во-первых, Наполеон оказался недоволен условиями капитуляции: в тексте конвенции, заключенной с противником, маршал позволил себе написать дважды «французская армия» вместо «армия его величества», и упомянул титул императора как «главнокомандующего армии его императорского величества французов, короля Италии» только один раз, в конце документа ⁴³. Взбешенный умалением титулования, Наполеон воскликнул: «Со времен Фарамонда мир не видел ничего подобного!» ⁴⁴ (Фарамонд — король салических франков в V в., мифический предок династии Меровингов).

Во-вторых, Наполеон решил «примерно» наказать маршала за систематическое воровство. Уже в 1798 г. Брюна упрекали в присвоении казенных денег при продаже во время усмирения Бордо осенью 1793 г. нескольких табунов лошадей, предназначенных для нужд армии ⁴⁵. Брюна обвиняли в «покупке» перемирия с Берном; в разграблении бернской сокровищницы после взятия города; в воровстве на посту генерал-губернатора Ганзейских городов и т.д. Как говорили во времена Империи, существовала даже поговорка: «грабить по-брюновски» ⁴⁶.

Но можно назвать еще третью и четвертую причины. В качестве третьей, в 1815 г. Наполеон на Св. Елене указал следующую: «Брюн

потерял мое уважение из-за его поведения со шведским королем в переговорах о Штральзунде». Четвертую причину указал Вижье, полагавший, что Наполеон наказал маршала за его нежелание нанести полный разгром шведам и, возможно, изменить пробританскую политику шведского престола в пользу Парижа ⁴⁷.

Причины семилетней опалы маршала представляют большой интерес. По первому пункту обвинений можно сказать, что к 1807 г. императору не требовались маршалы, могущие ему служить напоминанием о Революции. Думается, именно поэтому обвинения Наполеона в адрес маршала из-за политически неграмотного составления документа стали не причиной опалы Брюна, а предлогом для его увольнения из армии.

По второму пункту обвинений французский биограф маршала и его апологет Вермейль де Коншар и некоторые другие, менее известные, традиционно говорили о несправедливом отношении Наполеона к Брюну.

Во-первых, Наполеон на Св. Елене, называя Брюна «отважным расхитителем» ⁴⁸, снисходительнее относился к маршалу, чем ранее. Например, Наполеон протестовал против обвинений Брюна в воровстве в Швейцарии: «Брюна несправедливо обвиняли в злоупотреблении должностным положением в Швейцарии, и история воздаст ему справедливость» ⁴⁹.

Во-вторых, генерал Тьебо, открыто обвинявший Массену и Мармона в казнокрадстве, признавал в маршале честность и патриотизм, не упуская случая постоянно ругать Брюна за отсутствие у него военных талантов ⁵⁰.

В-третьих, если Брюн и занимался неблаговидными делишками (скорее всего, он действительно ими занимался), совершенно очевидно, что он не шел ни в какое сравнение со своими беззастенчивыми коллегами. Так, широко известно о легендарном воровстве Массены, «короле Иллирии» «Мармоне I», «фургонах Ожеро», картинной галерее Ж. де Сульта.

Третья и четвертая причины отправки маршала в опалу требуют, безусловно, серьезной научной проработки. Во-первых, насколько имели основания сомнения Наполеона в верности ему Брюну в переговорах с Густавом? Если верить публикации короля 11 августа 1807 г. в шведской официальной «Почтовой и королевской газете» стенограммы переговоров с Брюном, преданность маршалу действительно могла вызвать сомнения ⁵¹. С другой стороны, подлинность текста остается под вопросом. Во-вторых, Швеция придерживалась строгой пробританской политики, что требовало от Наполеона нанести серьезное поражение Густаву, но Брюн разрешил неприятелю с оружием, боеприпасами и обозами беспрепятственно вернуться на родину.

В любом случае, участие Брюна в наполеоновских кампаниях окончилось. С 1807 по 1815 гг. Брюн не принимал никакого участия в Наполеоновских войнах, проживая в построенном в X в. замке Сен-Жюст-ан-Валь (с 1888 г. Сен-Жюст-Соваж) в департаменте Марна, приобретенном им 2 июня 1797 г., где и встретил два своих юбилея: 45-летие и 50-летие. По данным адъютанта маршала Вижье, Брюн вернулся к гражданской жизни без всякого сожаления, «предав забвению несправедливость двора и блеск своих триумфов, и отказывая

во всем правительству, потакавшему деспотизму, противоречившему свободолюбию характера маршала и суровости его принципов»⁵². Свободное время, по данным самого осведомленного биографа Брюна, маршал проводил в занятиях литературными изысканиями и сельским хозяйством, пытаясь вернуться на военную службу⁵³. Однако никаких воспоминаний он не оставил. Удивительно, что Брюн, начинавший на заре жизни как журналист и издатель, не использовал свободное время для возобновления творчества.

В апреле 1814 г. Брюн незамедлительно поддержал Людовика XVIII после отречения императора, но королевская власть отнеслась к нему, по понятной причине его прошлого, настороженно. Брюна даже не поставили во главе военного округа, как девять из двадцати маршалов. С другой стороны, во времена Реставрации Брюна не третиروали, как Л.Н. Даву.

Во время Ста дней 51-летний Брюн перешел на службу к императору. Истинные мотивы возвращения Брюна не очень понятны — он пошел на службу именно к Наполеону или в знак протеста против возрождения Старого порядка? Нельзя не учитывать не только политическое неприятие Брюна дореволюционной монархии, но и личные обиды на Людовика XVIII. Но принял ли Наполеон Брюна на службу только в силу великодушия, в качестве некоей компенсации за «померанскую» опалу? В начале Ста дней император якобы сказал: «Вызовите мне маршала Брюна — это твердый и сильный духом человек, на которого я могу с легкостью рассчитывать»⁵⁴. Опираясь на последнюю фразу, можно предположить: либо Брюн пришел к Наполеону не добровольно, а по его приказу; либо желание Брюна вернуться на службу совпало с желанием Наполеона вернуть маршала в строй.

В апреле 1815 г. Наполеон назначил Брюна командующим 8-м военным округом и Варским обсервационным корпусом (5,5 тыс. чел). По замыслу императора, Брюн должен был держать в повиновении Прованс и защищать область от возможного вторжения интервентов. Однако Брюн не имел поддержки ни у местных властей, ни у населения, пребывавшего в неопределенности после восстановления Наполеона на престоле. Единственной опорой маршала стали его войска, но их малочисленность не внушала оптимизма в деле удержания порядка, не говоря уже об успешной обороне от австрийцев с суши и англичан с моря. Тем не менее, Брюн принялся активно налаживать жизнь войск. По мнению капитана 1-го ранга Ж. Гривеля, адъютанта морского префекта Тулона, маршал «проявил желание оказаться достойным недавно засвидетельствованного ему доверия Наполеона»⁵⁵.

24 июня Брюн узнал о поражении при Ватерлоо, оказавшем большое влияние на морально-психологическое состояние офицеров и солдат. После прибытия в Тулон маркиза Ш.Ф. Риффардо-Ривьера, назначенного королем командующим 8-м военным округом, маршал, полностью убедившись в политических изменениях в стране, 26 июля официально сложил с себя полномочия в пользу маркиза.

После отставки Брюну требовалось убыть в Париж для отчета о своих действиях на посту командующего округом и обсервационным корпусом. Первоначально он решил отправиться в столицу морем через Гавр, но получил отказ у англичан. По версии Гривеля, Брюн

добровольно отказался от этого, ибо «войска, постоянно возбуждаемые ложными слухами со стороны плебса Тулона, могли заподозрить в отъезде Брюна намерение бросить их на произвол судьбы»⁵⁶.

В три часа пополудни 1 августа 52-летний Брюн, одетый в гражданское платье, с соответствовавшими документами от Ривьера и от австрийцев, выехал из Тулона в Париж в сопровождении эскорта от 14-го конно-егерского полка. На протяжении пути местное население не жаловало Брюна, например, около Экс-ан-Прованса, где маршалу удалось избежать серьезной опасности для жизни.

Утром 2 августа коляска и одноколка въехали в Авиньон: в коляске находился маршал, в одноколке — два его адъютанта. О последних часах жизни Брюна известно достаточно подробно, за исключением некоторых второстепенных деталей⁵⁷.

Агрессивно настроенная толпа авиньонцев, помнивших об участии Брюна в революционном терроре, не дала ему выехать из города, и он оказался заблокированным на постоялом дворе «Королевский дворец», лишившись помощи адъютантов, которых бунтовщики бросили в подвал под охрану вооруженных часовых. (Адъютантов, ожидавших с минуты на минуту расправы, только вечером того же дня доставили к префекту, благодаря которому им удалось убыть в Лион.)

Оставшись в одиночестве, Брюн был обречен. В комнату к маршалу ворвались несколько человек, пробравшихся через окно в коридоре (по другой версии, маршал сам открыл им дверь). Убийца, оказавшийся за спиной Брюна, выстрелил ему в голову и попал маршалу прямо в сонную артерию. Прибывшие на место трагедии врач и судебский чиновник констатировали смерть и, невзирая на входное отверстие пули в затылке маршала, вынесли вердикт о самоубийстве Брюна, ставший официальной версией его смерти.

Однако даже кончина Брюна не успокоила толпу, не желавшую расходиться. Когда через несколько часов гроб с телом маршала понесли на кладбище, его останки вытащили из гроба и за ноги потащили тело к Роне, где его сбросили в воду; по дороге труп не переставали колоть кинжалами, а когда он оказался в реке, убийцы открыли по нему беспорядочный огонь из ружей и пистолетов.

Рона унесла тело Брюна до окрестностей Тараскона (20 км южнее по прямой линии), и выбросила на берег, где оно, засыпанное речным песком, оставалось около двух месяцев без погребения, пока на останки не обратили внимание случайные прохожие. Некий садовник тайно похоронил Брюна во рву соседнего участка. Ярость против маршала, возбуждаемая глупыми и не имевшими ничего общего с действительностью россказнями, оказалась настолько сильной, что вдове маршала пришлось ждать до 24 декабря 1817 г., то есть два с половиной года, прежде чем получить останки супруга, которые она сохранила в своем замке Сен-Жюст до самой смерти.

Она горько оплакивала мужа, и в память о нем высадила липовую аллею около их «фамильного» замка (в древнегреческой мифологии липа символизировала супружескую любовь). Мадам Абрантес сравнила смерть Брюна с убийством К. Кончини, маршала д'Анкра, произошедшего почти двести лет назад, в апреле 1617 г., во времена Людовика XIII⁵⁸. Через несколько дней после его смерти

парижане вырыли его останки, протащили по всему Парижу, бросали камнями, избили палками, подвесили за ноги к виселице на мосту через Сену, а затем разрубили на куски и сожгли ⁵⁹.

В начале прошлого века французский ученый Э. Бонналь выдвинул версию о преднамеренном убийстве Брюна, главным организатором которого он назвал маркиза Ривьера ⁶⁰. Во-первых, Бонналь обратил внимание на то, что сопровождавший маршала эскорт был снят с Брюна именно накануне прибытия в Авиньон. Приказ об этом мог отдать королевский комиссар, маркиз Ривьер, обладавший на тот момент всей полнотой власти в регионе, а никак не командир полка, имевший славу отважного офицера. Во-вторых, сразу после убийства маршала Ривьер оставил пост командующего 8-м военным округом, и на него посыпались награды: 17 августа, спустя менее двух недель, он стал пэром Франции, 29-го получил чин генерал-лейтенанта; в 1816 и 1819 гг. Ривьер стал кавалером самых престижных орденов Старого порядка. В-третьих, Бонналь привел отрывок из неопубликованной ранее записи Ривьера об аудиенции с королем сразу после прибытия из Тулона в Париж. Ривьер отметил, что Людовик дал поцеловать себе руку и сказал: «Дорогой мой Ривьер, я доволен вами» ⁶¹.

В течение нескольких лет после смерти маршала, во Франции господствовала официальная точка зрения о его самоубийстве. Вдова Брюна твердо встала на защиту доброй памяти своего мужа и упорно пыталась добиться справедливости, невзирая на многочисленные отказы французской бюрократии. Судебный процесс об убийстве Брюна, открывшийся в Риоме только 13 октября 1819 г., протекал очень медленно. Обвинялись двое: портной Фарж и портовой грузчик Гендон по кличке «Рокфор», но первый к тому моменту скончался, а второй находился в беггах. Однако маршальша добилась определенной победы: суд опроверг первоначальное мнение о самоубийстве ее мужа и 5 февраля 1821 г. вынес решение о намеренном убийстве Брюна Гедоном, приговорив «Рокфора» к смертной казни заочно. Однако Гедона так и не нашли, хотя ходили слухи, что его видели на улицах Авиньона. Но кто в действительности произвел роковой выстрел, осталось до конца невыясненным.

Вдова достойно расплатилась по всем судебным издержкам и уединилась от всех. В 19 час. 30 мин. 1 января 1829 г. она скончалась. Следуя ее завещанию, ее и останки супруга были похоронены (3 января) на местном кладбище в Сен-Жюсте в одной могиле, в присутствии двух тысяч человек, включая всех представителей местных гражданских и военных властей. 2 марта того же года местный муниципалитет объявил их захоронение вечным, оплачиваемым за счет казны (по французским законам место могилы необходимо оплачивать; по истечении двух-трех десятков лет, если за это место никто не платит, могилу сносят, а в нее хоронят другого усопшего). Памятник, сохранившийся к 2016 г. на кладбище, был воздвигнут за счет средств капитана бывшей Императорской гвардии Наполеона I.

Франция не забыла о маршале: его имя выгравировано на восточной стороне Триумфальной арки; в честь Брюна названы улицы в Бриве и парижский бульвар в так называемом Маршальском бульварном кольце. На центральной площади родного города маршала, 3 октября 1841 г., в торжественной обстановке, при огромном стече-

нии горожан, была поставлена статуя в его честь, выполненная за счет пожертвований горожан, городских властей и иных лиц, включая маршалов Удино, Г.-Ж.-Ж. Молитора и Н.-Ж. Мезона, а также короля Швеции Карла XIV Юхана (бывшего маршала Бернадота). В 2015 г. Брив почтил 200-летие со дня гибели маршала. Дом в Авиньоне, где размещался постоянный двор «Королевский дворец», находился к 2016 г. в целости и сохранности (в июне 1837 г. Стендаль провел в этом доме одну ночь); о трагических событиях повествует памятная доска.

Не достигнув успеха ни в журналистике, ни в издательском деле, ни в политике, Брюн полностью отдался военному делу. Не имея военного образования, он показал себя хорошим организатором и выиграл все кампании. Однако стоит отметить, что Брюна выручало удивительное везение: в Голландской кампании неприятель отступил в силу неподготовленности к экспедиции, в Итальянской он победил благодаря упорству французских войск во главе с Дюпоном, в Поме-ранской — противник был слишком слаб. Кроме того, Брюну не хватало твердости воли довести начатое до конца: его победы были бы более значимыми, если бы он сумел при заключении перемирий с герцогом Йоркским и Густавом IV настоять на самых выгодных для Франции условиях.

Примечания

1. КУРИЕВ М.М. Маршалы Наполеона: групповой портрет. — *Very Important Person*. 1991, № 1, с. 60—63; ТРОИЦКИЙ Н.А. Маршалы Наполеона. — *Новая и новейшая история*. 1993, № 5, с. 174; ШИКАНОВ В.Н. Созвездие Наполеона. М. 2002; BOURGOIN. *Esquisse historique sur le Maréchal Brune*. Т. 1—2. Paris. 1840; MARMOITON. *Le Maréchal Brune et la Maréchale Brune*. Paris. 1900; VERMEIL DE CONCHARD. *Le Maréchal Brune pendant la Première Restauration et les Cent-Jours jusqu'à sa mort*. Brive. 1915; EJUSD. *Études historiques sur le Maréchal Brune*. Brive. 1918; EJUSD. *Le Maréchal Brune. Études historiques*. Paris. 1935; MAYNÉGRE M. *Le Maréchal Brune*. Sorgues. 1991; VERGNE M. *Le Maréchal Brune: la toge et l'épée*. Paris. 1996.
2. VERMEIL de CONCHARD. *Correspondance de Brune*. Tulle. 1924.
3. CHARDIGNY L. *Les Maréchaux de Napoléon*. Paris. 1977, p. 54.
4. BRUNE. *Voyage pittoresque et sentimental dans plusieurs des provinces occidentales de la France*. Paris. 1788. Работа была переиздана в 1802 и 1806 годах.
5. GAUTHEROT G. *Les drames de l'échafaud*. Camille Desmoulins. — *Revue belge*. 1924, t. 3, № 4, p. 332; SOBOUL A. *Dictionnaire historique de la Révolution française*. Paris. 1989, p. 160; CLARETIE J. *Camille Desmoulins. Lucie Desmoulins*. Paris. 1875, p. 132. В оформлении последней книги использован эскиз Брюна.
6. Цит. по: ABRANTÈS L. d'. *Mémoires sur la Restauration*. Т. 3. Bruxelles. 1836, p. 262.
7. ABRANTÈS L. d'. *Op. cit.*, p. 262. Ср.: THIÈBAULT. *Mémoires*. Т. 2. Paris. 1894, p. 113—114.
8. VALYNSEELE J. *Les Maréchaux de Premier Empire*. Paris. 1957, p. 128—129; VERMEIL de CONCHARD. *Correspondance de Brune*, p. 52—53.
9. BRUNET J.-CH. *Manuel du libraire et de l'amateur de livres*. Paris. Т. 4. 1839, p. 604—605.
10. SOLAGES de. *Observations sur les concessions des mines de charbon de terre*. Paris. 1790.
11. *Encyclopédie catholique*. Т. 4. Paris. 1842, p. 502; ALLONVILLE A.F. d', BEAUCHAMP A. de. *Mémoires tirés des papiers d'un homme d'état*. Т. 5. Paris. 1832, p. 353 (note).
12. Цит. по: MATHIEZ A. *Le Club des Cordeliers pendant la crise de Varennes et le massacre de Champs de Mars*. Paris. 1910, p. 230. См. также: ESTRÉE P. d'. *Le Père Duchesne. Hébert et la Commune de Paris (1792—1794)*. P. [1909], p. 58.

13. MARMONT. Mémoires du maréchal Marmont, duc de Raguse de 1792 à 1841. T. 2. Paris. 1857, p. 156.
14. Biographie universelle, ancienne et moderne. Supplément. T. 59. Paris. 1835, p. 368, 377—378; ABRANTÈS L. d'. Op. cit., p. 214.
15. Цит. по: VERMEIL de CONCHARD. Notice historique sur le Maréchal Brune. In: Bulletin de la Société scientifique historique et archéologique de la Corrèze. T. 40. Brive. 1918 (janvier-mars), p. 283 (note).
16. Journal de voyage du general Desaix. Suisse et Italie. 1797. Paris. 1907, p. 139; Correspondance inédite de Camille Desmoulins. Paris. 1836, p. 182; ABRANTÈS L. d'. Op. cit., p. 213; VIGIER J. de. Notice sur le Maréchal Brune. — Journal des sciences militaires. 1827, t. 7, p. 135.
17. MARMONT. Op. cit., p. 157; ARNAULT A.V. Souvenirs d'un Sexagénaire. T. 2. Paris. 1833, p. 290—291.
18. Le Moniteur Universel. 1798, № 190, 29.III.1798, p. 757; Genève française (1798—1813). Genève. 1998, p. 171—172, 176—178; DONNET A. La Révolution valaisanne de 1798. T. 2. Lausanne. 1998, p. 54—61.
19. BARRAS P. Mémoires de Barras, membre du Directoire: Le Directoire du 18 Fructidor au 18 Brumaire. T. III. Paris. 1896, p. 276; FOUCHÉ J. Mémoires. T. 1. Paris. 1824, p. 51; SOBOUL. P. Dictionnaire historique de la Révolution française. Paris. 1989, p. 160—161; DUNN-PATISSON M.A. Napoleon's Marshals. London. S.d., p. 272; MADELIN L. Fouché. T. 1. Paris. 1901, p. 218; ЕГОРОВ А.А. Фуше. Ростов-на-Дону. 1998, с. 85—87; LEFEBVRE G. La France sous la Directoire. Paris. 1977, p. 631—633.
20. BARRAS P. Op. cit., p. 276.
21. ЕГОРОВ А.И. Конфуз союзного войска. — Родина. 1996, № 6, с. 41; МИЛЮТИН Д.А. История войны России с Францией в царствование Императора Павла I в 1799 году. Т. 5. СПб. 1852, с. 75.
22. ABERCROMBY R. Memoir. Edinburgh. 1861, p. 200, 204. См. также: ANONYM. The Campaign in Holland. 1799. London. 1861, p. 66.
23. Цит. по: GACHOT ÉD. Jourdan en Allemagne et Brune en Hollande. Paris. 1906, p. 310.
24. JOURQUIN J. Dictionnaire des Maréchaux du Premier Empire. Paris. 2001, p. 179; НАПОЛЕОН. Избранные произведения. М. 1956, с. 382.
25. JOMINI. Histoire critique et militaire des guerres de la Révolution T. 12. Paris. 1822, p. 221.
26. Encyclopédie catholique..., p. 504.
27. CHASSIN CH.L. Les pacifications de l'Ouest (1794—1801—1815). T. 3. Paris. 1899, p. 569; SAGERET É. Morbihan et la chouannerie morbihannaise sous le Consulat. T. 1. Paris. 1911, p. 537.
28. SICOTIÈRE de la. Louis de Frotté et les insurrections normandes (1793—1832). T. 2. Paris. 1889, p. 404—405.
29. Цит. по: ERLANNING E. La résistance bretonne à Napoléon (1799—1815). Paris. 1986, p. 73.
30. Ibidem.
31. SAGERET É. Op. cit. T. 2. Paris. 1911, p. 54—56.
32. ROBIQUET P. Le général d'Hédouville. Bonaparte et l'abbé Bernier. In: La Révolution française, t. 40 (janvier-juin 1901), p. 552—554; SICOTIÈRE de la. Op. cit., p. 471—472.
33. Guerres de la Révolution française et du Premier Empire. Paris. T. 7. 1876, p. 233; JOMINI. Op. cit. T. 4. Paris. 1843, p. 330, 333—334.
34. MONTHOLON CH.T. Mémoires pour servir à l'histoire de France, sous Napoléon. T. 2. Paris. 1823, p. 75. См. также: MARMONT. Op. cit., p. 166—167; HEADLEY Napoleon and his Marshals. T. 2. Chicago. 1846, p. 106—107; DUMAS M. Précis des événemens militaires: Campagne de 1801. T. 2. Paris. 1817, p. 249—254; Guerres de la Révolution française..., p. 249, 259.
35. MONTHOLON CH.T. Op. cit., p. 82.
36. Цит. по: GLINEL Ch. Alexandre Dumas et son oeuvre. Paris. 1884, p. 19—20.
37. Correspondance de Napoléon. T. 8. Paris. 1861, p. 69—71; COQUELLE P. L'ambassade du Maréchal Brune à Constantinople (1803—1805). — Revue d'histoire diplomatique.

- 1904, 18e année, p. 64—66; ALLONVILLE A. d', BEAUCHAMP A. de. Mémoires tirés des papiers d'un homme d'État. T. 9. Paris. 1825, p. 360—361; MARMOITON. Op. cit., p. 89—90; VINSON D. «Napoléon en Perse»: genèse, perspectives culturelles et littéraires de la mission Gardane (1807—1809). — Revue d'histoire littéraire de la France. 2009, vol. 109, p. 882, 885.
38. BARRAS P. Op. cit., p. 277.
39. THIÉBAULT. Mémoires. T. 3. Paris. 1894, p. 131.
40. Цит. по: VERMEIL de CONCHARD. Entrevue de Schlatkow, en Poméranie, avec le roi de Suède et convention de Stralsund (1807). In: Bulletin de la Société scientifique historique et archéologique de la Corrèze. T. 40. Brive. 1918 (janvier-mars), p. 77.
41. LEJEUNE. De Walmy à Wagram. Paris. 1895, p. 66—67.
42. SUREMAIN. Mémoires. Paris. 1902, p. 82—84.
43. VIGIER J. de. Précis historique de la campagne faite en 1807 dans la Poméranie suédoise. Limoges. 1825, p. 90—92.
44. Цит. по: VERMEIL de CONCHARD. Entrevue de Schlatkow..., p. 86.
45. DANICAN A. Op. cit., p. 5—6.
46. Непереводаемая игра слов: фамилия маршала переводится как «сумерки» (brune) и созвучна при произношении слову «туман» (brume). См.: КОЛЕНКУР А. де. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. Смоленск. 1991, с. 342; MARMONT. Op. cit., p. 158; STENGLER G. La société française pendant le Consulat. Paris. 1908, p. 158.
47. REGENBOGEN L. Napoléon a dit. Paris. 1998, p. 306; VIGIER J. de. Précis historique..., p. 116—117.
48. Цит. по: JOURQUIN J. Op. cit., p. 179.
49. Цит. по: VERMEIL de CONCHARD. Notice..., p. 285.
50. THIÉBAULT. Mémoires. T. 2. Paris. 1894, p. 35, 102; t. 3, p. 129—131, 362.
51. GEFFROY A. Des intérêts du Nord scandinave dans la Question d'Orient. — Revue des deux mondes. 1855, t. 11, p. 149—150. См. также: Anecdotes sur Buonaparte et son Gouvernement. Paris. 1814, p. 26—32.
52. VIGIER J. de. Notice..., p. 135.
53. VERMEIL de CONCHARD. Notice historique..., p. 296.
54. Цит. по: VAULABELLE ACH. de. Histoire des deux Restaurations: jusqu'à l'avènement de Louis-Philippe, de janvier 1813 à octobre 1830. T. 4. Paris. 1860, p. 4.
55. GRIVEL. Mémoires. Paris. 1914, p. 369.
56. GRIVEL. Op. cit., p. 387; VIEL-CASTEL L. de. Sir Hudson Lowe et la captivité de Sainte-Hélène. — Revue des deux mondes. 1855, t. 9, p. 299.
57. ABRANTÈS L. d'. Op. cit., p. 240—259; ANONYME. Le procès des assassins du Maréchal Brune. Riom. 1821; BOURGOIN. Op. cit., t. 2, p. 262—268; LAMBOT. Le Maréchal Brune à Avignon en 1815. Paris, 1840; DUMAS A. Nouvelles impressions (Midi de France). T. 2. Paris. 1841, p. 99—114; ANONYME. Assassinat du Maréchal Brune, suivi du procès Guindon dit Roquefort. Avignon. 1847; SAINT-MARTIN. Le Maréchal Brune à Avignon. Paris. 1878; VERMEIL de CONCHARD. L'assassinat du Maréchal Brune. Episode de la Terreur Blanche. Paris. 1887; MARMOITON. Op. cit., p. 137—145; HOUSSAYE H. 1815. La seconde abdication. La Terreur blanche. Paris. 1905, p. 450—461; VERMEIL de CONCHARD. Le Maréchal Brune pendant la Première Restauration et les Cent jours jusqu'à sa mort. In: Bulletin de la Société scientifique historique et archéologique de la Corrèze. T. 36. Brive. 1914 (janvier-mars), p. 285—296; BARNOUIN. L'assassinat du maréchal Brune. Melun. 1937; CARLI A. Quelques documents inédits sur l'assassinat du Maréchal Brune. Avignon. 1942; BROUSSE V., GRANDCOING PH. Les grandes affaires criminelles politiques. Paris. 2010, p. 68—71.
58. ABRANTÈS L. d'. Op. cit., p. 271.
59. Некоторые очевидцы утверждали, что останки Кончини были съедены. См.: ДЖОНС К. Париж. М.-СПб. 2006, с. 251.
60. BONNAL ÉD. Les royalistes contre l'Armée. T. 2. Paris. 1906, p. 25—36; См. также: PELLEPORT. Souvenirs. T. 2. Paris. 1857, p. 142; CASTELLANE. Journal. T. 1. Paris. 1896, p. 309—310; ORLÉANS F.-PH. Souvenirs de 1810 à 1830. Genève. 1993, p. 231.
61. Цит. по: BONNAL ÉD. Op. cit., p. 36.

Социально-политическая динамика на Занзибаре: истоки революции 1964 г.

Х.М. Турьинская

Аннотация. В статье анализируются общественно-политические процессы на Занзибаре накануне революции 1964 г., история миграций и социальной мобильности населения архипелага — сообществ ширази, арабов, индийцев, материковых африканцев. В работе выявляется противоречивость политики британских колонизаторов. Закладывая основы мажоритарной демократии, они в то же время пытались политизировать «расовый» вопрос, законсервировать межгрупповые границы, сохранить привилегированный статус арабского меньшинства, тем самым, закрепляя дискриминационную практику в отношении африканского большинства. Подобный двойственный подход британских администраторов способствовал вызреванию конфликта, который привел Занзибар к революции.

Ключевые слова: Занзибар, население, социальная структура, политическая история, революция 1964 г.

Abstract. The article deals with the analysis of the socio-political dynamics in the Protectorate of Zanzibar before the Revolution of 1964. The author investigates the migration process, the history of Shirazi, Swahili, Arab, Indian, and Mainland African communities, and the composition of an archipelago population. The piece also studies Britain's race politics in the Sultanate. While colonial administrators tried to run a majoritarian democracy on the eve of Zanzibar independence, they failed to upgrade the constitutional frame to establish a non-discriminatory society. The British tended to politicize the question of race fixing group boundaries and the privileged status of Arabs thus maintaining the subordinated position of Africans. British administration's contradictory methods inevitably provoked a conflict which led to a popular uprising.

Key words: Zanzibar, Population, Social Structure, Political History, Revolution of 1964.

Занзибарская революция 1964 г. явилась ключевым событием и поворотным моментом в истории архипелага в XX веке. Революция открыла дорогу к союзу Занзибара с Танганьикой, образованию Танзании в 1964 г., строительству танзанийской нации ¹. Обстоятельства

Турьинская Христина Михайловна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН; старший научный сотрудник Института Африки РАН. E-mail: krikri75@yandex.ru.

Turinskaya Khristina M. — candidate of history, senior research fellow, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS; senior research fellow, Institute for African Studies, RAS. E-mail: krikri75@yandex.ru.

создания Объединенной Республики и содержание союзных отношений в течение многих лет находятся в центре дискуссий в танзанийском обществе. Непосредственное отношение к дебатам о союзе имеет спор о том, была ли революция неизбежной, каковы ее предпосылки, почему Занзибар оказался на пороге общественных катаклизмов.

Нет единого мнения о том, следует ли квалифицировать вооруженное восстание на Занзибаре как государственный переворот и насильственную смену режима, а также соответствовали ли революционные события внутренней логике социально-политического развития архипелага либо явились результатом спланированных действий извне, с материка ². Концептуальное расхождение оппонентов состоит в том, считать Занзибар «африканским» или «неафриканским». Принципиальная неразрешимость подобного спора объясняет то, почему политическая борьба на архипелаге заходит в тупик, а кризис воспроизводится.

В связи с этой проблемой особую актуальность приобретает изучение социальных процессов в регионе включая миграции населения, индивидуальное и коллективное самосознание. Это важно и для понимания сегодняшней политической ситуации на Занзибаре. Одни исследователи замечают, что некоторые местные жители, относящие себя к арабам, имеют «африканскую наружность» и не говорят по-арабски. Другие во внешности занзибарцев «с уверенностью определяют примесь арабской крови», одновременно указывая, что не все «арабы» могут рассказать, кто они и откуда ³. При этом арабская идентичность являлась в прошлом и является в настоящее время одним из аргументов в политической борьбе на Занзибаре и «элементом мозаики» танзанийской нации.

Автор классического труда о Занзибаре американский политолог Майкл Лофчи изучает подоплеку событий на архипелаге в терминах «арабское государство» и «африканская революция», объясняя истоки революции через «африканский ответ» «арабскому национализму». Получает освещение и роль британцев в сохранении арабского доминирования. Среди важнейших факторов конфликта Лофчи называет амбивалентность политической культуры: апелляция к общей для большинства занзибарцев религии — исламу служила объединяющим мотивом для представителей разных расовых групп. В то же время сохранялись «экономические различия между расами», провоцировавшие раскол в обществе ⁴.

Лофчи, как и другие исследователи, уравнивал расовую и классовую стратификацию на Занзибаре, утверждая, что раса и класс полностью совпадали. В действительности, не все арабы являлись «угнетателями», и не все африканцы — «угнетаемыми». Эти категории были условными и размытыми: групповая и индивидуальная идентичность — весьма изменчивой, а социальная мобильность — довольно значительной. Противостояние на архипелаге шло по классово-экономическим линиям, а революция 1964 г. была социальной, а не культурной или расовой. Общественно-политический дискурс на Занзибаре и вокруг него намеренно и искусственно расиализировался как до революции, так и вплоть до настоящего времени. Культуру и политику оказалось трудно разделить. Однако социально-экономическая подоплека событий на архипелаге очевидна, и тем важнее становятся исследования классовой природы конфликта на Занзибаре ⁵.

Танзанийский историк Сэмюэл Аяни также рассматривает революцию на Занзибаре как африканский бунт против арабской олигархии. Британцы игнорировали мнение африканцев, считавших Занзибар своей страной и опасавшихся превращения его в расистское полицейское государство под управлением арабов⁶. Другим важным моментом в изучении дореволюционного Занзибара является романтизация его образа в литературе. Авторы рисуют идиллические картины прошлого, забывая о несправедливостях существовавшей системы и социальном неравенстве, которые и стали катализатором политических изменений на Занзибаре. Дореволюционная историография представляла архипелаг как «остров специй», «жемчужину Индийского океана», место «взаимопроникновения культур», «мирного и гармоничного сосуществования различных рас». В постреволюционных трудах делаются попытки определения причин восстания на архипелаге, однако, в отрыве от объективного анализа колониального прошлого Занзибара.

Возникает вопрос как в этом «райском уголке» стали возможны события, подобные «неожиданно разразившейся» кровопролитной революции 1964 года. Изучение социально-демографических, экономических и политических процессов на Занзибаре выявляет прямую связь между внешне противоречивыми периодами истории архипелага, за короткое время превратившегося из «земли обетованной» в очаг революции. Танзанийский ученый Харуб Отман попытался объединить оба взгляда на историю Занзибара, анализируя предреволюционную ситуацию и природу противостояния политических сил на островах, состояние и изменения занзибарского социума под влиянием британской колониальной системы. Автор проецирует связанные с революцией события на современность, объясняя, каким образом прошлое навязчиво преследует настоящее, беря «старые политические раны»⁷.

Для понимания революционных событий, истоков национализма и региональных противоречий на Занзибаре и проекции этих факторов на современную политическую ситуацию весьма важны выводы А. Шерифа, танзанийского историка, который живет и работает на архипелаге. Основной причиной кризиса на островах автор считает не расовые или классовые деления сами по себе, а их сложное сочетание. При этом «национальное чувство» занзибарцев так и не смогло преодолеть нарастающий в течение долгой и драматичной истории Занзибара социальный конфликт⁸.

По мнению танзанийского историка и правоведа Иссы Шивджи, общество на Занзибаре было поляризовано, и политическая активность конца 1950 — начала 1960-х гг. лишь обнажила глубокие общественные противоречия, которые и привели в конечном итоге архипелаг к революции⁹. Признавая ее неизбежность вследствие нарастающего общественного конфликта, историографы занзибарской революции оценивают ее по-разному, что отражает противоположные взгляды на культурную близость архипелага к Африке или к арабскому Востоку. Взгляд с материка: революция стала актом социальной справедливости и снова повернула Занзибар к Африке, поскольку он — африканская страна. Взгляд с Занзибара: революция — трагическое событие, произошедшее по причине недостаточной консолидации занзибарского социума, прервавшее поступатель-

ное движение архипелага как самобытного, при этом неафриканского, социального и политического организма по пути независимого развития.

Представления о культурной непохожести и несовместимости Занзибара и Танганьики проистекают из интерпретаций социально-политической истории региона. Персы и арабы волнами прибывали на восточноафриканское побережье и острова в течение длительного времени, начиная с I-го тысячелетия н.э. Исторически прибрежные территории Танганьики и острова, оказавшись в орбите влияния арабского мира, были политически ориентированы на Восток, но сохраняли тесные экономические и культурные связи с глубинными районами Африканского континента. По мнению Шерифа, торговые парусные суда доу служили своего рода средством социального взаимодействия на просторах Индийского океана и формирования «космополитичных культур» на островах и прибрежных территориях региона. Ширазские и арабские поселенцы смешивались с местными банту, образуя сообщества суахили как результат симбиоза материковой и морской культур. На Занзибаре рассуждения о двойственной природе «прибрежных народов» выливаются в дебаты по поводу того, к Африке или к Азии эти сообщества «культурно и этнически» ближе ¹⁰.

С муссонными ветрами («trade winds») торговцы из Аравии, Персии и Индии приплывали на архипелаг и через несколько месяцев возвращались назад ¹¹. Многие из них оставались впоследствии на островах в качестве постоянных жителей. Именно муссоны имел в виду Сэмюэл Аяни, утверждавший, что «история Занзибара была написана ветром» ¹². Таким образом, сначала происходили спорадические поверхностные контакты, маятниковые миграции, затем следовала «инфильтрация» иммигрантов — торговцев, моряков, ремесленников, целых групп колонистов с предводителями, князьями, правителями. Вновь прибывшие смешивались с местным африканским населением, основывали города, создавали политические образования.

Средние века в Восточной Африке были отмечены соперничеством арабских городов-государств: «новых» арабов из Омана и «старых», более ранних поселенцев прибрежных городов. Происходило возвышение Момбасы (современная территория Кении), сначала как оплота португальцев, затем как арабского города-государства и главного порта Восточной Африки. Пемба, второй по величине остров архипелага Занзибар, была колонизована поселенцами-ширази с кенийского берега и вследствие этого рассматривалась Момбасой как ее собственность.

В XVII в. судьбы восточноафриканского региона решались за его пределами, в Омане, где нарастали династические противоречия. Династия Мазруи из числа «старых» арабов была союзницей династии Яруби, правившей в Омане до 1742 г., а затем уступившей первенство представителям династии Бусаиди. Началась борьба Бусаиди против Пате и Момбасы, а также правивших здесь Мазруи за контроль над побережьем. Динамика суахилийской культуры определялась влиянием усилившейся оманской державы, которая к 1699 г. потеснила португальцев в регионе.

После прихода к власти в Омане Бусаиди активизировали свою деятельность на восточноафриканском направлении, и этот регион

перестал быть периферией империи. К середине XIX в. Бусаиди контролировали все восточноафриканское побережье к северу от Мозамбика, включая такие пункты, как Пате, Момбаса, Малинди, Пемба и Унгуджа — главный остров архипелага Занзибар. Оманская держава трансформировалась в «Занзибарскую империю» («Zanj Empire»). Основной отправной точкой усиления оманцев стал Занзибар. Вслед за ростом мощи и благосостояния Омана, активизировалась и коммерческая деятельность арабов на Занзибаре. Отсюда они распространяли влияние также на поселения и политические образования — «конфедерации» шириazi на побережье Танганьики (Багамоё, Танга, Пангани), возникшие как результат миграций шириazi¹³.

Арабы основали город Занзибар, ставший столицей владений Омана в Восточной Африке. Будучи в численном меньшинстве по отношению к африканцам, арабы в занзибарском обществе обладали более высоким социальным статусом и составляли элиту. Для обоснования благородного происхождения арабов привлекались исторические предания об их появлении на островах. Правившая на Занзибаре династия Бусаиди остальными арабскими аристократами считалась лишь первой среди равных — *primus inter pares*. Однако именно при Бусаиди Занзибар превратился в торговый и политический центр Восточной Африки, стал средоточием экономической и политической активности арабов, очагом исламской культуры в регионе.

Сначала оманцы удерживали здесь точечный контроль, что диктовалось узкопрактическими экономическими интересами, и лишь затем пришли к идее широкой территориальной экспансии и укрепления «национального государства». Именно с Занзибара как форпоста арабского господства султаны расширяли свое влияние во внутренних районах материковой Восточной Африки. Контакты с «мейнлендом» осуществлялись через прибрежные города Танга, Пангани, Багамоё, Дар-эс-Салам и другие, превратившиеся в пункты торговли рабами и слоновой костью из внутренних районов Африки.

В соответствии со своими стратегическими интересами Бусаиди в 1832 г. перенесли столицу из Маската в город Занзибар. Правительство переехало сюда в 1840 году. Это обусловило новый приток арабских иммигрантов, а с ними и индийских, которых обычно квалифицировали как «азиатов» («Asians»), — торговцев и финансистов — на архипелаг и восточноафриканское побережье. Экономика Занзибара базировалась на двух столпах — работоторговля и производство гвоздики¹⁴. Торговля, особенно караванная с внутренними районами материка, финансово затратная и связанная с высокими рисками, требовала значительных денежных вложений и не могла функционировать без участия индийских коммерсантов с их капиталами. Индийские купцы играли ключевую роль в торговых связях в бассейне Индийского океана.

Африканцы-рабы из глубинных областей материка, оказавшиеся в населенных пунктах Танганьики (Табора, Уджиджи и др.), в городах и на плантациях побережья и Занзибара, а также их потомки формировали новые сообщества. Они, с одной стороны, были включены в суахилийскую культуру, с другой, — сохраняли связи с местом происхождения. Население островов и прибрежных городов становилось все более гетерогенным. Это накладывало отпечаток на про-

цесс формирования танганьикской, а позже танзанийской нации. Потомки рабов стали той силой, которая, согласно представлениям африканцев, притягивала Занзибар к континенту, скрепляла население архипелага и «мейнленда»¹⁵.

Для укрепления своего лидирующего положения Бусаиди пошли по пути расширения господства не только вширь, контролируя территории и пытаясь осуществлять захваты во внутренних районах материковой Африки, но и вглубь — подчиняя племена прямому управлению. До начала XX в. на Занзибаре султаны сохраняли власть местных вождей (*mwinyi mkuu*) вахадиму и ватумбату, а также *diwani* на Пембе. К этому времени наследственные династии на Тумбату и Пембе пресеклись естественным путем и не были возобновлены, последний вождь вахадиму умер в 1873 году. Таким образом, власть в этих сообществах перешла непосредственно к султану.

Затем, в период британского протектората на Занзибаре, арабы разделили территорию островов на административные единицы — районы (*mudiria*) под началом губернаторов (*mudir*). *Mudiria* в свою очередь состояли из общин, «коммун» (*shehia*) с назначенными государством «старостами» (*sheha wa serikali*), которые консультировались с советом старейшин (*watu wazima*). Впрочем, в некоторых случаях назначенный «вождь» и реальный, неформальный лидер поселения мог быть одним и тем же лицом. Таким образом, власть наследственных правителей в местных сообществах султаната была постепенно заменена на прямое управление через правительственных чиновников. Позднее деятельность *liwali* — представителей султана на местах — была поставлена под контроль британской администрации.

Султанскую столицу планировалось перенести из Занзибара на «мейнленд», для чего началось строительство Дар-эс-Салама, основанного в 1862 году. Впрочем, «Занзибарская империя» просуществовала недолго. Ее закат начался с 1870-х гг. в результате введенных ограничений, а затем и полного запрета на работорговлю, усиления конкуренции с европейскими компаниями, а также в связи с экономическим и политическим присутствием европейских держав в регионе. В 1890 г. оманцы продали Германии берег Танганьики и остров Мафию, расположенный вблизи побережья Танганьики южнее Занзибара. В том же году береговая полоса Кении была сдана в аренду британской компании и впоследствии также стала британским протекторатом, лишь формально оставаясь владением Бусаиди.

Султанат Занзибар в составе островов Унгуджа, Пемба и Тумбату в 1890 г. стал протекторатом Великобритании. В султанате, во главе которого оставалась оманская династия Бусаиди, арабы считались наиболее привилегированной группой. Более низким социальным статусом обладали индийцы, внизу социальной лестницы находились африканцы. Для Британии Занзибар был не африканским, а арабским государством. В нем политически и экономически доминировали арабы — в основном потомки выходцев из Омана. Многие из арабов в XIX в. занимались работорговлей и использовали на своих плантациях африканцев-рабов, а после отмены рабства — труд сквоттеров и наемных рабочих-мигрантов.

Уже в годы британского владычества на Занзибаре понятия «араб», «азиат», «африканец» превратились в трудно определяемые, условные

категории вследствие размытости отличительных признаков, по которым конструировался конкретный коллектив и соответствующая ему категория статистического учета населения архипелага. Например, постепенно, благодаря конкубинату и смешанным арабо-африканским бракам появилась значительная группа «черных арабов». Многие так называемые арабы являлись потомками рабов. Таким образом, часть из них фактически перестала быть «арабами», то есть не отвечала заданным критериям. Между арабами и африканцами зачастую уже невозможно было провести границу. Те, кто не укладывался в рамки «этнических» классификаций, называли себя «занзибары»¹⁶.

Помимо культурных критериев ключевую роль в идентификации арабов играли социально-профессиональные и экономические. Арабы составляли не только политическую элиту и когорту аристократов, крупных землевладельцев, собственников плантаций гвоздики, других пряностей, кокосовой пальмы и сахарного тростника, но и часть среднего класса и бедноты. В эту группу входили «шихири» из Хадрамаута, а также «манга» («ваманга») — относительно недавние переселенцы из арабских стран. Они сформировали слой административных служащих, работников сферы образования, мелких торговцев и землевладельцев, трудовой массы населения архипелага, включая сельскохозяйственных и портовых рабочих.

Попытки подсчитать численность «этнических групп» показали свою несостоятельность уже в период колониального управления островами: цифры неадекватно отражали социально-культурные реалии. Космополитичное население Занзибара, его субкультуры не были чем-то застывшим; классовая стратификация общества не совпадала с расовой, социальная мобильность затронула многие сообщества занзибарцев. Культура жителей архипелага напоминала некое «попурри»¹⁷, соединяя в себе различные привнесенные элементы. Однако британцы продолжали причислять к группам по культурному происхождению и ранжировать население архипелага, во всех смыслах подвижное вследствие миграций, «натурализации», смешанных браков, неопределенности или смены идентичности.

Так, по переписи 1924 г. «суахили» на Занзибаре насчитывалось 34 тыс. человек. В 1931 г. они «исчезли» из колониальной статистики: термин «суахили» был признан британцами уничижительным, поскольку указывал на «рабское» происхождение. Словом «суахили» называли автохтонное африканское население восточноафриканского побережья и близлежащих островов, испытывавшее персидское и арабское влияние. На Занзибаре это бантуязычные сообщества ширази — вахадиму на востоке и юге о. Унгуджа, вапемба на о. Пемба, ватумбату на о. Тумбату, юге о. Пемба и севере о. Унгуджа. Занзибарцы — носители диалектов кисуахили, включая киунгуджа, который являлся лингва-франка на архипелаге и побережье Танганьики и стал основой для стандартизации государственного языка Танзании кисуахили.

И если термины «вапемба» и «ватумбату» происходят от географических названий, то «вахадиму» — собирательное обозначение людей низкого социального статуса, «зависимых». Это обозначение принимали не все вахадиму, предпочитая для самоназвания использовать наименования населенных пунктов: например, жители Кизимкази, Макундучи, Бведжу, Чвака¹⁸. Вахадиму (wahadimu, от

арабск. khadim — слуга) — потомки ширази, вытесненных арабскими колонистами с плодородных земель западной части Унгуджи на менее плодородные участки на востоке и юге острова. Сообщества ширази находились на предпоследней ступени расиалистской иерархии, разработанной британцами для жителей Занзибара.

Одновременно с «исчезновением» суахили ширази, как предпочитали называть себя коренные жители архипелага, стремительно выросли численно с 26 тыс. в 1924 до 41 тыс. чел. в 1931 году. Но и эта статистическая категория исчезла из следующей переписи 1948 года. По выражению А. Шерифа, ширази таким образом «совершили этническое харакири»¹⁹. В действительности британцы предпочли на этот раз использовать племенные обозначения вместо собирательных «суахили» или «ширази». Вслед за изменением названий статистических категорий ни культуры или субкультуры, ни их носители не исчезли: «необъяснимое» падение численности какой-либо группы не было следствием смертности или эмиграции, а лишь означало то, что люди «меняли свою этническую или расовую» идентичность. По переписи 1948 г. на Занзибаре в целом при населении 264 тыс. чел. африканцы составляли около 76% (в том числе 56% ширази; остальные 20% — африканцы — потомки рабов и недавние переселенцы с материка), арабы — около 17%, «азиаты» — около 6%.

Места исхода материковых африканцев, прибывавших на острова, — Танганьика, Ньясаленд, Мозамбик, Кения и др. Выходцев из глубинных районов Африки называли вабара (от суах. *bara* — земля, континент, внутренняя территория). Для понимания политических процессов, проходивших на архипелаге, важно учесть пропорции арабского и африканского (континентального происхождения) населения на двух островах. На Унгудже ширази насчитывался 61%, африканцев — 28%, арабов — 10%, на Пембе, соответственно, 60%, 12% и 27%²⁰.

К 1958 г., согласно переписи, из почти 300 тыс. жителей Занзибара арабы составляли без малого 47 тыс. чел. (около $\frac{1}{6}$ всего населения архипелага), индийцы 18 тыс., коморцы около 3 тыс., европейцы менее 0,5 тысячи. Остальные, почти 230 тыс. чел., были отнесены к категории «африканцы», в состав которой входили африканцы с «мейнленда», вапемба, ватумбату и вахадиму, а также те, кто назвался «занзибари», «ширази» или «суахили»²¹. Для сравнения, в Танганьике в конце 1950-х гг. при общем населении около 9 млн чел. арабов насчитывалось 22 тыс.²², по оценкам на 1960 г., численность «азиатов» (их считали отдельно от арабов) достигала 87 тыс., европейцев 22 тыс. человек²³.

Ширази связывали свое происхождение с Ширазом: согласно устной традиции, их предки-иммигранты из региона Персидского залива появились на Занзибаре около IX в. н.э. «Персы» постепенно ассимилировались с аборигенным африканским населением. Расположенные по берегу Мрима от Танги до Дар-эс-Салама «конфедерации» ширази поддерживали активные экономические и социальные связи с занзибарскими соплеменниками. Основная масса коренного населения Занзибара — разновременные переселенцы с материка.

Таким образом, африканская община архипелага сложилась как результат миграций. На Занзибаре ширази осознавали свое отличие в качестве «коренных» обитателей архипелага и старались сохранять

культурную и социальную дистанцию по отношению к другим жителям островов — не только к арабам, но и к африканцам — потомкам рабов и более поздним выходцам с материка, которым британцы отвели нижнюю, последнюю ступень в своей колониальной иерархии.

При этом сами ширази были, по выражению Мухаммеда Али Бакари, «наиболее аморфной этнической группой на Занзибаре», а истоки их идентичности служат предметом споров среди ученых²⁴. Шираз воспринимался ими как отдаленная во времени и пространстве родина. Некоторые сохраняли представления о своей принадлежности к «невидимому», не поддающемуся четкому определению социальному образованию, «племени-фантому» — ширази. Персидское влияние, особенно сильное в Килве, Малинди, Ози, постепенно смешивалось с более поздним арабским и уступало ему место: некоторые ширази «превращались» в арабов.

Подобный дрейф самосознания демонстрировали и другие суахилийские группы в регионе. Так, баджун (вагунья), населявшие побережье от Сомали до Танзании и близлежащие острова, включая Пембу, Мафию, — это африканцы, испытывавшие влияние выходцев с Востока и «ставшие арабами». Они претендовали на персидское происхождение, что было более престижно, чем считаться африканцем. Впоследствии, в период деколонизации, с образованием независимых африканских государств, когда начались процессы «африканизации», а арабы были лишены прежних политических и экономических позиций, такие группы как баджун утратили арабскую идентичность и в переписном учете стали фигурировать как «африканцы».

Заслуживает внимания процесс освоения Пембы и Унгуджи переселенцами суахили/ширази. Места их исхода различались, что отражалось на составе населения островов, и в конечном итоге выражалось в регионализме и «разнонаправленном» политическом поведении. На Пембу, расположенную ближе к берегам Кении, прибывали иммигранты из районов Малинди (wa Malindi), Момбасы (watu wa mwita), устья р. Тана (wa Ozi), а также с побережья между Вангой и Тангой на границе Кении и Танганьики (wajomba и wavumba). Эти арабизированные ширази и составили собственно вапемба. Унгуджа, находящаяся ближе к Дар-эс-Саламу, заселялась с побережья Танганьики (берег Мрима, берег Сегеджу) и о. Тумбату, а затем с берегов Кении и о. Мафия. Позднее на оба острова начали прибывать арабы, коморцы, а также африканцы с материка, численность которых на Унгудже в канун революции оказалась значительно выше, чем на Пембе²⁵.

«Континентальные» африканцы из прибрежных и внутренних районов Восточной Африки (из племен ньямвези, яо, зарамо, шамбаа, бондеи, диго, маасаи и др.) в качестве трудовых мигрантов на плантациях и в городах, сезонных сельскохозяйственных рабочих, мелких арендаторов-сквоттеров составляли на Занзибаре наименее обеспеченную часть населения. Многие из прибывших на временную работу африканцев впоследствии оседали на островах. Фермеры и рыбаки, в массе своей ширази, сами будучи африканцами континентального, хоть и более раннего происхождения, стремились упрочить свой статус в качестве людей «свободных», «благородных», изначальных собственников занзибарской земли. Ширази отмечали и

свою принадлежность к исламу, таким образом отделяя себя от африканцев с континента, многие из которых исповедовали христианство или сохраняли традиционные верования. Впрочем, основная масса «мейнлендеров» на Занзибаре — мусульмане.

Постепенно различия размывались, и дистанция между группами оказывалась иллюзорной, поскольку во многих случаях ширази фактически занимали ту же социальную нишу, что и недавние выходцы с континента. Обе эти условные категории жителей Занзибара были исключены из участия в общественной жизни архипелага на равных условиях с остальными. Со временем социально-экономические и политические реалии все более усложнялись и все менее соответствовали жестким рамкам классификации, внедренной британскими администраторами на архипелаге. Деление по принципу «араб/землевладелец и рабовладелец, индеец/торговец, ширази/свободный фермер, материковый африканец/раб» превратилось в условность, поверхностную схему. Отождествление «этнического происхождения» и классовой принадлежности не соответствовало меняющейся общественной ситуации на Занзибаре ²⁶. Уже в XIX в. различение «аристократ — раб» было важнее, чем «белый — черный» ²⁷.

Осевшие на Занзибаре выходцы из Индии занимались не только торговлей, но выступали также в качестве финансистов и составляли средний слой служащих колониальной администрации. Затем индийцы все чаще становились кредиторами арабов и землевладельцами, скупая плантации у обедневших собственников ²⁸.

Разработанная британцами иерархия призвана была служить целям колониального управления. Она была воплощена в Законодательном совете, в состав которого султан с согласия колониальных властей назначал «неофициальных членов» — представителей указанных групп населения Занзибара. Одно место было закреплено за европейцами, три за арабами, два за индийцами — при том, что все эти сообщества вместе взятые составляли численное меньшинство на Занзибаре — и два за африканцами. Оба отведенных африканцам места заняли ширази, что явилось поводом для недовольства «мейнлендеров», расценивших это как нарушение их прав.

Дискриминационной была вся система управления архипелагом при британцах. Законодательный и Исполнительный советы, созданные в 1926 г., обладали лишь совещательными функциями. Представляя большинство, африканцы, включая ширази, находились в бесправном положении, на «социальной обочине», имели ограниченный доступ к получению образования и были фактически исключены из политической жизни вплоть до середины XX века. С одобрения британского резидента они появились в составе Законодательного совета лишь в конце 1940-х гг.: первый с 1946 г., второй с 1947 ²⁹.

Британия, установив протекторат на Занзибаре, рассматривала острова как арабский анклав, а не как часть колониальной Африки. На архипелаге колонизаторы сохранили власть султана, впрочем, сведя ее к чисто символической. Британцы предоставляли арабам лучшие возможности в получении образования и в доступе к государственным должностям. Экономика островов находилась в руках арабского меньшинства. Занзибар управлялся в качестве территории со специальным, по сравнению с остальными британскими владениями в

Африке, статусом. Находясь в ведении Министерства по делам колоний Великобритании и под контролем британского резидента, Занзибар, тем не менее, сохранял формальную автономию. Законодательный совет был важнейшим политическим институтом Занзибара в колониальный период.

С начала XX в. с отменой рабства бывшие рабы-африканцы продолжали работать на плантациях в качестве сквоттеров. Плантаторы стали использовать также труд временных наемных рабочих с материка. Лишившись дарового труда рабов, многие арабы-землевладельцы разорялись. На их благосостояние влияли также колебания цен на гвоздику на мировом рынке. Экономической депрессией был отмечен период с конца 1920-х годов. Несмотря на попытки британских властей предотвратить упадок крупного землевладения и помочь арабским лендлордам, процесс их разорения продолжался. Началось дробление больших плантаций. Часть земли с гвоздичными деревьями от обремененных долгами арабов перешла к кредиторам, которыми являлись чаще всего финансисты-индийцы, или к зажиточным фермерам африканцам-ширази, особенно на Пембе.

Падение доходов от хозяйственной деятельности, а также излишние «престижные» траты, направленные на демонстрацию высокого статуса, били по карману арабской знати. Между тем, стиль жизни оманских аристократов («*ustaarabu*» означало «жить как араб», быть образованным, цивилизованным) на архипелаге вошел в моду и стал объектом подражания. Уроженец Пембы и оппозиционный политик, с 2010 г. занимавший пост первого вице-президента Занзибара, Сейф Шариф Хамад в своих мемуарах подтверждает: «Мы на Занзибаре считали, что мы более цивилизованны, чем наши братья в остальной Восточной Африке»³⁰. Чувство превосходства жителей Занзибара, как «центра» по отношению к остальным соседям по региону, как «периферии», в полной мере выражает «старая поговорка о занзибарской флейте, под которую пляшет вся Восточная Африка»³¹.

В истории Восточной Африки арабы выступали не только как культуртрегеры, но и как колонизаторы. Существует взгляд на султанскую династию как на воплощение наиболее примитивных, варварских черт³². В 1957 г. в разговоре с вице-губернатором Танганьики Дж. Флетчером-Куком Джулиус Ньерере назвал Занзибар историческим и географическим анахронизмом, «проекцией Среднего Востока на юг и, кроме того, проекцией назад, в Средние века», как результат присутствия на архипелаге султана, его арабских ставленников и сторонников³³. Для Ньерере как лидера материковых африканцев в борьбе за независимость и в глазах африканского большинства на архипелаге режим на Занзибаре во главе с арабским меньшинством и под защитой Великобритании выглядел политическим пережитком, особенно после второй мировой войны, в контексте разворачивавшихся процессов деколонизации в Африке.

Общественная атмосфера и события на материке — политическая мобилизация и движение за внутреннее самоуправление и независимость — ускорили освободительные процессы среди африканского большинства на архипелаге. На основе сложившихся при британцах расово-культурных классификаций в первой трети XX в. стали создаваться санкционированные колонизаторами организации, поначалу

направленные на отстаивание экономических интересов соответствующих групп, а впоследствии и на достижение определенных политических целей. Эти «этнические» или «расовые» ассоциации и профсоюзы послужили базой для создания политических партий, которые затем повели борьбу за голоса занзибарцев. Партийная активность с 1957 по 1964 г. — выборы в Законодательный совет, агитационные кампании, партийные расколы и перегруппировки, конкуренция между африканцами и арабами за влияние на ширази — составила содержание «периода политики» (*суах. zama za siasa*) на Занзибаре.

События на архипелаге показали, что поляризация занзибарского общества достигла крайней точки, почва для возникновения регионального, общего для жителей территории, национализма здесь отсутствовала, а султан являлся объединяющим символом не для всех занзибарцев. Вызреванию конфликта способствовала двойственная политика британцев: закладывая основы мажоритарной демократии, в то же время они пытались политизировать «расовый» вопрос, законсервировать межгрупповые границы и сохранить особый, привилегированный статус арабского меньшинства, тем самым, закрепляя дискриминационную практику в отношении африканского большинства.

Расширение избирательных прав африканцев не сопровождалось другими необходимыми реформами в области электорального законодательства, а также в сфере занятости и доступа к получению образования, которые дали бы африканцам, наравне с другими группами населения Занзибара, конкурентные возможности в политической сфере. В 1950-х гг. к социально-политическому кризису добавилась экономическая стагнация, обусловленная падением цен на мировом рынке гвоздики — главной товарной культуры Занзибара ³⁴.

Африканцы понимали, что при существовавшем положении вещей невозможно конституционными методами построить на Занзибаре «африканское государство». На антиарабской и антисултанской волне в январе 1964 г. на Занзибаре произошло вооруженное восстание: обезземеленные крестьяне, а также рабочие выступили против крупных землевладельцев-аристократов и политической олигархии. Таким образом, революция не была случайностью, но стала закономерным итогом колониального периода истории архипелага, а затем определяла дальнейшую судьбу Занзибара в африканской политике.

Примечания

1. ТЕТЕРИН О.И. Занзибар: первый год после объединения. — Азия и Африка сегодня. 2014, № 7, с. 64—65.
2. БЕЛОШАПКО С.В. 50 лет революции на Занзибаре: как это было? — Там же. 2014, № 1.
3. ДЕМИНЦЕВА Е.Б. Межэтнические отношения на Занзибаре. В кн.: Межрасовые и межэтнические отношения в современной Танзании: Труды Российской комплексной экспедиции в Объединенной Республике Танзания (сезон 2005 г.). М. 2008, с. 46, 54.
4. LOFCHIE M.F. Zanzibar: Background to Revolution. Princeton-N.J. 1965.
5. SHERIFF A. A Materialist Approach to Zanzibar's History. In: Zanzibar under Colonial Rule. Athens-Ohio. 1991, p. 2.
6. AYANY S.G. A History of Zanzibar: A Study in Constitutional Development 1934—1964. Nairobi-Dar es Salaam-Kampala. 1977.

7. OTHMAN H. Zanzibar's Political History: The Past Haunting the Present? — Centre for Development Research: Working Paper 93.8, October 1993. Copenhagen. 1993, p. 5, 13.
8. SHERIFF A. Race and Class in the Politics of Zanzibar. — Africa Spectrum. 2001, vol. 36, № 3, p. 313.
9. SHIVJI I.G. Pan-Africanism or Pragmatism? Lessons of the Tanganyika-Zanzibar Union. Dar es Salaam. 2008.
10. SHERIFF A. Dhow Culture of the Indian Ocean: Cosmopolitanism, Commerce and Islam. L. 2010.
11. D'SOUZA B.R. Harnessing the Trade Winds: The Story of the Centuries-Old Indian Trade with East Africa, Using the Monsoon Winds. Nairobi. 2008.
12. AYANY S.G. Op. cit., p. 7.
13. BRENNAN J.R., BURTON A. The Emerging Metropolis: A History of Dar es Salaam, Circa 1862—2000. In: Dar es Salaam: Histories from an Emerging African Metropolis. Dar es Salaam. 2007, p. 14—16.
14. ШЛЁНСКАЯ С.М. Объединенная Республика Танзания. М. 2014, с. 46.
15. ALPERS E.A. The Coast and the Development of the Caravan Trade. In: A History of Tanzania. Nairobi. 1969, p. 45—56.
16. BABU A.M. The Background to the Zanzibar Revolution. In: WILSON A. US Foreign Policy and Revolution: The Creation of Tanzania. L. 1989, p. 144.
17. AYANY S.G. Op. cit., p. 6.
18. LOIMEIER R. Between Social Skills and Marketable Skills: The Politics of Islamic Education in 20th Century Zanzibar. Leiden-Boston. 2009, p. 13.
19. SHERIFF A. Race and Class., p. 307.
20. MOSARE J. Background to the Revolution in Zanzibar. In: A History of Tanzania. Nairobi. 1969, p. 218, 222.
21. Zanzibar: Central Office of Information Reference Pamphlet, 60. L. 1963, p. 4.
22. АНДРИАНОВ Б.В. Население Африки. (Этностатистический обзор). М. 1964, с. 136.
23. Tanganyika: The Making of a Nation. Central Office of Information Reference Pamphlet, 48. L. 1961, p. 40.
24. BAKARI M.A. The Democratization Process in Zanzibar: A Retarded Transition. Hamburg. 2001, p. 69—70.
25. PRINS A.H.J. The Swahili-Speaking Peoples of Zanzibar and the East African Coast (Arabs, Shirazi and Swahili): Ethnographic Survey of Africa: East Central Africa. P. XII. L. 1967, p. IX, 11—19, 43.
26. DEPELCHIN J. The Transition from Slavery, 1873—1914. In: Zanzibar under Colonial Rule. Athens, Ohio. 1991, p. 12.
27. LOIMEIER R. Op. cit., p. 22—23.
28. ELIOT C. The East Africa Protectorate. L. 1905, p. 179.
29. ОВЧИННИКОВ В.Е. История Танзании в новое и новейшее время. М. 1986, с. 155, 158.
30. BURGESS G.T. Race, Revolution, and the Struggle for Human Rights in Zanzibar: The Memoirs of Ali Sultan Issa and Seif Sharif Hamad. Athens-Ohio. 2009, p. 183.
31. ГИРЕНКО Н.М. Этнолингвистическая ситуация на Занзибаре. — Советская этнография. 1972, № 5, с. 51.
32. OTHMAN H. Op. cit., p. 8.
33. MBOGONI L.E.Y. The Cross versus the Crescent: Religion and politics in Tanzania from the 1880s to the 1990s. Dar es Salaam. 2004, p. 146—148.
34. LOFCHIE M.F. Op. cit., p. 93—94.

Политика министра иностранных дел графа В.Н. Ламздорфа в отношении прессы в начале XX в.

К.В. Каулин

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые аспекты политики министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа по формированию общественного мнения, его взаимодействие со СМИ. Отмечается, что граф Ламздорф, которого традиционно считают чиновником «старого поколения», не способным на «хитрую игру», в действительности умело использовал прессу и даже сам выдвигал проекты в этой сфере, будучи информирован о происходящем в ней лучше молодого императора.

Ключевые слова: граф В.Н. Ламздорф, Министерство иностранных дел, пресса, газеты.

Abstract. Key aspects of minister of foreign affairs V.N. Lamzdorf policy of shaping of public opinion and his cooperation with mass media are pointed in the article. Count Lamzdorf, who is traditionally reputed being a civil servant of an «old generation», incapable to a such «artful game», in reality skillfully used the press and even offered projects in this sphere, being better informed in these questions than the young emperor.

Key words: count V.N. Lamzdorf, Ministry of foreign affairs, the press, newspapers.

В начале XX в. процесс политизации общественной жизни российского общества значительно активизировался. Это было связано с поляризацией старых и новых политических сил, что неизбежно вело к конфликтам. Как известно, переходные этапы в общественной жизни всегда сопровождались взлетом публицистики и журналистики. В начале XX в. Россия занимала первое место в мире по объему печатной продукции на душу населения ¹.

В данной работе предполагается рассмотреть один из аспектов жизни общества того времени — взаимодействие Министерства иностранных дел с органами печати. В функции МИД не входило осуществление какого бы то ни было контроля за деятельностью прессы (цензурой занималось МВД), поэтому необходимо пояснить характер их взаимоотношений. Существовал ряд факторов, оказывавших на них влияние.

Каулин Кирилл Владимирович — аспирант МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: kkaulin@yandex.ru.

Kaulin Kirill V. — post-graduate student of MSU named after M.V. Lomonosov. E-mail: kkaulin@yandex.ru.

Первый фактор: осуществление внешней политики официально находилось под непосредственным контролем императора. Исполнителем его воли были министр иностранных дел и его ведомство. У министерства также существовала сеть агентов-информаторов в отдельных странах. Эту особую структуру можно было использовать для воздействия на общественное мнение.

Второй фактор: газеты были заинтересованы в получении информации от чиновников МИД, так как отражение внешнеполитических событий являлось одной из важнейших задач прессы. МИД владел особой информацией, включая донесения послов и секретные сведения. Как правило, органы печати получали строго официальную информацию. Это заставляло журналистов искать неформальные контакты, налаживать отношения с чиновниками ведомства. Издатели газет признавались, что порой для получения важных и интересных сведений им приходилось в обход ответственного лица министерства налаживать связи с его подчиненными². Именно такие сведения были для прессы наиболее ценными. Однако факты передачи неофициальной информации не фиксировались, документы не составлялись, что создает трудности для современных исследователей.

Третий фактор. Дипломаты и сами были заинтересованы во взаимодействии с органами печати. Начавшийся XX в. был отмечен усилением социальной активности граждан, возрастанием роли общественного мнения. Революция 1905—1907 гг. внесла принципиальные изменения в политическое устройство страны. В России формировались основы парламентаризма. Возникали различные партии, программы которых охватывали весь спектр политических проблем. С отменой предварительной цензуры подъем переживала и периодическая печать, особенно газеты, которые начали издаваться даже в небольших городах. Политическая и социально-экономическая информация, касающаяся как внутренней жизни Российской империи, так и мирового сообщества, становилась доступной широким слоям населения. Влиятельные буржуазно-помещичьи круги стремились участвовать в выработке внешнеполитического курса и в выборе союзников России, так как их интересы были непосредственно связаны с внешней политикой государства. Например, доходы предпринимателей от хлебной торговли, важнейшей отрасли российской экономики, во многом зависели от режима черноморских проливов. Руководство Министерства иностранных дел осознавало, что в сложившейся ситуации успешное проведение внешней политики без поддержки общества невозможно. Такие взгляды были распространены среди дипломатов, долгое время работавших за границей и наблюдавших, как их европейские коллеги умело манипулируют общественным мнением, достигая нужных результатов³.

Все названные факторы свидетельствуют о принципиальном значении для российского МИД взаимодействия с органами печати в начале XX века. В этот период руководителями внешнеполитического ведомства были В.Н. Ламздорф и А.П. Извольский. Деятельность министерства в каждый из периодов в немалой степени зависела от профессиональных и личностных качеств министров. В рамках данного исследования предполагается рассмотреть основные вопросы взаимодействия МИД и органов печати в 1900—1906 гг., когда мини-

стерством руководил Ламздорф. Эта сфера целенаправленно не изучалась, в то время как деятельность Извольского по взаимодействию с прессой, которую называли его «любимым детищем», достаточно хорошо известна.

Граф Ламздорф определял внешнюю политику России в тот период, когда страна в условиях нарастающего внутреннего кризиса решала важнейшую проблему выбора союзников. Между тем, его дипломатическая деятельность изучена слабо, а информация о личной жизни скудна. Известно, что после отставки Ламздорфа в печати утвердились негативные оценки его личности ⁴. Это во многом связано с тем, что имя дипломата ассоциировалось с неудачами России в Русско-японской войне.

В 1907 г. в «Вестнике Европы» была опубликована статья публициста Н.З. Слонимского, в которой утверждалось, что Ламздорф являлся «верным “слугою” высших сфер, покорным исполнителем или пассивным свидетелем чужих случайных и переменчивых решений» и «... не чувствовал ответственности перед страной» ⁵.

Именно публицисты создали негативный образ Ламздорфа. В подобном ключе позже воспринимали его и многие историки. Для выяснения истинного положения дел обратимся к тем оценкам, которые давали Ламздорфу его коллеги, действительно его знавшие. Здесь можно выделить две тенденции: одни характеризуют графа как ограниченного человека, другие его превозносят. К числу первых относится дипломат Р.Р. Розен. Он считал графа закоренелым бюрократом, который сосредоточен только на деятельности своей канцелярии, а внешний мир знает лишь по слухам, но при этом усерден и очень трудолюбив ⁶. Барон М.А. Таубе, юрисконсульт МИД, вспоминал, что Ламздорф любил называть себя последним министром «старого режима» и подчеркивать свое нежелание следовать новым веяниям, а быть верным старым принципам ⁷. Подробную характеристику Ламздорфу дал министр народного просвещения И.И. Толстой: «Он был добрейший человек, но типичный образчик человека ограниченного, без каких бы то ни было государственных идей, с самыми комично-наивными представлениями о действительности, но с весьма корректными внешними формами общения. Одним словом, это был тип милого, но малодаровитого человека, сделавшего карьеру и приобретшего даже недурную репутацию не благодаря уму, а благодаря корректности» ⁸.

Работоспособность Ламздорфа была безгранична, отмечал и министр финансов С.Ю. Витте. Кроме того, своего давнишнего приятеля и политического союзника Витте называл «ходячим архивом» МИД, и в одной из глав мемуаров дал ему развернутую характеристику: «Граф был благороднейшим и во всех отношениях порядочным человеком. Умный, бесконечно трудолюбивый... он отлично знал свое дело... Он пользовался уважением всех дипломатов, так, если что говорил, то говорил правду... [Если] в заседаниях он не мог говорить, наедине или в близком кругу всегда выражал свое мнение толково и с большим знанием дела» ⁹.

Извольский, сменивший Ламздорфа на посту министра и не раз критиковавший его, тем не менее, отмечал, что граф был работоспособным, скромным, никогда не пренебрегавшим своей работой «для

ведения рассеянного образа жизни», очень одаренным и образованным человеком ¹⁰.

Все эти свидетельства приводятся, чтобы показать, что сложившийся образ Ламздорфа не совсем верен, и это мешает полноценному изучению его деятельности. Обычно, говоря о взаимодействии МИД и средств массовой информации, в пример приводят лишь Извольского, отмечая, что он был либералом и проводил соответствующие реформы, а также охотно взаимодействовал с прессой и Государственной думой. Поэтому собственные слова Извольского о Ламздорфе столь важны.

Достаточно характерным примером восприятия графа Ламздорфа может служить следующая цитата: «Между тем в правительственных верхах империи все еще полагали, что “общественного мнения самостоятельного в России не существует”, а складывается оно во время чтения газет утром за чашкой кофе. Это “мнение” долгое время считали возможным игнорировать, а Ламздорф даже утверждал, что нет ничего легче, чем “положить конец всем этим газетным толкам” — надо только отдать приказ Министерству внутренних дел» ¹¹.

Эти слова цитируются по воспоминаниям Е.М. Феоктистова, тайного советника и начальника главного управления по делам печати при Министерстве внутренних дел, человека, хорошо знакомого с ситуацией. Приведенные слова, однако, вырваны из контекста. Полный текст звучит так: «Общественного мнения самостоятельного в России не существует. Известно, как оно слагается у нас: каждый читает утром, за чашкой чая, газету, и в течение дня проявляется тою мудростью, которую он в газете прочитал» ¹². Эти слова принадлежат министру внутренних дел А.Е. Тимашеву. Но, приводя их, Феоктистов пишет о «презрительных отзывах об общественном мнении» и заключает свои рассуждения красноречивым вопросом: «Можно ли было придумать что-нибудь постыднее этого?» ¹³

Между тем, усеченная цитата и мнение о Ламздорфе как о человеке консервативном и не способном на какую-то самостоятельную и изобретательную деятельность сыграли свою роль. В частности, в статье А.Г. Голикова «“Journal de St.-Peterbourg” — газета российского МИД», посвященной одному из аспектов взаимодействия министерства с органами печати в XIX в., неполная цитата из воспоминаний Феоктистова приводится как характеристика отношения правительства к общественному мнению ¹⁴. А «Обозрение МИД» вообще ограничилось только этой цитатой для характеристики деятельности Ламздорфа в отношении СМИ ¹⁵. Вслед за этим, в «Дипломатическом вестнике» за октябрь 2001 г. на сайте МИД было заявлено, что граф Ламздорф полагал «всякое обсуждение печатью вопросов внешней политики безусловно вредным» ¹⁶.

Новые грани деятельности Ламздорфа раскрывает специалист по истории шифровального дела Т. Соболева, изучавшая историю шифровальной экспедиции МИД. Если Витте называл графа «ходячим архивом» МИД, то Соболева конкретизирует это определение и считает его «ходячим архивом министерства иностранных дел по всем секретным делам этого министерства» ¹⁷.

Нужно заметить, что продвижение дипломатов, занимавшихся секретными вопросами и в частности шифрованием, по карьерной

лестнице не поощрялось. Поэтому успех Ламздорфа, начавшего именно с таких вопросов и ставшего министром, уже сам по себе заслуживает внимания. О своем особом статусе в министерстве Ламздорф пишет в «Дневнике»: «Странным является мое положение в данный момент, мои секретные архивы содержат все тонкости политики последнего царствования. Ни молодой государь (Николай II), ни почтеннейший Шишкин, назначенный временно управляющим министерством иностранных дел, не имеют ни малейшего представления о документах, доверенных в последние годы исключительно и совершенно бесконтрольно мне... Я оказался исключительным обладателем государственных тайн, являющихся основой наших взаимоотношений с другими странами»¹⁸. Автор «Дневника» сам удивлен счастливому повороту своей судьбы. «Я работал в глубокой тени возле моего бедного старого начальника (Н.К. Гирса. — К.К.), меня никто не знает, — отмечал Ламздорф, — и вот теперь, когда исчезли как он сам, так и Государь, которому он столь замечательно помогал править, я оказываюсь в положении единственного обладателя государственных тайн, являющихся основой наших отношений с другими державами»¹⁹. Ламздорф поместил в «Дневнике» копии совершенно секретных документов, например, перлюстрации переписки германского посольства в России.

Записи в «Дневнике» свидетельствуют о том, что Ламздорф был знаком с прессой и с общественным мнением, он ясно осознавал свою роль в деятельности государства: «Я возмущен глупостями, которые читают в “Гражданине”, — гласит одна из записей. — Вслед за самой низкой лезтью по адресу Государя... [автор] делает самые нелепые замечания по адресу министра. Забавно, что он заканчивает свою глупую статью утверждением: министр иностранных дел уже не играет большой роли в России, потому что политикой руководит сам Государь... Надо признать, что органы нашей привилегированной прессы льстят Его Величеству не вполне искусно»²⁰. В подтверждение мнения Ламздорфа необходимо вспомнить, что он не раз вносил коррективы в решения, принятые высшей властью; достаточно упомянуть такой важный шаг, как нейтрализация Бьерского соглашения, подписанного лично Николаем II.

Важнейшей задачей российских властей в начале XX в. в области взаимодействия с печатью стало создание собственного телеграфного агентства. Известно, что пресса получает информацию преимущественно из сообщений информационных телеграфных агентств. Определенные органы печати могут позволить себе содержание собственных корреспондентов и собственные расследования, однако эти мероприятия являются весьма дорогостоящими и сложными, поэтому создавались специальные агентства, в то время передававшие сообщения — по телеграфу. Не трудно предположить, что отбор и подача материала производились по определенным принципам, и воздействие на общественное мнение осуществлялось уже на этой, начальной стадии. Подобную политику издавна проводили крупные европейские агентства. Телеграфное агентство правительства России было учреждено в 1904 году. До этого момента существовало Российское телеграфное агентство (РТА), созданное в 1894 г. и являвшееся собственностью издателей нескольких газет, то есть не вполне самостоятельным как организация. РТА имело договоры с крупнейшими теле-

графными агентствами, главными среди которых были агентство Вольфа и агентство «Рейтер», практически поделившие между собой мир в сфере распространения информации. РТА сотрудничало главным образом с агентством Вольфа. В 1902 г. Витте заявил, что телеграфный обмен России с границей под контролем и цензурой Вольфа нежелателен, так как оно является проводником интересов Германии. Министр финансов предложил создать телеграфное агентство на базе «Торгово-промышленной газеты», которая имела сеть коммерческих корреспондентов и опыт организации телеграфной службы. Идея получила одобрение царя.

Во время Русско-японской войны было принято решение расширить сферу деятельности агентства. В 1904 г. именно Ламздорф, озабоченный появлением в печати искаженной информации, заимствованной из иностранных источников, о войне и российской политике, предложил привлечь МИД к распространению сведений, «отвечающих истине и русским интересам»²¹. Изучавшая деятельность телеграфного агентства Е.Г. Кострикова, отмечает, что именно после этого оно было преобразовано в политическое Санкт-Петербургское агентство (СПА). Для того, чтобы новое агентство заняло в России такое же положение, какое занимали в своих странах официальные западные агентства «Рейтер», «Гавас», «Вольф», то есть получило монополию на правительственные известия, всем ведомствам было предложено оказывать ему содействие. При этом подбор кадров зарубежных корреспондентов осуществлялся под контролем МИД.

Средства массовой информации, находящиеся под контролем государства, традиционно считаются местом применения жесткой цензуры и самоцензуры, а характер их сообщений — сугубо официозным. Временами может возникнуть искушение не сообщать о неприятных событиях. С подобной проблемой столкнулось агентство во время революции 1905—1907 годов. Руководству предстояло решить трудную задачу: с одной стороны, оно должно было распространять информацию в интересах русского правительства, с другой стороны, замалчивание определенных событий могло дать обратный результат. В декабре 1904 г. на заседании Совета агентства его директор П.И. Миллер убеждал присутствующих: «Завоевать доверие за границей можно только полной осведомленностью и возможно полным беспристрастием. Иначе сообщения агентства потеряют ударную силу. На них будут смотреть, как на тенденциозные уклонения от истины и недомолвки. А это лишило бы агентство возможности работать в интересах правительства, заставляя заграничное общество быстро и с доверием воспринимать желательные для России сведения»²². К этому времени руководство СПА уже обратило внимание на отсутствие телеграмм с мест о волнениях, связанных с призывом в армию, и о политических манифестациях. Корреспондентам был послан запрос — по какой причине не передаются такие «важные и характерные факты». Как выяснилось, они считали, что известия подобного рода официальному агентству не нужны, так как по цензурным условиям не могут быть помещены в газетах. Правление поспешило внести ясность: «Здесь очевидное недоразумение. Санкт-Петербургское агентство должно быть хорошо осведомлено обо всех происшествиях, имеющих крупное значение»²³.

Летом 1905 г. возник конфликт с Морским ведомством, руководителем которого А.А. Бирилёв был категорически против любой информации о волнениях на флоте и, особенно, о восстании на броненосце «Потёмкин». Министр финансов В.Н. Коковцев пытался убедить министра внутренних дел А.Г. Булыгина в бессмысленности замалчивания неблагоприятных известий, напомнив о печальном опыте РТА: «Это агентство, вследствие своей малой осведомленности и уклонения от передачи за границу фактов из внутренней русской жизни, в конце концов, утратило в иностранной печати всякое доверие, и рассылавшиеся им официальные опровержения встречались не только недоверчиво, но и с явной насмешкой. Такое положение дела послужило одним из побудительных мотивов для создания нового правительственного агентства, взамен прежнего частного, совершенно дискредитированного»²⁴.

Как видно, более консервативной оказалась позиция чиновников из военных ведомств, а не из Министерства иностранных дел, как это принято считать.

Можно, конечно, утверждать, что забота об объективности информации основывалась на желании влиять на зарубежные издания. Но мотив не имеет особого значения: важнее то, что представители власти осознавали необходимость качественной работы с информацией. Конечно, не обошлось и без прямой цензуры во время пика революционной ситуации 1905—1907 гг., но все-таки тенденция очевидна. Этот опыт мог бы быть полезен и сегодня. «Анализ деятельности Санкт-Петербургского телеграфного агентства в период первой русской революции позволяет судить о приемах, которые использовало правительство России, стремясь повлиять на общественное мнение как внутри страны, так и за границей», — отмечает Кострикова²⁵.

Доводы в защиту объективности информации приводил и Коковцев. Он считал, что за границу следует передавать оперативную информацию, так как первые сведения имеют большее значение и производят большее впечатление, чем последующие комментарии или опровержения. «В противном случае, — размышлял он, — в иностранную печать и в дальнейшем будут проникать крайне преувеличенные, подчас совершенно фантастические известия, которые ввиду укоренившегося за границей убеждения в нелюбви русского правительства к гласности и в привычке к официальному замалчиванию, охотно воспринимались обществом, и несмотря на свою фантастичность, встречали всеобщее доверие»²⁶. Ясно видно, что ответственные лица ориентировались не только на население России, но и на международную общественность. При этом интерес к информации, ее достоверность способствовали имиджу агентств, увеличению доходов от подписки на бюллетени и, следовательно, имели и финансовое значение.

Другим проявлением политики по воздействию на общественное мнение на международном уровне стала идея купить газету в Индии. Эта инициатива также проходила в рамках борьбы за ослабление влияния крупнейших зарубежных телеграфных агентств, которые имели все возможности для интерпретации событий с собственной точки зрения. Ведущую роль здесь играло английское агентство «Рейтер». По этому поводу граф Ламздорф составил на имя монарха записку

следующего содержания: «Чтобы оценить должным образом вред, причиняемый этим путем России, следует лишь вспомнить, что приблизительно половина населения земного шара либо читает по-английски, либо находится так или иначе под прямым или косвенным влиянием английской прессы, главные органы коей располагают огромными средствами и связями во всех, даже самых отдаленных уголках мира»²⁷. Ламздорф обращал внимание царя на то, что «крупные английские органы могут иметь и фактически имеют в своем распоряжении людей, которые доставляют им выдержки и даже подробные переводы из русских периодических изданий, но до читающей публики эти сведения тем не менее доходят либо в извращенном виде, либо с комментариями, подрывающими всякое доверие к данному русскому сообщению»²⁸.

Ламздорф характеризовал ситуацию следующим образом: «Положение публики, даже вполне здравомыслящей и беспристрастной, но вынужденной черпать свои сведения из английских газет, представляется в большинстве случаев весьма затруднительным, так как она почти совсем лишена возможности следовать принципу “*audiatur et altera pars*” (следует выслушать и другую сторону. — *К.К.*). Оставляя в стороне самих англичан, громадное большинство коих не может или не хочет дать себе труда формулировать собственный взгляд на события, а слепо верит в то, что подносится им излюбленной их газетой, можно с уверенностью сказать, что за исключением очень небольшого процента, люди, читающие и говорящие по-английски, не знают никакого другого европейского языка, а в особенности русского»²⁹.

Еще в конце 1900 г. в инструкции генеральному консулу в Бомбее В.О. фон Клемму Ламздорф писал, что Индия — наиболее уязвимый нерв Великобритании, прикосновение к которому может заставить Британию изменить свою враждебную политику. Ламздорф подчеркивал, что в Индии «распространение ложных сведений и представлений о России прямо входит в программу не только прессы, но и самого правительства»³⁰. Было принято решение активизировать информационную деятельность на этой территории: во-первых, доводить до индийских читателей хотя бы небольшой объем информации из российских источников, во-вторых, издавать в этой английской колонии газету, которая освещала бы события с российской, а не с британской точки зрения.

Следует отметить, что катализатором этих планов послужила Русско-японская война. «В наше Генеральное консульство в Бомбее стали поступать запросы со стороны туземных газет и просьбы о сообщении им правильных сведений с театра войны», — сообщал Ламздорфу российский консул в Бомбее. Запросы и просьбы Генеральное консульство удовлетворяло безотлагательно, делая извлечения и переводы из «Правительственного вестника» (официальное издание правительства Российской империи. — *К.К.*) и других русских газет. Однако этот способ передачи информации имел существенный недостаток: российские газеты поступали в Индию лишь на двадцатый день после выхода в свет. Для решения проблемы Министерство иностранных дел обратилось к заместителю Его Величества на Дальнем Востоке с предложением сообщать российскому генеральному консулу в Бомбее сведения о ходе военных действий по телеграфу. Полу-

чаемые таким образом телеграфные известия должны были переводиться и сообщаться Генеральным консульством всем местным органам печати ³¹.

Несмотря на то, что информационный канал с Индией был налажен, российских дипломатов не удовлетворяло то, что передаваемые сведения были краткими и, будучи официальными сообщениями, не могли носить официального характера. Для активизации информационной деятельности Генеральное консульство в Бомбее установило контакты с издателями двух индийских газет, которые изъявили готовность публиковать материалы, поступающие из России.

Обе газеты издавались в Бомбее: «The Oriental Review» — на английском языке, «Al-Riaz» — на общеизвестном в Индии наречии урду. В архивных документах газеты характеризуются следующим образом: «В обеих газетах этих помещены были, например, выдержки из весьма сочувственных России речей одного из членов англо-русского литературного общества в Лондоне, ирландца Поллена... Условие с издателями упомянутых газет сводилось к тому, что они должны были рассылать бесплатно по Индии и туземным княжествам большое количество тех номеров, в которых появлялись сочувственные статьи, за что Генеральное консульство уплачивало им из имевшихся в его распоряжении сумм, отпускаемых Главным штабом на секретные расходы» ³².

Ламздорф считал, что необходимо добиваться расположения индийского общества на тот случай, если в Азии начнутся осложнения. Для достижения этих целей необходимо было решить две задачи. Во-первых, газеты с информацией о России должны выходить в Индии ежедневно. Во-вторых, в Генеральное консульство в Бомбее следует направить специально назначенное лицо, на которое могла бы быть возложена обязанность делать извлечения из русской прессы, составлять конспекты полемических статей, чтобы существовали основания для ведения дискуссии с авторами британских газет. В ответ на предложения Ламздорфа генеральный консул в Бомбее отвечал: «Надо будет соблюдать величайшую осторожность, чтобы не подпасть под пресловутый закон о противоправительственных писаниях. Что же касается англо-индийских газет, то они в отношении этих новых органов, по крайней мере, на первых порах, будут, вероятно, придерживаться обычного своего приема, а именно, абсолютного игнорирования и замалчивания» ³³.

Генеральный консул пришел к выводу, что для решения проблемы было бы полезно склонить на свою сторону издателя одной из английских газет в Индии. Но на это трудно надеяться, «так как даже оппозиционные газеты, вследствие присущих почти всякому англичанину патриотизма и чувства недоверия, если не прямо ненависти к России, относятся к нам не менее недоброжелательно, чем субсидированные лордом Керзоном и распинаяющиеся за него органы» ³⁴.

Однако этим хорошо продуманным планам не суждено было сбыться. Министерство финансов сочло затраты на их осуществление слишком большими. Об этом руководитель ведомства Коковцев прямо писал Ламздорфу: «Министерство финансов лишено возможности идти навстречу всем вообще поступающим со всех сторон требованиям относительно расширения влияния России и распространения

за границей... Сношения наши с этой страной (с Индией. — К.К.) находятся пока в зачаточном состоянии, и выгоды от газетной кампании в этой стране предусматриваются лишь предположительно и при этом только в будущем»³⁵.

Несмотря на то, что инициатива Министерства иностранных дел не была реализована, она свидетельствовала о стремлении руководителя ведомства активизировать информационную деятельность российской дипломатической службы. Граф Ламздорф планировал не только более тесно контактировать со средствами информации отдельных стран, но и создать в Санкт-Петербурге специальное информационное издание на английском языке, которое распространялось бы в британских колониях. По его мнению, такому изданию был бы обеспечен успех, поскольку весь мир жаждет сведений из достоверных источников, и Индия не замедлила бы дать порядочное число подписчиков на такую газету. В своих размышлениях глава российского МИД касался и вопроса о возможном противодействии этому проекту английской стороны и делал оптимистичный вывод: «... Едва ли даже такой самонадеянный человек, как лорд Керзон, осмелился бы поднять руку на свободу печати и тем навлечь на себя бурю негодования не только в Индии, но и в Англии». Император отметил: «Вопрос, заслуживающий внимания. Петергоф, 27 июля 1904 г.»³⁶.

Вопросы взаимодействия с прессой были столь актуальны, что их затрагивал даже министр финансов, перечисляя затраты министерства в данном направлении: «Наши отношения к Франции заставляют нас тратить значительные суммы на прессу в Париже. Нынешние осложнения на Дальнем Востоке побудили наместника Его Императорского Величества... принять меры для оказания воздействия на печать в Китае. Упрочившееся влияние наше в Персии побудило нас вступить здесь на тот же путь, и, как известно Вашему Сиятельству, мы субсидируем “Закаспийское Обозрение” и передаем в Тегеран по телеграфу известия для распространения их в Персии... Как в Персии, так и на Дальнем Востоке борьба с агитацией против России оказалась для нас весьма затруднительной и малопродуктивной именно вследствие отсутствия широких и надежных связей с местным населением»³⁷.

Консул в Бомбее пытался проводить политику воздействия на английскую печать, в частности, через взаимодействие с одной из упоминавшихся газет, «The Oriental Review», редактором которой был Рустомджи. Большая часть капитала в газету была вложена ювелиром Клеветом, который решил продать свою долю. Рустомджи, заинтересованному в покупке, не хватало денег, и он обратился за помощью к российскому консулу. В.О. фон Клемм написал об этом дипломату Н.Г. Гартвигу: «Если теперь, быть может, несвоевременно создавать печатный орган русского правительства в Индии, то желательно было бы по крайней мере поддерживать такой небольшой, но пользующийся известным значением листок, как “The Oriental Review”, и прибегать в случае надобности к его услугам. Не одна сотня образованных индусов читает его... и не одна туземная газета позаимствует у него правдивое слово о России»³⁸. Позже консул прислал несколько номеров газеты с опровержением ложных сведений о России. Ответа МИДа на донесение В.О. фон Клемма в архиве не обнаружено,

но из зарубежных источников известно, что Рустамджи выступал с лекциями по журналистике в Соёдиненных Штатах Америки и считался не только специалистом, но и владельцем наиболее влиятельной в западной части Индии газеты. Упомянувшиеся в письме министра финансов факты могут помочь исследователям в дальнейшем. Не секрет, что газета «Закаспийское обозрение» публиковала статьи, призванные уменьшить количество паломников в Мекку из-за антисанитарных условий. Связано ли это с политикой властей, однозначно утверждать невозможно, зато известно о воздействии на французскую печать для получения кредита. Кредит был крайне необходим России, особенно в связи с революционными событиями, но именно революция и подорвала экономический авторитет страны, поэтому получить деньги было достаточно трудно. Занимавшийся этим Витте привлек агента Министерства финансов А.Г. Рафаловича, который жил в Париже и не раз публиковался в местных газетах, налаживая связи с их редакторами. Рафалович писал, что миссия по получению кредита его тяготит, «... так как газеты все больше и больше повышают их требования по мере постигавших нас военных неудач»³⁹. Он советовал Витте сосредоточить суммы и их распределение в руках представителя прессы, каким был в то время Г. Ленуар, пользовавшийся, по его словам, хорошей репутацией. Так и было сделано. Как писал Витте, «... сколько уплатили банки прессе, я не знал и не знаю и теперь, но шутники острили тогда, что пресса подурила очень мало. Замечательно на самом деле, однако, то, что журналисты, с самой минуты нашего соглашения о прессе, прекратили вовсе посещать меня, и весь вопрос о переговорах о займе окончательно сошел со столбцов наиболее распространенных газет, как будто никакого займа и не было, и никто никаких переговоров не вел в Париже. Для меня это было величайшим благом, да и из Петербурга я получал только комплименты относительно спокойного тона прессы вообще, и нескрываемого недоумения, как мало сведений о нашем займе можно почерпнуть из газет»⁴⁰.

Будучи хорошо знакомым с информационной политикой за границей, граф Ламздорф в некоторых случаях находил замечания Николая II бессодержательными. Так он однажды записал в дневнике: «Но самым любопытным документом среди бумаг, возвращенных сегодня утром Государем, является вырезка из появившейся недавно газетки, называющейся “Русская жизнь”. Эта вырезка, переданная Государю, вероятно? ведомством по делам печати Министерства внутренних дел, положена сверху; на ней государь написал: “Эта статья так хороша, что можно было бы прямо дать ее, как инструкцию посланнику нашему в Тегеране. Именно этими соображениями я желал бы, чтобы руководствовался Азиатский департамент”⁴¹. Приложена газетная вырезка. В конце статьи — строки, подчеркнутые чернилами: “Наши представители в Персии должны зорко наблюдать за всеми подкупами, ведущимися в России, противопоставляя этим последним не подкуп безличных и корыстных министров шаха, а свое “veto”, которое одно, без всякого золота, если будет поддержано твердо авторитетом России, достаточно для того, чтобы парализовать козни врагов”⁴². И дальше: “Им (представителям России. — К.К.) поэтому и надо держать “честно и грозно” русское знамя на Востоке, не

давая ослабеть тому престижу России, который создан ценой права, а не подкупом и тайной интригой”. Пометы императора: “да” и “совершенно верно”. И эту болтовню наш августейший монарх желает возвести в степень политической программы!»⁴³

Как видно на примере Индии, для установления информационного взаимодействия нужны не только материальные средства, но и налаженные связи, как с представителями печати, так и с местной общественностью. Публицистическая статья о честности в таком деле рассматривалась графом как наивность. В то же время император, который, как известно, редко оставлял свои пометы и только на тех документах, которые посчитал особенно важными, отнесся к этому серьезно. Этот случай хорошо иллюстрирует особую информированность Ламздорфа, в том числе по сравнению с царем. Годы с 1900 по 1914 явились важным периодом в формировании взаимодействия МИД Российской империи с органами печати. Именно в это время имели место столь значимые в названном процессе события, как создание при Министерстве иностранных дел собственного телеграфного агентства, налаживание контактов с органами печати в России, попытки распространять объективную информацию о стране за границей. Деятельность Министерства иностранных дел активизировалась при графе Ламздорфе, который возглавлял ведомство с 1900 по 1906 год. Оценки личности Ламздорфа противоречивы, однако инспирированные им мероприятия, записи в дневнике, анализ событий, наряду с положительными отзывами коллег, дают основания считать его профессиональным, широко мыслящим и даже прозорливым политиком, который увидел в средствах массовой информации неограниченные возможности. Большие планы на использование СМИ в проведении внешней политики России являются характерной чертой министерства Ламздорфа.

Примечания

1. ЖИРКОВ Г.В. История цензуры в России XIX—XX вв. М. 2001, с. 148.
2. КОСТРИКОВА Е.Г. Русская пресса и дипломатия накануне Первой мировой войны 1907—1914 гг. М. 1997, с. 25.
3. Там же, с. 31.
4. ЛОШАКОВ А.Ю. Граф Владимир Николаевич Ламздорф. — Вопросы истории. 2014, № 3, с. 21.
5. СЛОНИМСКИЙ Л.З. Граф Ламздорф и «Красная книга» — Вестник Европы. 1907, № 4, с. 816—818.
6. ROSEN R. Forty Years of Diplomacy. London. 1922, p. 174—175.
7. ТАУБЕ М.А. Зарницы. Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900—1917). М. 2007, с. 83.
8. ТОЛСТОЙ И.И. Дневник. Т. 1. СПб. 2010, с. 264.
9. ВИТТЕ С.Ю. Воспоминания. М. 2010, с. 531.
10. ИЗВОЛЬСКИЙ А.П. Воспоминания. М. 2003, с. 187.
11. Очерки истории МИД. Т. 2. М. 2002, с. 495.
12. ФЕОКТИСТОВ Е.М. Воспоминания. За кулисами политики и литературы 1848—1896. М. 1991, с. 122.
13. Там же.
14. ГОЛИКОВ А.Г. Journal de St-Petesbourg — газета российского МИД. — Вестник Московского Университета. № 2, 2003, с. 12.

15. Очерки истории МИД, т. 2, с. 495.
16. Дипломатический вестник. 2001, октябрь.
17. СОБОЛЕВА Т. История шифровального дела в России. М. 2002, с. 240.
18. ЛАМЗДОРФ В.Н. Дневник. 1894—1896, М. 1934, с. 238.
19. Там же.
20. Там же.
21. КОСТРИКОВА Е.Г. Санкт-Петербургское телеграфное агентство и первая русская революция. — Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2010, т. 16, № 19(20), с. 145.
22. Там же, с. 147.
23. Там же.
24. Там же, с. 150.
25. Там же.
26. Там же.
27. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ), ф. 147. Среднеазиатский стол, оп. 485, д. 1118, л. 13.
28. Там же.
29. Там же.
30. Там же.
31. Там же.
32. Там же.
33. Там же, с. 14.
34. Там же, с. 13.
35. Там же, с. 14.
36. Там же, л. 4—10.
37. Там же.
38. Там же, д. 932, л. 23—25, 51.
39. ВИТТЕ С.Ю. Ук. соч., с. 384.
40. Там же.
41. ЛАМЗДОРФ В.Н. Ук. соч., с. 320.
42. Там же.
43. Там же, с. 321.

К вопросу о происхождении казачества

Н.И. НИКИТИН

Аннотация. Статья посвящена дискуссионной проблеме происхождения казачества. Автор считает, что для ее решения необходимо прийти к единому мнению относительно того, кого можно считать «первыми казаками», и установить их генетическую связь с казачеством России более позднего времени. Предлагается собственная методика решения этого вопроса. В отличие от ряда исследователей автор не считает возможным рассматривать в качестве предков казаков те этно-социальные группы, которые сформировались в южнорусских степях в XII—XIV вв. и, по некоторым признакам, походили на позднейшее казачество. По мнению автора, как социальный институт и этно-культурная общность казачество сложилось не ранее конца XV — начала XVI в. из выходцев с русских и украинских земель, самовольно поселившихся в труднодоступных районах восточноевропейских степей и ассимилировавших обосновавшихся там несколько ранее, после распада Золотой Орды беглецов и изгнанников из татарских родо-племенных объединений.

Ключевые слова: казаки, предшественники, предки, критерии определения, полиэтничность, образ жизни, социальная организация.

Abstract. The article is devoted to a discussion of the problem of the origin of the Cossacks. The author believes that for its solution it is necessary to come to a consensus about who can be considered «the first Cossacks», and to establish their genetic relationship with the Cossacks of Russia later time. He offers his methods of addressing this issue and, from that, unlike some researchers, it is not possible to consider as ancestors of the Cossacks, those ethno-social groups that were formed in the South Russian steppes in the XII—XIV centuries and, in some respects, resembled later the Cossacks. According to the author, as a social institution and ethno-cultural community of Cossacks was formed not earlier than the end of XV — beginning of XVI century from the descendants of the Russian and Ukrainian lands, illegally settled in remote areas of the East European steppes and assimilating settled there somewhat earlier after the collapse of the Golden Horde of fugitives and exiles from the Tatar tribal associations.

Key words: cossacks, predecessors, ancestors, criteria, ethnicity, lifestyle, social organization.

Споры о происхождении казачества не утихают уже два столетия. Вопрос этот называют и сложным, и слабоизученным, но правильное

Никитин Николай Иванович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН. E-mail: nikitin.46@mail.ru.

Nikitin Nikolay I. — candidate of historical sciences, leading researcher of the Institute of Russian History RAS. E-mail: nikitin.46@mail.ru.

было бы назвать его запутанным. Запутанным либо умышленно — в результате его политизации в первой четверти минувшего и в начале нынешнего столетия, либо невольно — главным образом, из-за царящей в нашей историографии неразберихи в терминах и понятиях. «Определимся в терминах, и половина человеческих споров исчезнет» — эти слова Рене Декарта все чаще вспоминаются историками как раз в связи с историей казачества ¹.

О казачестве нельзя говорить «вообще» — вне временных и пространственных рамок. Оно всегда было типологически сложным явлением, включающим в себя этно-социальные группы, различные как по положению, так и по происхождению, что уже не раз отмечалось исследователями ². И дело здесь не только в том, что, с одной стороны, существовали казачьи «войска», созданные в XVIII—XIX вв. искусственно, по инициативе и под руководством правительства и целиком подчиненные ему, а с другой — «войска», гораздо раньше сформировавшиеся самостоятельно как вольные сообщества. Кроме того, в XVI—XVII вв., наряду с «вольными» казаками, «гулявшими» в «Поле», существовали казаки служилые (городовые), входившие в состав гарнизонов окраинных областей Русского государства на правах стрельцов и пушкарей и поначалу, скорее всего, «прибиравшиеся» из казаков вольных. Более всего проблему осложняет то, что понятия «казак», «казаки», «казачество» практически сразу же после своего возникновения стали восприниматься и толковаться по-разному.

Как убедительно доказано филологами, слово «казак» — тюркское, корень которого («каз») восходит к значениям «скитаться», «бродить», «кочевать». В русских источниках оно появилось в самом конце XIV — начале XV в. и обозначало довольно широкий и постепенно все расширявшийся круг понятий, из которых наиболее распространенным, основным поначалу было следующее: изгой, бездомный бродяга, неимущий скиталец. (Примечательно, что «казакком», кочующим «на поле с немногими людьми», русские власти называли даже хана Кучума после разгрома его «царства» Ермаком ³). Но вскоре на Руси стало преобладать другое значение слова «казак»: вольный человек, удалец, промышляющий разбоем и военным делом. В то же время на русском севере «казаками» называли вольнонаемных работников, не имевших собственного хозяйства; у ногайцев — людей, уходивших на заработки на чужбину; у осетин и балкарцев — пленников-рабов; а в татарских ханствах, возникших на развалинах Золотой Орды, «казаки» — это просто низший разряд воинов, стража, легковооруженная конница ⁴. Кроме того, в XVI в. в степях за Уралом сложился народ «казаки». Это предки нынешних казахов, в названии которых последнее «к» заменили на «х» (видимо, для отличия от русских казаков) лишь в конце 30-х гг. прошлого века (а в XVIII—XIX вв. называли «киргиз-кайсаками»), но в русских источниках XVI—XVII вв. народ этот фигурировал именно как «казаки», и применительно именно к ним бытовало выражение «Казакская (или Казачья) орда» ⁵.

Учитывая все эти обстоятельства, мы приходим к однозначному выводу: если в старинных документах и летописях встречается слово «казаки», то само по себе это не может означать, что речь обязательно идет о предках современного казачества. Вместе с тем, следует иметь в виду, что представители казачества могли в источниках каза-

ками и не называться. Так, в русских документах начала XVI столетия самовольный уход на Дон, то есть в казаки, назывался уходом «в молодечество», ибо синонимом слова «казак» на Руси, по крайней мере, до середины XVII в. было слово «молодец»⁶. Следовательно, терминология в определении предшественников и предков казачества — не главное.

Так каким же путем в этих поисках идти? И какие точки зрения на предысторию казачества существуют на сегодняшний день?

Их много, но все они делятся на две основные группы: научные (с разной степенью обоснованности), выдвигаемые профессиональными историками, специально занимавшимися ранней историей казачества, и абсолютно ненаучные, принадлежащие дилетантам и людям, далеким от исторической науки.

Причем «степень некомпетентности» и у дилетантов бывает разной. Из них, пожалуй, все «рекорды» по части абсурдности построенной побил географ по образованию, кумыкский литератор Мурад Аджиев (Аджи), который с начала 1990-х гг. стремится доказать в своих публикациях, что современные казаки — это всего лишь половцы (кипчаки), насильственно («по законам колониальной генетики») русифицированные «царизмом» в XVIII—XIX веках⁷. Как заметил журналист Валерий Каджая, у М. Аджиева, «что ни абзац — то или вопиющая ложь, или вопиющая безграмотность»⁸, но, тем не менее, опусы Аджи продолжают выходить с завидной регулярностью, оказывая заметное влияние на околонуучную историографию.

Надо заметить, что сочинения дилетантов пользуются наибольшей популярностью у нынешнего казачества. Свежий тому пример — публикация Тамары Литвиненко в журнале «Казаки», издаваемом активистами казачьего возрождения⁹. В поисках «прародины казачества» Литвиненко забралась в XVIII—XVII тысячелетия до н.э., по сути дела отождествив с «первыми казаками» все индоевропейские племена и народы, жившие тогда, по ее мнению, в «южноуралосибирской лесостепи» и занимавшиеся кочевым скотоводством. «Казаками» у Литвиненко стали и арии, пришедшие на современную территорию Ирана и Индии «с Урала» во II тысячелетии до н.э., и киммерийцы, обитавшие в Северном Причерноморье в XVIII—XVII вв. до н.э., и среднеазиатские саки с причерноморскими скифами («казаки I-го тысячелетия до н.э.»)... А система доказательств столь смелой «концепции» базируется на лингвистических изысках, из коих, в частности, следует, что слово «казак» восходит к индоевропейскому «кос(коз)», означающему «конь», и переводится как «хозяин коня». Почему значение этого слова так радикально изменилось к XIV в. н.э., остается в таком случае загадкой, никак Литвиненко не разъясненной.

Русское слово «слобода» Литвиненко производит из «село-бад», где «бад» по-ирански — поселение, городище. Между тем, и историкам, и филологам давно и хорошо известна его подлинная этимология, производная от слова «свобода» (произносившегося в старину как «слобода»), ибо первоначально на Руси слободами называли поселения, освобожденные (получившие «ослабу», послабление) от налогов (характерный пример из XVII в. — Слободская Украина). Слово «кокарда» Литвиненко выводит из «хох» и «орда» и «переводит на русский» как «верховный в орде», хотя хорошо известно, что оно

заимствовано из французского языка без влияния каких бы то ни было «орд». Слово «станица» Литвиненко понимает лишь в его позднем (современном) значении и возводит к иранскому «стано», а тот факт, что в XVI—XVII вв. «станицами» у казаков назывались не селения, а отряды, ей, наверно, неизвестно.

Трудно объяснить, почему рядом с изображениями таких «представителей казачества», как киммериец, сак и скифы, Литвиненко помещает некоего «уссурийского казака 17 в.», и это притом, что Уссури стала российской рекой (по правобережью) лишь в 1860 г., а Уссурийское казачье войско было создано в 1889 году.

При всей кажущейся оригинальности, «концепция» Литвиненко не нова: она находится в одном ряду с построениями казачьих «автономистов» и «сепаратистов» первой четверти XX в. — И.Ф. Быкадорова, П.К. Харламова, Е.П. Савельева и др. Они, правда, не мыслили столь масштабно и «прародину казачества» территориально существенно ограничивали.

Согласно их воззрениям, в древности якобы существовал особый казачий народ, который проживал в Подонье-Приазовье и Северном Причерноморье, и нынешние казаки — его далекие потомки. Строится эта «концепция» на отвергнутом наукой еще в XIX в. методе «символической этимологии», на выискивании в исторических источниках и географических картах этнонимов и топонимов, хоть как-то созвучных слову «казаки»: азы, ясы, казы, касоги, саки, кас-саки, козары (хазары), черкасы, Азов, Каспий, Кавказ, Казбек и т.д.

У авторов подобных изысканий ныне немало адептов, которых, видимо, не смущает то обстоятельство, что, во-первых, этнонимы и топонимы с «каз», «кас», «кос» (и тем более с «аз», «ас», «ос») можно без особого труда отыскать и в тех регионах мира, которые никак с казачьей родословной не свяжешь, — вплоть до Америки с Африкой (река Казан на севере Канады, река Касаи в Западной Африке, Кас-сала — провинция в Восточной Африке и т.д.). А во-вторых, даже если предположить, что народ «казаки» и обитал когда-то в Причерноморье и на Кавказе, его генетическую связь с нынешними казаками надо еще проследить и доказать. Ведь в истории нередко бывает, что одно и то же имя с течением времени переходит с одного народа на другой. Например, хорошо известно, что этноним «римляне» («ромей», «романы») перешел на греков — жителей Византии — и на даков — предков основного населения Румынии, а также является самоназванием цыган («рома»). А немцев, живших в Пруссии, называли «пруссакими», хотя с народом, давшим название этому государству (а до 1945 г. — одной из земель Германии) они имели совершенно разное происхождение.

Убедительных доказательств генетической связи с казаками, конечно же, не приводится и при таком подходе к проблеме, когда, не углубляясь в этимологию, в казачьи предки записывают все племена и народы, проживавшие с незапамятных времен на Дону, Днепре, Волге, на Яике (Урале), Тереке и в смежных с ними областях: скифов, сарматов, готов, гуннов, авар, хазар и т.д. — вплоть до древних славян¹⁰. В этом случае ранняя история казачества по сути дела подменяется историей тех регионов, где впоследствии возникли старейшие из казачьих войск России. Методическая несостоятельность

этого подхода тоже предельно ясна. Его можно уподобить попытке определить место и время возникновения такого города, как Москва, отталкиваясь от обнаруженных на ее территории памятников каменного, бронзового или раннего железного века, свидетельствующих, что и в столь давние времена она была заселена. Но ведь мы знаем, что лишь построенная в первой половине XII в. на Боровицком холме крепость может считаться историческим ядром Москвы — тем поселением, из которого выросла наша нынешняя столица.

По тому же принципу должен решаться и вопрос о времени и месте возникновения казачества. Иначе говоря, надо выяснить, когда и кто из представителей множества обитавших и сменявших друг друга в южнорусских степях племен и народов стал первоосновой казачества России.

Для этого предлагаю, прежде всего, определиться с тем, что признается практически всеми «казаковедами» или во всяком случае не вызывает у них принципиальных разногласий. Это тот факт, что предки современного казачества вышли из общин вольных казаков, которые обитали в XVI—XVII вв. на Дону с притоками, на Днепре ниже порогов, на Яике (Урале) и Тереке. Остается «всего лишь» выяснить происхождение самих этих вольных казачьих общин.

Сделать это можно только одним способом: найти те группы населения южнорусских степей, которые бы независимо от своего названия строились на принципах и порядках, принятых у несомненных предков казачества — членов вольных казачьих общин XVI—XVII веков. То есть нам надо узнать, у кого и когда сложилась и приобрела устойчивый характер та форма социальной организации, которую можно назвать «институтом казачества», и проследить, имела ли она преемственную связь с казачьими общинами XVI—XVII веков.

Характерные, то есть присущие вольным казачьим сообществам особенности социальной организации, хорошо известны. Они фиксируются в исторических источниках, начиная с конца XVI в., и в своей совокупности таковы: 1) социальное равенство членов сообщества (даже в 1638 г. казаки заявляли Москве, что «лучших де людей у них на Дону нет, все они меж себя ровны»¹¹); 2) так называемая казачья демократия, предполагающая решение всех важных вопросов на общих сходах, и выборность снизу доверху исполнительной власти; 3) «разнородовой» характер сообществ, то есть объединение в них лиц, которые в большинстве своем не являлись родственниками (казачьи объединения не были кровнородственными общинами); 4) специфический характер занятий членов сообщества, которые, в соответствии с терминологией XVI—XVII вв., назывались «воинским промыслом». Последний признак особенно важен, но исследователи ранней истории казачества порой упоминают о нем вскользь, через запятую с «рыбной ловлей» и «охотой», забыв подчеркнуть, что казачьи общины — это, прежде всего, и, главным образом, объединения воинов, и что основной источник существования вольным казакам в XVI—XVII вв. давала военная добыча. Это факт, твердо установленный еще дореволюционными исследователями¹² и никем с тех пор не опровергнутый.

В своей же совокупности признаки, отличающие казачьи общины от прочих, приводят к однозначному выводу, что казачество было

явлением не столько этническим, сколько социальным. И взглянув под этим углом зрения на все известные науке этнополитические образования, когда-либо формировавшиеся в южнорусских степях, мы увидим, что и до XVI—XVII вв. там не раз появлялись группы населения, сходные с вольными казачьими общинами XVI—XVII веков.

Первыми в ряду претендентов на место родоначальников казачества многими весьма уважаемыми историками уже давно выдвигаются так называемые бродники и (их разновидность) берладники — сообщества беглецов и изгоев («выгонцев») преимущественно из южнорусских земель, обосновавшиеся в XII в. в Нижнем Подунавье и промышлявшие, главным образом, пиратством, военными набегами и военным наемничеством¹³. Это, видимо, действительно, исторические предшественники казачества, но признать их его непосредственными предками, как это делают некоторые исследователи¹⁴, мешает явное отсутствие преемственной связи между бродниками и казаками XVI—XVII веков. Монгольские завоеватели не терпели в своем тылу никакой «партизанщины», с 1230-х гг. они прочно и надолго утвердились в южнорусских степях и держали их население под столь жестким давлением и контролем, что о каких-либо вольных самоуправляемых общинах на подвластной монголо-татарам территории долгое время не могло быть и речи. Это очень убедительно показано многими исследователями¹⁵, так что, если бродников и можно рассматривать в контексте истории казачества, то лишь как «тупиковую ветвь» на его «родословном древе».

То же самое можно сказать и о некоторых специфических группах тюркского населения лесостепной полосы — например о «черных клобуках», расселяемых русскими князьями вдоль юго-восточных границ своих владений в XII веке. По мнению С.А. Плетнёвой, известного специалиста по истории кочевого мира средневековой Евразии, у этого конгломерата тюркских родов и племен «начал складываться быт, характерный впоследствии для казачества»¹⁶. Речь, правда, здесь может идти о сходстве с бытом скорее служилых, чем вольных казаков, да и социальная организация «черных клобуков» с ее феодальной иерархией была далека от военно-демократических порядков вольных казачьих общин. Но как бы то ни было, попав под власть монголов, черные клобуки быстро растворились в общей массе населения Золотой Орды¹⁷. Стало быть, допуская возможность формирования протоказачьих структур в южнорусских степях в домонгольский период, мы вынуждены будем констатировать, что процесс этот был резко прерван и надолго остановлен монголо-татарским завоеванием.

Среди исследователей происхождения казачества можно, правда, встретить и тех, кто придерживается других взглядов на этносоциальные процессы в южнорусских степях во второй половине XIII—XV веке. Так, ростовский журналист, писатель и активист казачьего возрождения В.И. Вареник, убежденный в том, что казаки — это, в основном, потомки славян, осевших на Дону еще в VIII—IX вв., утверждает, что славянское население могло там сохраниться и до XVI в., умело маскируясь и скрываясь от монголо-татар в труднодоступных пойменных местах¹⁸. Однако он не может привести убедительных подтверждений своей гипотезы, и система ее доказательств так и ос-

талась на уровне голословных утверждений, явных натяжек и не подкрепленных данными надежных источников допущений.

Еще более умозрительный характер носит концепция эмигрантского историка-любителя А.А.Гордеева. Он полагал, что хотя казачество и имеет «древние корни», но окончательно оно сформировалось только в середине XIII—XIV в., главным образом, из тех «данников крови», которых монголы брали с Руси и расселяли у себя в качестве пограничной стражи. Ни одного опирающегося на исторические источники подтверждения своей концепции Гордеев не привел да, видимо, и не стремился привести ¹⁹.

Впрочем, попытки так или иначе связать институт казачества с монгольским влиянием предпринимались и в серьезной литературе — через этимологию слова «казак». Некоторые исследователи (П. Бутков, Д. Коков) механически складывали его из монгольских слов «ко» («латы», «броня») и «закичи» («сторож»). Научная несостоятельность такого подхода уже давно доказана учеными ²⁰, не говоря уже о том, что «казаками» у монголо-татар называли легковооруженных воинов, которым броня и латы не полагались.

В исторической литературе в качестве первоначального ядра казачества иногда фигурируют и так называемые червленоярцы — православное (как русское, так и татарское) население хоперско-донского междуречья (Червленого яра) XIV в., находившееся в непосредственном подчинении и управлении Золотой Орды и обладавшее в ее рамках некоторой «автономией». Известный питерский историк А.А.Шенников положение червленоярцев в Золотой Орде сравнил с тем, «какое впоследствии донские казаки заняли в Московском государстве», рассматривая, правда, свою точку зрения лишь как «рабочую гипотезу» ²¹. Но и в таком качестве она, как показал не менее известный историк и археолог М.В.Цыбин, оказалась весьма уязвимой ²². Социальная организация червленоярцев (в частности, наличие «бояр»), характер их занятий (заготовка сена, снабжение золотоордынцев изделиями ремесленного производства и т.п.) не соответствует представлениям о вольном казачестве XVI—XVII веков. Судьба потомков червленоярцев не ясна, но их преемственная связь с позднейшим казачеством тоже не подтверждается ни археологическими раскопками, ни данными письменных источников: за XV в. сведения о Червленом яре в них попросту отсутствуют.

Вместе с тем, исторические источники позволяют именно в XV в. обнаружить на просторах «Дикого поля» отдельные группы, которые в самом деле можно считать «протоказачьи». Как следует из капитальных работ целого ряда отечественных и зарубежных историков, исследовавших сообщения русских летописей, польских хроник, материалы московско-турецкой и московско-крымской переписки, ногайские дела, документы итальянских колоний Северного Причерноморья и другие источники XV—XVI вв., протоказачьи объединения создавали выходцы из различных татарских орд, вступивших в связи с распадом Золотой Орды и деградацией ее государственности в полосу острого социально-политического кризиса и междоусобных войн ²³.

Весьма красноречивую запись о первых казаках оставил под 1469 г. один из польских хронистов: «...множество татар, собранных из беглецов, грабителей и изгоев, которых они на своем языке называют

козаками... вторглись... на землю Польского королевства»²⁴. Лишенные своих кочевий, татарские казаки основным своим занятием избрали войну и занимались то грабительскими набегами на соседей и разбоем, то военным наемничеством, а места своего более или менее постоянного пребывания в «Диком поле» в конце концов нашли в труднодоступных приречных районах, являвшихся буферными зонами между государственными и этнополитическими образованиями, возникшими на развалинах Золотой Орды. Там протоказаки основывали свои базы — небольшие укрепленные «городки» — и объединялись в военизированные общины.

Военно-демократический (казачий) характер самоуправления, возможно, сложился в них не сразу, но к нему имелись предпосылки в патриархальном укладе низового звена кочевых татарских сообществ, и именно к нему как самой оптимальной в тех условиях форме социальной организации толкала протоказак полная опасностей жизнь в «Поле», исключавшая саму возможность социальной розни в их рядах. Если поначалу протоказачьи объединения еще могли возглавлять представители татарской родоплеменной верхушки, то по мере перемешивания в этих общинах представителей разных племен и родов, татарскую знать неизбежно должны были сменить выборные атаманы и есаулы, и то, что название этих должностей имеет татарское происхождение (как и большая часть специфически казачьей терминологии), само по себе показательно.

К востоку от Урала тогда происходили сходные процессы, но их развитие пошло по другому сценарию. В ходе кризиса и деградации золотоордынской государственности в положении изгоев оказались довольно влиятельные представители феодальной верхушки («султаны»). Их исход со своих земель не привел к маргинализации ушедших с ними скотоводов-кочевников, и они сохранили традиционный для степняков хозяйственный уклад. В итоге были созданы новые государственные образования («орды»), где из беглецов и изгоев сформировалась и новая народность — казахи²⁵.

А в формировании российского казачества следующий и самый важный этап обозначился уже в XVI в. и был связан с массовым уходом «в молодечество» на степные реки русских и украинцев. На Руси в это время тоже возросла политическая, экономическая и социальная напряженность и, в частности, как считает волгоградский историк О.И. Тюменцев, произошел глубокий кризис вотчинной и поместной систем, который привел к обнищанию и исходу в «Поле» множества служилых людей — дворян, детей боярских, их военных слуг («боевых холопов»), стрельцов и пушкарей. Они и стали первыми русскими казаками. Позднее ряды казачества стали быстро пополняться всякого рода «гулящими», «работными», посадскими людьми и, наконец, беглыми крестьянами — теми, кто предпочел подневольной жизни в стране «буйную волю» за ее пределами. (Нынешним казакам обычно не нравится, когда в числе их предков упоминают «мужиков-лапотников», но крестьянское происхождение многих казаков XVII в. — это тоже достоверный факт, подтверждаемый вполне надежными источниками²⁶).

Население Руси было гораздо многочисленнее тюркского населения Европы и поэтому в течение XVI в. возобладало среди казаков.

Этот процесс хорошо виден по тому, как среди упоминаний в источниках о казаках возрастает число русских прозвищ и имен, как казаки все чаще сами указывают на свое русское происхождение, и итог этой «русификации» к началу XVII в. констатируется сторонними наблюдателями. Так, голландский купец И. Масса, живший в 1601—1609 гг. в Москве, знавший русский язык и хорошо осведомленный о русских делах, оставил такую запись: «Казаки — люди различных племен... но по большей части — москвиты и говорят по большей части по-московски»²⁷.

В пестрой казачьей среде порою оказывались и представители феодальной знати России и Украины, и в первое время они могли играть там ведущую роль (как это было, например, в середине XVI в. в Запорожье, где князь Дмитрий Вишневецкий построил собственную крепость на Хортице), но так продолжалось недолго: вскоре они либо покидали казачьи общины (что и сделал Д. Вишневецкий), либо подчинялись казачьим порядкам, не предусматривавшим повышения социального статуса за знатное происхождение²⁸.

Приток русского населения укрепил военно-демократический характер социальной организации вольного казачества, ибо принес с собой традиции и формы «мирского» самоуправления, которые, как показывают последние исследования, были вплоть до конца XVII в. весьма живучи и действенны на Руси не только среди сельского, но и городского населения, в том числе служилых людей²⁹. Кроме того, вместе с выходцами из русских и украинских земель в казачьи общины пришло огнестрельное оружие, а также искусство судостроения и судовождения, мало знакомое кочевникам. Это резко повысило военно-технический потенциал казачества, эффективность его военных «промыслов» и возможность оказывать сопротивление попыткам уничтожения или подчинения. Благоприятной для ранних казачьих сообществ была в XV—XVI вв. и международная обстановка. Они имели широкие возможности для использования в своих интересах противоречий между окружавшими их государствами и не случайно обосновались в районах столкновения политических амбиций своих соседей³⁰.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что столь уникальная этносоциокультурная общность, как вольное казачество, сложилась в конце XV — начале XVI в. в результате взаимодействия целого ряда факторов географического, этнополитического и социального характера и далее развивалась уже по собственным, внутренним законам, превратившись в конце концов из вольного в служилое.

Появление казачества на исторической арене, конечно же, не было случайным. Возникновение на лесостепных и степных окраинах Восточной Европы социальных групп, подобных казачеству, было рано или поздно неизбежным. К этому населявшие ее народы шли не одно столетие, периодически выделяя из своей среды наиболее «пассионарные», наиболее свободолюбивые и энергичные группы людей, создавшие, соответственно, и наиболее подходящий к полной опасностей жизни в «Поле» тип социальной организации — казачью общину, а затем и «войско».

Сообщества казачьего типа издревле были полиэтничны, но нельзя не видеть, что они приобрели устойчивый характер и возможности

успешного развития лишь тогда, когда в процесс их формирования активно включились и стали в них численно преобладать русские люди. Русские казаки довольно быстро ассимилировали казаков татарских, в то же время многое заимствовав из их языка, быта, обычаев, навыков ведения боевых действий, многое переняв потом и от других, контактировавших с ними народов (в том числе — кавказских) и в итоге создали свою яркую и самобытную культуру, ставшую неотъемлемой частью общерусской культуры и существенно ее обогатившую.

Примечания

1. См., например: МАРКЕДОНОВ С. Заколдованное слово. — Родина. 2004, № 5, с. 22.
2. Там же, с. 22—24.
3. Этот отмеченный еще в дореволюционной литературе факт в наши дни получил новую трактовку в исследованиях В.В. Трепавлова, называющего «казаками» не только Кучума, но и его потомков («кучумовичей»), длительное время продолжавших в Сибири борьбу против русских. См.: КАРАУЛОВ М.А. Терское казачество. М. 2007, с. 8—9; ТРЕПАВЛОВ В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М. 2012, с. 10—12.
4. РАДЛОВ В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 2. СПб. 1899, ч. 1, с. 364; КАРАУЛОВ М.А. Ук. соч., с. 6—11; БЛАГОВА Г.Ф. Исторические взаимоотношения слов *казак* и *казах*. В кн.: Этнонимы. М. 1970, с. 143—148.
5. История Казахской ССР. Т. 1. Алма-Ата. 1957, с. 139—140; БЛАГОВА Г.Ф. Ук. соч., с. 149—156; Центральная Азия в составе Российской империи. М. 2008, с. 21—22.
6. СОКОЛОВСКИЙ П.А. Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных степей перед крепостным правом. СПб. 1878, с. 220; ТХОРЖЕВСКИЙ С. Донское войско в первой половине семнадцатого века. — Русское прошлое. Сб. 3, 1923, с. 16; РОЗНЕР И.Г. Антифеодальные государственные образования в России и на Украине в XVI—XVIII вв. — Вопросы истории. 1970, № 8, с. 50.
7. АДЖИЕВ М. «Любо, терцы!» — Вокруг света. 1992, № 4—5; ЕГО ЖЕ. Мы — из рода половецкого. [Рыбинск]. 1992, с. 50—52.
8. КАДЖАЯ В. Еще раз о национальных мародерах. — Независимая газета. 09.08.97.
9. ЛИТВИНЕНКО Т. Где прародина казачества? — Казаки. 2011, № 6, с. 34—39.
10. См., например: АЛМАЗОВ Б.А. Мы казачьего рода. Кн. 1. Хельсинки. 2008, с. 36—47; ШАМБАРОВ В.Е. Казачество: путь воинов Христовых. М. 2009, с. 7—16.
11. ТХОРЖЕВСКИЙ С. Ук. соч., с. 18.
12. Там же, с. 13.
13. АВЕРИН И.А. Бродники: миф и реальность. — Казаки России. М. 1993, с. 41—53; ПЕРХАВКО В.Б. Князь Иван Берладник на Нижнем Дунае. В кн.: Восточная Европа в древности и средневековье. Политическая структура Древнерусского государства. М. 1996, с. 70—75; ПЕРХАВКО В.Б., ПЧЕЛОВ Е.В., СУХАРЕВ Ю.В. Князья и княгини Русской земли. М. 2002, с. 159—164; ПЕРХАВКО В.Б., СУХАРЕВ Ю.В. Воители Руси IX—XIII вв. М. 2006, с. 181.
14. Казачий Дон. Очерки истории. Ростов-на-Дону. 1995, ч. 1, с. 12—13.
15. См., например, ЕГОРОВ В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М. 1985, с. 201; ШЕННИКОВ А.А. Червлёный яр. Л. 1987, с. 20, 126; ПЛЕТНЁВА С.А. Половцы. М. 1990, с. 176—179.
16. ПЛЕТНЁВА С.А. Ук. соч., с. 83.
17. ГОЛУБОВСКИЙ П.В. Печенеги, торки и половцы. Русь и степь до нашествия татар. М. 2011, с. 119—121; ПЛЕТНЁВА С.А. Ук. соч., с. 87; ТРЕПАВЛОВ В.В. Кочевники южнорусских степей. — Преподавание истории в школе. 2007, № 3, с. 43.
18. ВАРЕНИК В.И. Происхождение донского казачества. Ростов-на-Дону. 1996, с. 152—207.

19. ГОРДЕЕВ А.А. История казаков. Ч. 1. Золотая Орда и зарождение казачества. М. 1992.
20. Как отметила Г.Ф. Благова, «такое соположение семантически не связуемых основ не подтверждается фактами монгольских языков — ни их лексикой и семантикой, ни действующими правилами в области синтаксиса словосочетания». БЛАГОВА Г.Ф. Ук. соч., с. 143.
21. ШЕННИКОВ А.А. Ук. соч., с. 20, 126.
22. ЦЫБИН М.В. Рецензия на книгу «Червлёный яр» А.А. Шенникова. — История СССР. 1990, № 2, с. 194.
23. STOKL G. Die Entstehung des Kosakentums in Russland. Wiesbaden, 1956; ГОЛОБУЦКИЙ В.А. Возникновение казачества (рецензия на книгу Гюнтера Штёкля). — Вопросы истории. 1957, № 2; ШЕННИКОВ А.А. Ук. соч., с. 59—61; ТРЕПАВЛОВ В.В. Большая Орда — Тахт эли. Тула. 2010, с. 24—27.
24. Цит. по: ТРЕПАВЛОВ В.В. Большая Орда..., с. 26.
25. ВЯТКИН М. Очерки по истории Казахской ССР. Т. 1. [Л.]. 1941, с. 77—78; История Казахской ССР, т. 1, с. 139—140; БЛАГОВА Г.Ф. Ук. соч., с. 149—150.
26. КОТОШИХИН Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб. 1906, с. 135; ПАВЛЕНКО Н.И. К вопросу о роли донского казачества в крестьянских войнах. В кн.: Социально-экономическое развитие России (Сб. статей к 100-летию со дня рождения ак. Н.М. Дружинина). М. 1986, с. 72—74; ТЮМЕНЦЕВ И.О. Смутное время в России начала XVII столетия: движение Лжедмитрия II. М. 2008, с. 189; КУЦ О.Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637—1667). СПб. 2009, с. 98—101, 105.
27. МАССА И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М. 1937, с. 77.
28. ПЛАТОНОВ С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб. 1910, с. 96; СКРЫННИКОВ Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск. 1986, с. 117; СТАНИСЛАВСКИЙ А.Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М. 1990, с. 7—8; ХОРОШКЕВИЧ А.Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV — конец XVI вв. М. 2001, с. 307—313.
29. АЛЕКСАНДРОВ В.А., ПОКРОВСКИЙ Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск. 1991.
30. Казачий Дон. Очерки истории, ч. 1, с. 40.

Восприятие древнеегипетской цивилизации участниками Восточной экспедиции Бонапарта 1798—1801 гг.

Е.А. Прусская

Аннотация. В статье рассматривается взгляд участников Восточной экспедиции Бонапарта, как ученых, так и солдат, на культуру и памятники Древнего Египта. Их восприятие древнеегипетской цивилизации было двояким: с одной стороны, она вызвала восхищение, с другой — в древнем обществе страны пирамид французы находили те же черты деспотизма и рабского сознания, что и в современном им Египте, то есть они экстраполировали свои представления о современном им Египте на Древний. Отказывая в преемственности знаний предков жителям Османского Египта и обвиняя их в пренебрежении древностями страны, французы высказывали идеи о перемещении памятников Древнего Египта в Европу.

Ключевые слова: Египетский поход, экспедиция Бонапарта в Египет, Древний Египет, образ «Другого».

Abstract. The article is dedicated to the attitude of the participants of Bonaparte's expedition to Egypt, both scientists and soldiers, towards the culture and monuments of Ancient Egypt. French perception of the ancient Egyptian civilization was twofold: on the one hand, the French admired it, on the other — in the society of Ancient Egypt they saw the same features of despotism and slavery, which they found in Egypt of their times. Thus, the French extrapolated their representations of the Orient on the society of Ancient Egypt. Accusing the inhabitants of Ottoman Egypt of neglecting the country's antiquities, the French expressed ideas of moving some of the ancient Egyptian artifacts to Europe.

Key words: French Expedition to Egypt, Ancient Egypt, image of the Other.

Восточная экспедиция Бонапарта (1798—1801) привлекла пристальное внимание европейских держав не только к сложившейся политической ситуации в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, но и к его прошлому — прежде всего, древнеегипетской цивилизации. В 1798 г. в Египте высадились французские войска под предводительством молодого генерала в сопровождении целого корпуса ученых, одной из задач которых было тщательное изучение и зарисовка памятников Древнего Египта. Главным научным итогом экспедиции Прусская Евгения Александровна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, доцент кафедры Исторического регионоведения ГАУГН. E-mail: dir@gh.ru.

Prusskaya Evgeniya A. — Dr. research fellow in the Institute of World History (Russian Academy of Sciences), associate professor in the State Academic University for the Humanities. E-mail: dir@gh.ru.

стало многотомное «Описание Египта», богатое иллюстративным материалом. В этом издании, над которым ученые трудились много лет, были подробным образом описаны и изображены древности страны. Во время пребывания на Африканском континенте французские исследователи тщательно зарисовывали конструкции египетских сооружений, иероглифические надписи на них, барельефы, покрывавшие древние монументы. Открытие Розеттского камня ¹ уже тогда было высоко оценено учеными, предполагавшими, что именно он может стать ключом к пониманию иероглифов, как это впоследствии и произошло. Значение Египетской экспедиции для рождения науки египтологии трудно переоценить, однако какой представлялась в Европе египетская цивилизация еще до дешифровки ее письменности?

Памятники цивилизации долины Нила привлекали внимание европейцев еще со времен античности. Именно тогда там побывал «отец истории» Геродот, оставивший первое описание Египта, его общества, религии и истории. Другие знаменитые историки древности, посетившие Египет, — Диодор, Плутарх, Тацит — также записали свои впечатления о стране и ее древности. Однако все эти авторы застали Египет уже во времена эллинизма и владычества римских императоров. Соответственно, их знания об истории страны опирались во многом на то, что они сами видели или слышали от местных жителей, а эти сведения уже тогда нередко были полуполюгендарными. Тем не менее, для европейцев последующих эпох вплоть до дешифровки иероглифов и археологических открытий в долине Нила XIX в. сочинения античных авторов были основными источниками знаний о древнем Египте.

В Средние века и Новое время вплоть до XVII—XVIII вв. посещение Египта европейцами не носило массового характера. В Египет направлялись в основном паломники к святым местам, и их путешествия ограничивались лишь посещением Каира, Александрии и Синай. Зачастую их описания Египта содержали фантастические детали, ведь тогда для европейцев это был еще далекий и загадочный регион ².

В XVII в. все больше европейцев стали отправляться в Египет уже по торговым делам. Отдельные путешественники тогда посетили Верхний Египет, однако подробного описания его памятников, в частности храмов Луксора и Карнака, тогда еще не существовало. В XVIII в., в эпоху Просвещения, количество путешественников на Восток сильно выросло, и многие из них отправлялись в Египет с целью его изучения. Было опубликовано несколько обстоятельных описаний страны, и к концу XVIII в. Египет уже не являлся для европейцев terra incognita, его основные достопримечательности были описаны, и образ Египта приобрел в умах европейцев достаточно четкие рациональные очертания ³.

Таким образом, французский экспедиционный корпус (по крайней мере, образованная его часть), высадившийся в Египте, имел некоторое представление о древней цивилизации на берегах Нила. Более того, сам Бонапарт, еще находясь на борту корабля «Orient», в воззвании к солдатам, говоря о цели их путешествия, обратился к теме древности: «Первый город, который мы завоюем — тот, что построен Александром. Мы на каждом шагу будем сталкиваться с великими воспоминаниями, которые достойны того, чтобы за них сражаться» ⁴.

Участники экспедиции, безусловно, понимали, что прибыли в страну с богатым прошлым. Руины античных городов и памятники древнего Египта окружали их повсеместно, поэтому в большинстве писем и дневников солдат и ученых они упоминаются. Разумеется, в источниках личного происхождения исследователей, входивших в состав Комиссии по наукам и искусствам, образованной еще перед началом экспедиции, эта информация была более полной. Так, инженеры П. Жоллуа и Э. Вийер дю Терраж, художник В. Денон подробно описывали памятники, увиденные ими в разных городах Египта ⁵. Тщательно фиксировал все детали памятников в своих путевых заметках минеролог П. Кордые ⁶. Представители военных и вспомогательных служб тоже проявляли интерес к предметам старины: шеф бригады артиллерии Ж. Гробер ⁷, руководитель мастерской по изготовлению обмундирования для армии Востока Ф.-М.-Н. Бернуае ⁸ также уделяли внимание описанию древностей Египта.

Повествуя о наследии древнеегипетской цивилизации, участники экспедиции отмечали поразивший их контраст между древним Египтом, овеянным славой, описанным античными авторами, и современным, изумившим их запустением и бедностью. Как отмечал Бернуае, хотя современные египтяне и выросли на той же почве, что и их предки, тем не менее, они не то, что не могут что-либо создать сами, но даже разрушают полезные изобретения предков ⁹. А все это происходит, по его мнению, из-за рабского положения населения и деспотизма правительства.

Особенно ярко почувствовали французы это различие между древним и современным в Александрии, городе, который они первым увидели и который был известен им как знаменитая столица древности. Некто Пистр в письме родственнику сообщал: «Я не знаю как выразить, мой дорогой друг, то изумление, которое мы испытали при входе в этот город, столь прославленный, в котором не осталось ни малейшего великолепия и в котором находятся только следы некоторых древних памятников» ¹⁰. В письме родителям некто Буае, повествуя о невзрачности Александрии и невежестве ее жителей, восклицал: «И рядом с этой нищетой и мерзостью находятся остатки наиболее знаменитого города античности, наиболее драгоценные памятники искусства» ¹¹. По его словам, от древней Александрии в городе осталось лишь ее имя. Это мнение разделял и артиллерийский генерал Ж.-П. Догеро, отмечавший, что только груда руин сохранилась от древней Александрии, современный же город представлял собой, по его словам, жалкое зрелище ¹². Кордые писал об «ужасной картине разрушения», представшей взору французов в Александрии, печальном состоянии страны, «когда-то такой красивой и процветающей, которая не сохранила никаких достоинств, кроме своей репутации, благодаря которой всегда привлекала путешественников, жадных до знаний» ¹³. Он же писал, что французы «не могли не испытать грусти, когда думали, что эта несчастная страна когда-то была обителью наслаждений, где искусства и науки процветали среди многочисленного населения» ¹⁴. Подобный контраст отмечался французами по всему Египту.

Участники экспедиции с разной степенью подробности изображали достопримечательности Александрии: колонну Помпея ¹⁵, обе-

лиск («Игла Клеопатры»), бани Клеопатры и т.д. Однако в их описаниях чувствовалось сожаление, что увидеть знаменитый город, не раз воспетый античными историками, им не удалось. Как писал архитектор Ш.-Д. Норри, «мы искали Александрию Александра, построенную архитектором Дейнократом; искали тот город, где были рождены и выросли столь великие люди, ту библиотеку, где Птолемеи собрали сокровищницу человеческих знаний... мы не нашли ничего, кроме руин, варварства, унижения и бедности». Архитектор отмечал, что многие руины древнеегипетских памятников служат в современной Александрии материалом для других сооружений. Увидев в одной из мечетей прекрасный саркофаг, покрытый иероглифами, Норри подчеркнул, что, без сомнения, этот артефакт французы возьмут с собой для музея в Париже ¹⁶. Такие же мысли высказывал и Денон, в том числе и об «игле Клеопатры» ¹⁷, ведь, как отмечали многие участники экспедиции, запустение древних памятников было допущено «турками» ¹⁸.

В действительности, подобное восприятие французами древностей Александрии и отношение к ним вполне объясняются тем пониманием истории, которое сформировалось в эпоху Просвещения. Как отмечает французский историк Анри Лоранс, именно тогда в Европе сложилась следующая схема интерпретации арабской истории: на Востоке всегда господствовал деспотизм, что предопределено самой сутью ислама; если завоеватели-арабы, придя в Восточное Средиземноморье, смогли освоить научное наследие древних греков, обогатить его и поделиться им с Западом, то правление турок-османов деспотично и негативно во всех отношениях; европейцы должны принести свой рационализм на Восток и таким образом вернуть науку на ее родину ¹⁹. Эта концепция, по мнению историка, служила орудием борьбы против османов и ислама, обосновывая необходимость европейской экспансии на Восток.

В те же годы, полагает исследователь, возник и исторический миф века Разума о том, что европейцы являются наследниками знаний древних египтян как наиболее развитой цивилизации древности. Этот миф не только послужил идеологическим обоснованием вторжения Бонапарта в Египте, но и продолжает влиять на восприятие Востока европейцами вплоть до наших дней ²⁰. В свете подобной интерпретации восточной истории европейцами того времени неудивительны выводы участников экспедиции Бонапарта относительно необходимости перемещения памятников древнего Египта в Европу и их обвинения «турок» в пренебрежении древностью.

После долгого и утомительного пути до Каира 21 июля 1798 г. французы столкнулись в решающем сражении с мамлюками ²¹ у местечка Эмбаба на подступах к Каиру. Это сражение получило название «битвы у Пирамид». Перед боем Бонапарт обратился к армии, вновь поднимая тему древности: «Только подумайте, с высоты этих монументов сорок веков смотрят на нас» ²². В сражении завоеватели одержали решающую победу и затем взяли Каир, где занялись обустройством своей жизни, в том числе научной. В августе 1798 г. был основан знаменитый Институт Египта, целью которого было изучение Египта и распространение просвещения в стране. Однако до самих пирамид Гизы участники экспедиции добрались только осенью 1798 года. Первая группа, отправившаяся на плато 24 сентября 1798 г., состояла

из нескольких ученых во главе с самим Бонапартом ²³, причем эта экскурсия держалась в секрете, чтобы не вызвать слишком большого ажиотажа. Посещение пирамид было небезопасным предприятием из-за возможных стычек с местным населением, поэтому туда отправлялись с сопровождением ²⁴. Однако в течение всего периода французской оккупации Египта посещение пирамид пользовалось неизменной популярностью. Минеролог Кордые с сожалением замечал, что походы к пирамидам всегда сопровождались таким вниманием, что трудно было насладиться теми размышлениями, на которые эти памятники наводят. По его словам, подобное удовольствие доступно лишь немногим, и толпа не может этого понять ²⁵. Как видно из дневников капитана Ш. Франсуа и полковника Ф. Виго-Руссильона, простые солдаты старались оставить автографы на пирамидах, как снаружи, так и внутри ²⁶.

Многие участники экспедиции упоминали о пирамидах в своих записях. Так, Денон, одним из первых посетивший знаменитые сооружения древности, писал, что он был счастлив видеть «памятники, эпоха и цель сооружения которых теряются во мгле веков; моя душа была взволнована великим видом этих великих сооружений; я с сожалением наблюдал, как ночь опускает свой покров на картину, столь внушительную для глаз и для воображения». Художник восторгался грандиозными постройками Гизы, отмечая, что люди, их соорудившие, пытались «соперничать с природой в безграничности и вечности, и им это удалось, ведь горы, которые соседствуют с этими памятниками в своем дерзновении, ниже и не так хорошо сохранились» ²⁷. Однако, несмотря на восхищение пирамидами, Денон отмечал, что они построены деспотами-правителями и их послушными подданными ²⁸.

Та же идея встречается во многих других описаниях пирамид. Так, по словам Бернуае, эти огромные глыбы, не скрепленные цементом, стоят многие века на своем месте, вызывая изумление и восхищение. Однако, по его словам, «при их виде воображение приходит в состояние растерянности: оно с трудом воспринимает существование людей достаточно глупых, тщеславных и могучих, чтобы создать сооружения столь огромные и дорогостоящие, которые, однако, не имеют никакой общественной пользы. В возведении этих громадных конструкций разум не может увидеть ничего, кроме сумасбродства горделивых тиранов» ²⁹.

Таким образом, французы переносили свои представления о современном обществе Египта на его древнюю историю. Османский Египет им представлялся страной правящих тиранов и послушных рабов, а сама идея восточного деспотизма в век Просвещения базировалась во многом на сочинениях европейцев о Востоке ³⁰. Прибыв в Египет в составе экспедиции Бонапарта, французы находили черты тирании, рабства и сопровождающего их невежества и варварства буквально везде, и, в том числе, в пирамидах. Например, Ж. Гробер, оставивший подробное исследование пирамид Гизы, называл их «дикувинными памятниками невежества и гордости», отказывал пирамидам в красоте и величии, находя в них только необъятность, слезы строителей, «покорность и усталость поработенной нации» ³¹, считал, что египтяне проклинали царей, соорудивших две великие пирами-

ды Гизы ³², и идеализировал строителя наименьшей пирамиды плато Микерина, полагая, что тот «старался справедливостью и умеренностью предать забвению тиранию своих отца и дяди» ³³. Гробер в своих рассуждениях об истории древнего Египта и в оценке построенных пирамиды царей опирался на рассказы античных историков (прежде всего Геродота и Диодора), которые изображали Хеопса и Хефрена в негативном свете, но в то же время его мнение об этих памятниках древности как о символах тирании вполне отражают взгляды того времени на восточное общество, где, как считалось, царят деспотизм и рабство.

Минеролога Кордье, который много внимания уделял описанию пирамид, очевидно, задевало такое отношение к древним монументам: «Большинство видевших пирамиды французов не обнаружили в них ничего, кроме безвкусных глыб, состоящих из нагроможденных друг на друга камней; другие, признавая мастерство, которое было необходимо для их строительства, называли их памятниками тирании и страданий. Но знают ли они, что не существует в мире ни одного великого памятника, которые невозможно не связать с одним из трех великих бедствий человечества: честолюбием, суеверием и тиранией? И если где-то и когда-то существовало исключение, так это в Египте, где царь, как и простые люди, подчинялся закону, который даровал благо погребения или отказывал в таковом, без чего, считали они, нельзя обрести счастья после смерти; сей благотворный институт — следствие еще более благотворного убеждения» ³⁴. Как предполагал ученый, только «цари, принцы и большие вельможи могли возводить пирамиды, чтобы наблюдать... после смерти за людьми, коими они правили при жизни» ³⁵. Более того, по мнению Кордье, если бы древние египтяне не испытывали такого почтения к мертвым и не возводили бы такие огромные постройки, потомкам никогда бы не удалось найти древний Мемфис ³⁶. Как видно, ученый уважал культуру древних египтян, осознавая ее уникальность. Тем не менее, в духе философии того времени Кордье полагал, что деспотизм и рабское сознание характерны для общества Древнего Египта так же, как и для современного ему. Описывая население Дельты, он восклицал: «Кажется, это все те же [люди], что жили здесь 4 тысячи лет назад. Те же люди, кто работал над возведением пирамид, кто питался хлебом, луком и сыром, невежественные, как и тогда, смиренные, подчиненные привычному рабству, почитающие домашних животных, без которых не могут выжить, и знающие из религии Магомета только ежедневные ритуалы, как ранее знали только ритуалы культа Исиды» ³⁷.

Участники экспедиции писали не только о пирамидах Гизы, но и о других пирамидах (Саккары, Мейдума и т.д.), описывали Сфинкса, отмечая, что его тело засыпано песком ³⁸, а нос отбит ³⁹.

Однако ученые не находились все время в Каире, они исследовали Дельту, помогали военным, участвовали в Сирийской кампании и изучали Верхний Египет. Первым из ученых, посетивших долину Нила, стал Денон. Его путешествие было прелюдией к методическому и тщательному изучению Верхнего Египта, которое началось весной 1799 и продолжалось до ноября того же года ⁴⁰. Группа ученых — членов Комиссии по наукам и искусствам и Института Египта —

работала в верховьях Нила, изучая все стороны жизни этого региона и, конечно же, древние сооружения.

У Денона, Жоллуа ⁴¹ и Вийера дю Терража встречаются разные по степени подробности описания достопримечательностей Верхнего Египта. Величественные памятники той местности произвели большое впечатление на участников экспедиции. Жоллуа подчеркивал, что египтяне обладали глубокими знаниями: «При виде многочисленных колоссов, расположенных по обеим сторонам реки [Нила], нельзя не испытать чувство восхищения. Даже одного такого монумента, если бы его возвел какой-либо из современных народов, оказалось бы достаточно, чтобы прославить в потомстве то царствование, в которое это произошло бы. Потребовалось бы существенно усовершенствовать имеющиеся сегодня механизмы, ибо трудно себе представить, как при современном уровне наших знаний можно выполнить такие грандиозные работы, даже если и будет на то желание» ⁴². Он отмечал, что архитектуре древних египтян были присущи грандиозность и величественность. Особенно большое впечатление на инженера произвел храм в Дендере ⁴³, поскольку, по его словам, посетив все достопримечательности Верхнего Египта и вернувшись в Дендеру, он снова поразился «совершенству» этого храма. Вийер дю Терраж также отмечал впечатляющую архитектуру Дендерских построек, которая не похожа ни на греческую, ни на европейскую, и подчеркивал, что даже простые солдаты сворачивали с пути, чтобы подробнее рассмотреть восхитившие их здания ⁴⁴. Архитектор Ш.-Л. Бальзак называл храм Дендеры самым красивым из увиденных, отмечая, что построившие его люди обладали «гением, дерзостью, талантом и терпением» ⁴⁵. Денон с таким же восхищением описывал храм Дендеры, высоко оценивая и постройку, и людей, ее воздвигнувших: «я чувствовал, что на самом деле нахожусь в святилище искусства и наук! Как много эпох представились моему воображению при виде этого храма! Сколько веков понадобилось, чтобы нация-созидатель смогла достигнуть таких результатов, такого совершенства и возвышенности в искусствах!... Какой постоянной мощью, богатством, изобилием и избытком средств должно было обладать правительство, чтобы воздвигнуть такое строение и найти в государстве людей, способных задумать и исполнить его постройку, украсить и дополнить всем тем, что дает пищу для глаз и ума! Никогда еще труд человека не представлялся мне столь древним и великим: на руинах Дендеры египтяне показали мне гигантами» ⁴⁶. По словам художника, один из офицеров армии — Лятурнери — подошел к нему и сказал, что после увиденного в Дендере вся его усталость исчезла и что он навсегда запомнит Египет ⁴⁷.

Памятники Луксора и Каранка — древних Фив античных авторов — также произвели большое впечатление на участников экспедиции, особенно своей масштабностью. Французы считали, что там перед ними предстали и храмы, и дворцы египтян — настолько непривычна им была идея огромных храмовых комплексов ⁴⁸. Денон отмечал, что при виде древних Фив армия остановилась и захлопала в ладоши ⁴⁹. Вийер дю Терраж писал, что по прибытии в Луксор участники похода были поражены и восхищены грандиозностью и величественностью построек, но руины Карнака оказались еще более

впечатляющими⁵⁰. Тем не менее, французы, чей художественный вкус был воспитан на примерах античного и европейского искусства, легче воспринимали и потому считали более соответствующим канонам красоты храм Дендеры. Так, Денон прямо полагал, что постройки Карнака и Луксора относятся, по-видимому, к начальному этапу зарождения искусства в Египте (временам Геродотовского царя Сесостриса, который, по мнению «отца истории», правил раньше Хеопса), когда масштабность и грандиозность превалировали в постройках над совершенством исполнения. По мнению же художника, красота независима от величины, а потому храмы Дендеры, Эсны и Эдфу ценились им выше. Более того, в Карнакских постройках Деонон обнаружил несовершенную технику, «варварские барельефы» и «безвкусные иероглифы», полагая, что изящные и искусно выполненные обелиски были построены в Карнаке позднее⁵¹.

Памятники Верхнего Египта, несмотря на признание того, что их строители обладали глубокими познаниями в науках и точностью в расчетах, тем не менее, также наводили участников экспедиции на мысли о деспотизме в древнеегипетском обществе. Вийер дю Терраж писал о беспечности подданных и деспотизме правительства, воздвигнувшего Карнакские постройки⁵². Денон преувеличивал роль жречества в истории древнего Египта. По его мнению, правители Египта были заложниками могущественных жрецов, которые, в свою очередь, представлялись ему настоящими тиранами, единолично владевшими познаниями в науках и искусствах, а население Египта — покорными рабами⁵³.

Таким образом, восприятие древнеегипетской цивилизации у участников экспедиции было двояким: с одной стороны, ими отмечалась ее уникальность и величественность, обширные знания египтян, с другой — общество Древнего Египта представлялось французам поделенным на тиранов и рабов. Следы цивилизации древних египтян произвели сильное впечатление на завоевателей, однако и в древнем обществе они находили те же черты деспотизма и рабского сознания, что и в современном им Египте. Вообще на страницах писем и дневников участников экспедиции не раз проводятся параллели между образом жизни древних и современных египтян. Тем не менее, древние жители долины Нила представлялись французам более изобретательными и умелыми, чем их бездеятельные наследники, позволившие достижениям предков прийти в запустение⁵⁴.

Вийер дю Терраж приводит историю о том, как во время путешествия по окрестностям Сиута местный проводник в разговоре с французами продемонстрировал кое-какие знания истории Древнего Египта. Инженер полагал, что, скорее всего, «они ему были сообщены европейскими путешественниками»⁵⁵. То есть, по его мнению, никакой преемственности в знаниях между древними египтянами и современными быть не могло, а эта фраза инженера лишь подтверждает то, что именно себя европейцы считали наследниками древних египтян.

По прибытии во Францию на протяжении нескольких десятилетий наряду с десятками мемуаров издавался главный труд ученых Египетского похода — «Описание Египта». В нем нашел отражение образ и современного им Египта, и древнего, причем восприятие

цивилизации Древнего Египта учеными претерпело изменения за это время. Если во время экспедиции французы экстраполировали характеристики деспотизма и рабства с современного Египта на древний, то в «Описании», как показал египтолог Клод Тронкер, Древний Египет, наоборот, идеализировался и изображался как своего рода утопия⁵⁶. Восприятие Древнего Египта изменялось, и его образ в дальнейшем эволюционировал с развитием археологии и египтологии, толчок к появлению которой дала экспедиция Бонапарта в Египет.

Примечания

Статья выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 14-18-01116.

1. Розеттский камень, содержащий надписи на египетском и греческом языках, был обнаружен французами в июле 1799 г. в городе Розетта.
2. Подробнее см.: CARRE J.-M. Voyageurs et écrivains français en Égypte. Cairo. 1932.
3. Ibid., p. 79.
4. BOURRIENNE L.-A. Mémoires de Bourrienne sur Napoléon, le Directoire, le Consulat, l'Empire et la Restauration. Vol. 3. Paris. 1829, p. 78.
5. JOLLOIS J.-B.-P. Journal d'un ingénieur attaché à l'expédition d'Égypte, 1798—1802. Paris. 1904; VILLIERS DU TERRAGE É. de. Journal et souvenirs sur l'expédition d'Égypte. 1798—1801. Paris. 1899; DENON V. Voyages dans la basse et la haute Égypte, pendant les campagnes du général Bonaparte en 1798 et 1799. L. 1817.
6. Archives de l'Académie des sciences. Paris. 1 J 7. Dossier biographique P.-L. Cordier, 12 juin 1798. Я благодарю Патриса Бре (сотрудник Центра Александра Койре Высшей школы социальных наук и Национального музея естественной истории, Париж), который любезно поделился со мной текстом этого архивного источника.
7. GROBERT J.-F.-L. Description des pyramides de Ghizé, de la ville du Kaïre et de ses environs. Paris. 1800.
8. BERNOYER F. Avec Bonaparte en Égypte et en Syrie: 1798—1800. 19 lettres inédites. Paris. 1981.
9. Ibid., p. 47.
10. Copies of original letters from the army of general Bonaparte in Egypt, intercepted by the fleet under the command of admiral Lord Nelson. V. 2. L. 1799, p. 144.
11. Ibid., p. 143.
12. DOGUEREAU J.-P. Journal de l'expédition d'Égypte. Paris. 1997, p. 12.
13. Archives de l'Académie des sciences. Paris. 1 J 7. Dossier biographique P.-L. Cordier, 12 juin 1798, p. 3—4.
14. Ibid., p. 8—9.
15. Колонна Помпея — одна из достопримечательностей Александрии — была возведена в конце III в. римским императором Диоклетианом. Ошибочно названа «колонной Помпея» крестоносцами. Гире указывает на эту ошибку в названии, хотя также ошибается, считая, что колонна возведена императором Марком Аврелием. Copies of original letters... , v. 2, p. 54. О том же пишет Вийер дю Терраж. См.: VILLIERS DU TERRAGE E. de. Op. cit., p. 44.
16. NORRY CH. Op. cit., p. 33, 35.
17. DENON V. Op. cit., p. 33.
18. В то время термин «турки» являлся синонимом слова «мусульмане».
19. LAURENS H. Les origines intellectuelles de l'expédition d'Égypte: l'orientalisme islamisant en France, 1698—1798. Istanbul-Paris. 1987, p. 191.
20. LAURENS H. Orientales I. Autour de l'expédition d'Égypte. Paris. 2004, p. 37.
21. Мамлюки (от араб. «находящийся во владении») — белые невольники, специально подготовленные для военной службы. В XVIII в. реальная власть в османском Египте принадлежала мамлюкам, которые фактически сформировали параллельные официальным структуры управления.

22. DENON V. Op. cit., p. 41.
23. LAISSUS Y. L'Égypte, une aventure savante: avec Bonaparte, Kléber, Menou, 1798—1801. Paris. 1998, p. 204.
24. JOLLOIS J.-B.-P. Op. cit., p. 76; DENON V. Op. cit., p. 93.
25. Archives de l'Académie des sciences. Paris. 1 J 7. Dossier biographique P.-L. Cordier, 12 juin 1798, p. 67—68.
26. VIGO-ROUSSILLON F. Journal de campagne: 1793—1837. Paris. 1981, p. 89—90; Journal du capitaine François (dit le Dromadaire d'Égypte), 1792—1830. Paris. 2003, p. 245.
27. DENON V. Op. cit., p. 91—92, 97.
28. Ibid., p. 96.
29. BERNOYER F. Op. cit., p. 84.
30. LAURENS H. Orientales I. Autour de l'expédition d'Égypte..., p. 74.
31. GROBERT J.-F.-L. Op. cit., p. 5, 46.
32. Ibid., p. 36.
33. Ibid., p. 97.
34. Archives de l'Académie des sciences. Paris. 1 J 7. Dossier biographique P.-L. Cordier, 12 juin 1798, p. 68—69.
35. Ibid., p. 85.
36. Ibid., p. 56.
37. Ibid., p. 32.
38. JOLLOIS J.-B.-P. Op. cit., p. 62; NORRY CH. Op. cit., p. 43—44.
39. JOLLOIS J.-B.-P. Op. cit., p. 62.
40. LAISSUS Y. Op. cit., p. 277.
41. В указанном выше издании дневника П. Жоллуа также опубликованы заметки и выдержки из дневников других участников экспедиции в Верхний Египет с описанием увиденных памятников (Ж.Б. Фурье, Э.-Ф. Жомара, Ш.-Л. Бальзака и других).
42. JOLLOIS J.-B.-P. Op. cit., p. 116.
43. Дендера — город в Верхнем Египте, в древности был центром почитания культа богини Хатхор. Храм Хатхор с великолепно сохранившимся зодиаком относится к Птолемеевой эпохе.
44. VILLIERS DU TERRAGE E. de. Op. cit., p. 131
45. JOLLOIS J.-B.-P. Op. cit., p. 228.
46. DENON V. Op. cit., p. 179—180.
47. Ibid., p. 184.
48. Храмовые комплексы Карнака и Луксора включают в себя постройки различных эпох в истории Египта (в основном, от Нового царства до греко-римского периода) и культовые сооружения, посвященные различным древнеегипетским богествам, в частности, Амону.
49. DENON V. Op. cit., p. 186.
50. VILLIERS DU TERRAGE E. de. Op. cit., p. 203—204.
51. DENON V. Op. cit., p. 257—258.
52. VILLIERS DU TERRAGE E. de. Op. cit., p. 205.
53. DENON V. Op. cit., p. 232—233.
54. Эта мысль встречается очень часто в сочинениях участников экспедиции. Тем не менее, Виван Денон при описании храма Эдфу, который местные жители застроили домами, восклицал: «Имеем ли мы право находить смешным то, что невежественные люди сооружают свои жалкие постройки и не боятся заслонить красоты, на которых они никогда не останавливают свой взгляд, когда у нас самих амфитеатр Нима загражден лачугами?». DENON V. Op. cit., p. 197.
55. VILLIERS DU TERRAGE E. de. Op. cit., p. 108.
56. TRAUNECKER C. Visiones utopistes et réalité archéologique dans l'Ancienne Égypte de la Description. L'expédition d'Égypte, une enterprise des Lumières. 1798—1801. Actes de colloque 8—10 juin 1998. Paris. 1999, p. 187—203.

Попытки Германии вовлечь Швецию в Тройственный союз и общественное мнение России в 1912—1914 гг.

Б.С. Котов

Аннотация. В статье анализируется отношение русского общественного мнения к попыткам Германии включить Швецию в Тройственный союз, а также к росту русофобских и прогерманских настроений в этой скандинавской стране в преддверии первой мировой войны. На основе изучения газет разной политической ориентации автор приходит к выводу, что в 1912—1914 гг. российская общественность рассматривала Швецию как вероятного союзника Германии, призывая правительство серьезно готовиться к отражению ее нападения в случае войны России с австро-германским блоком.

Ключевые слова: Германия, Швеция, шведский нейтралитет, Тройственный союз, русское общественное мнение, пресса, канун первой мировой войны, русофобия, «русская угроза», Свен Хедин.

Abstract. This article analyzes the attitude of Russian public opinion to the attempts of Germany to include Sweden in the Triple Alliance, and also growing Pro-German and Russophobic sentiments in this Scandinavian country on the eve of the First world war. Based on the study of newspapers of various political orientations, the author comes to the conclusion that in 1912—1914 the Russian society considered Sweden as a possible ally of Germany, calling on the government to prepare for a military confrontation with the Northern neighbor in case of war between Russia and the Austro-German block.

Key words: Germany, Sweden, Swedish neutrality, the Triple Alliance, the Russian public opinion, the press, the eve of the First world war, Russophobia, «the Russian threat», Sven Hedin.

Наметившийся к 1914 г. отход Италии и Румынии от австро-германского блока заставил немецких политиков и военных искать компенсацию, которой можно было бы заменить вооруженные силы этих двух стран в том случае, если бы Рим и Бухарест решили сохранить нейтралитет в европейской войне. В качестве возможного союзника в Берлине рассматривали Швецию, надеясь вовлечь ее в антирусскую комбинацию финляндской приманкой — обещанием вернуть под скипетр шведского короля Великое княжество Финляндское в случае

Котов Борис Сергеевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. E-mail: 095history@mail.ru.

Kotov Boris S. — candidate of historical sciences, researcher at the Institute of General History RAS. E-mail: 095history@mail.ru.

победы над Российской империей. В последние годы перед первой мировой войной немецкие попытки поставить крест на шведском нейтралитете и привлечь эту скандинавскую страну к военному сотрудничеству с Тройственным союзом значительно активизировались. Этому способствовал целый ряд факторов.

Во-первых, шведский нейтралитет, в отличие от швейцарского и бельгийского, не был закреплён ни в одном международном документе и не имел международно-правовых гарантий. Шведское правительство провозгласило политику нейтралитета в связи с конкретным европейским вооружённым конфликтом¹. 21 декабря 1912 г. на фоне резкого обострения международной ситуации во время Первой Балканской войны Швеция, Дания и Норвегия выступили с совместной декларацией, в которой заявили о приверженности одинаковым правилам нейтралитета и готовности изменить эти правила лишь по предварительному согласованию друг с другом. Сложившись как устойчивый внешнеполитический курс, шведский нейтралитет однако не мог считаться постоянным и гарантированным. «Поэтому, — подчёркивает российский специалист по истории Швеции И.Н. Новикова, — вопрос о том, какую позицию займет Стокгольм в Первую мировую войну, отнюдь не являлся предметом праздного любопытства для противоборствующих военно-политических блоков»².

Во-вторых, в начале XX в. неприязненное отношение шведов к своему огромному восточному соседу, сохранявшееся, несмотря на то, что между двумя странами уже целый век не было вооружённых столкновений, усилилось благодаря действиям российских властей в Финляндии³. Политика русификации и ограничения прав финляндцев (среди которых 13,5% составляли этнические шведы⁴) негативно воспринималась в соседней Швеции. Шведское дворянство и буржуазия традиционно занимали господствующие позиции в Финляндии, а потому русификация этого края напрямую затрагивала их привилегированное положение. На фоне деятельности в Великом княжестве генерал-губернаторов Н.И. Бобрíkова и Ф.А. Зейна, стремившихся максимально урезать автономию Финляндии, антироссийские настроения все сильнее распространялись в шведском обществе. «Шведы заметили, что у них на востоке есть народ-единоверец, имеющий те же исторические корни, что и они», — пишет в фундаментальной монографии, посвященной истории Финляндии в составе Российской империи, финский историк М. Клинге⁵.

Еще одним фактором, который создавал благоприятную обстановку для втягивания Швеции во внешнеполитические авантюры, была потеря шведами Норвегии в 1905 г., что создавало у определенной части шведского общества комплекс маленькой страны, не имеющей веса на международной арене. До 1905 г., когда Бернадоты являлись одновременно королями Швеции и Норвегии, шведы могли воспринимать свою страну если не как великую, то, по крайней мере, как среднюю европейскую державу и безусловного лидера скандинавского региона. Однако после того как норвежцы в одностороннем порядке провозгласили разрыв унии со Стокгольмом, шведам пришлось привыкать к новому статусу своей страны — маленького государства на севере Европы. Для многих, прежде всего для армии и королевского двора, это было непросто. Россия первой среди всех

стран мира признала независимую Норвегию и установила с ней дипломатические отношения ⁶. Это еще больше ухудшило имидж России в глазах шведского общества. Чувства слабости и уязвимости порождали среди шведов преувеличенные страхи в отношении России и одновременно подталкивали к поиску защиты от этой мнимой угрозы.

Мощная Германская империя с ее быстро развивающейся экономикой, высокой культурой и достигшей огромных результатов наукой, многим в Швеции казалась образцом успешного государства и надежной опорой, способной противостоять русскому колоссу. Германофилом был шведский король Оскар II, вступивший на престол через год после образования Германской империи ⁷. При Оскаре II произошла переориентация шведской внешней политики в сторону Германии. Существенной причиной этого было глубокое недоверие короля к России. Русская экспансия в северо-западном направлении казалась ему, как и многим его современникам, вполне естественным стремлением великой восточной державы. Преемник Оскара II Густав V, взошедший на престол в 1907 г., продолжил внешнеполитическую линию своего отца. Распространению прогерманских настроений при шведском дворе активно способствовала его жена Виктория Баденская, двоюродная сестра кайзера Вильгельма II. Она оказывала большое влияние на слабовольного Густава V. В преддверии первой мировой войны шведский нейтралитет все больше приобретал благоприятный по отношению к Германии характер.

Для немцев Швеция представляла интерес, прежде всего, как потенциальный военный союзник. Немецкий Генеральный штаб рассчитывал, что вторжение шведской армии в Великое княжество Финляндское вызовет в этом регионе сепаратистское восстание, в результате которого возникнет реальная угроза для столицы Российской империи Санкт-Петербурга. Не удивительно, что наибольшую активность в привлечении Швеции к Тройственному союзу проявляли именно немецкие военные. В ноябре 1910 г. начались контакты между начальниками шведского (Кнут Бильдт) и немецкого (Гельмут Мольтке) Генштабов с целью подписания военной конвенции. Шведы занимали гораздо более осторожную позицию по вопросу о заключении военного союза с Германией, понимая всю опасность быть втянутыми в большую европейскую войну. В итоге Бильдт и Мольтке обсудили планы совместных действий против России, однако договор, возлагающий на обе стороны четкие обязательства, так и не был подписан ⁸.

В 1911 г. к власти в Стокгольме пришли либералы во главе с Карлом Стаафом, выступавшие за строгое соблюдение нейтралитета и призывавшие к уменьшению военных расходов. Однако и после этого немецкие попытки втянуть Швецию в антирусский альянс не прекращались. Большую активность в этом направлении проявлял немецкий посланник в Стокгольме Франц Райхенау, целью которого было — ни много, ни мало — вхождение Швеции в состав Германской империи на тех же правах, на которых в империю вступили королевства Бавария, Саксония и Вюртемберг. Несмотря на всю фантастичность этих идей, дипломатическая деятельность Райхенау пользовалась поддержкой кайзера Вильгельма II, увлеченного идеей объединения всех германских народов вокруг трона Гогенцоллернов ⁹.

Немцы стремились максимально использовать тезис о «русской угрозе» для разжигания в Швеции страха перед восточным соседом. Данная задача облегчалась тем, что к началу XX в. в этой скандинавской стране уже сложилась традиция негативного отношения к России и русским, которые представлялись наследственными врагами шведов¹⁰. Накануне первой мировой войны нападки на Россию приобрели в Швеции характер настоящей пропагандистской кампании. В конце января 1912 г. очень большим для Швеции тиражом в несколько сот тысяч экземпляров вышла в свет скандальная, наделавшая много шума брошюра известного путешественника-ориенталиста Свена Хедина «Слово предостережения» («Ett varningsord») ¹¹. В ней утверждалось, что главная цель внешней политики России на протяжении нескольких последних веков — стремление получить выход к морю. После того, как Россия была остановлена японцами, она вынуждена была свернуть экспансию в Тихоокеанском регионе. Для шведов, писал Хедин, это обстоятельство представляет большую опасность, так как отныне взгляды России, якобы, были прикованы в первую очередь к Скандинавии, захват которой мог дать России прямой выход в Атлантический океан.

Русификацию Финляндии Хедин рассматривал как подготовку плацдарма для дальнейшего выступления русских против народов Северной Европы. Следующим шагом, по его мнению, должно было стать вторжение России в Швецию и Норвегию и аннексия если не всей территории этих стран, то, по крайней мере, северной их части. В этой публицистической работе Хедин не призывал открыто к союзу с Германией и Австрией ради отражения экспансии Российской империи, однако все содержание книги подводило читателей к мысли о необходимости для Швеции ради сохранения своего суверенитета присоединиться к Тройственному союзу. Весной 1914 г., за несколько месяцев до начала мировой войны, рекордным для Швеции тиражом в 1 млн экземпляров (при численности населения в 5,5 млн чел.) было опубликовано «Второе предостережение» Свена Хедина, где шведский русофоб призывал соотечественников усиливать шведскую армию и флот, повторяя все те же домыслы о планах России по завоеванию Скандинавии ¹².

Хедину удалось существенно повлиять на общественные настроения в Швеции, усилив атмосферу подозрительности, страха и недоверия по отношению к России. На шведском севере полиция без всяких оснований задерживала русских сезонных рабочих, прибывавших из северо-западных губерний Российской империи на заработки, подозревая их в шпионаже. В двух кампаниях по сбору средств, охвативших всю Швецию, сторонникам усиления обороны удалось собрать и передать правительству 17 млн крон для строительства военных кораблей, призванных защитить шведское побережье от высадки русского десанта. Следует подчеркнуть, что милитаристская агитация возникла не на пустом месте: за ней стояли шведские военные, недовольные недостаточными усилиями правительства Стаафа по укреплению армии, а также шведские консерваторы, стремившиеся взять реванш за поражение 1911 г. и использовавшие вопрос о национальной обороне как козырь в своей игре против либералов. Показательно, что к работе над своей сенсационной брошюрой Хе-

дин приступил не по собственной инициативе, а по просьбе своего знакомого, капитана шведской армии Габриеля Хеденгрена ¹³.

Мифическая угроза с востока активно будировалась в шведском общественном сознании не одним лишь Хедином. В те же предвоенные годы ее пропагандировал один из основателей геополитики Рудольф Челлен, опасавшийся перманентного расширения территории России в западном направлении и издавший в 1913 г. книгу с алармистским названием «Русская опасность» («Den Ryska Faren»). При этом, будучи видным ученым, Челлен пытался придать негативным стереотипам в отношении России некое подобие научной теории ¹⁴. С идеями, высказанными Хедином и Челленом, солидаризировался и шведский историк, специалист по истории Восточной Европы Харальд Йерне. В том же лагере русофобов оказался юрист, историк права Понтус Фальбек, опубликовавший в 1912 г. брошюру о внешней политике скандинавских стран, в которой он призывал соотечественников перед лицом «агрессивной» России усиленно вооружаться и заключить союз с Германией ¹⁵.

В начале 1914 г. кампания за укрепление армии и флота, начатая Хедином и его единомышленниками, привела к внутривластическому кризису в Швеции ¹⁶. 6 февраля был организован так называемый «крестьянский поход»: более 30 тыс. крестьян из разных областей страны, возбужденные антирусской пропагандой, пришли в Стокгольм для того, чтобы потребовать от правительства увеличения финансовых затрат на усиление обороноспособности Швеции перед лицом «русской угрозы». Сам король Густав V обратился к демонстрантам с речью, в которой приветствовал их патриотическое выступление и фактически отказался поддержать политику премьера Стаафа, после чего правительство ушло в отставку. Через неделю новый кабинет министров сформировал консерватор Яльмар Хаммаршёльд, обязавшийся приступить к немедленному усилению армии и флота, что было с удовлетворением встречено в Берлине ¹⁷. События февраля 1914 г. продемонстрировали, как далеко зашла психологическая обработка шведского населения и запугивание его коварными намерениями России.

В действительности же наступательных замыслов в отношении скандинавских стран у государственного руководства Российской империи не было. Напротив, по традиции оно само опасалось шведов. Так, военный агент в Скандинавии капитан П.Л. Ассанович летом 1912 г. докладывал в Главное управление Генерального штаба: «Чувство недоверия и опасения к России, несомненно, исторически глубоко сидит в сердцах шведов и при удобном случае легко может перейти во враждебное» ¹⁸. В стратегических планах российского Генерального штаба в последние годы перед мировой войной Швеция почти всегда рассматривалась как наиболее вероятный союзник австро-германского блока в будущей войне против России. При этом все русские оперативные планы начала XX в. в отношении Северной Европы носили строго оборонительный характер: в Генштабе разрабатывались сценарии отражения десантной операции шведских войск в Финляндии, Прибалтике и даже рядом с Санкт-Петербургом. В записке подполковника Гурко «Краткая характеристика шведской армии» (1913 г.) численность шведского десанта, который может быть отправлен в Финляндию, определялась в 100 тыс. человек. При этом

Гурко писал: «Швеция готовит свои вооруженные силы исключительно против России, приспособляя свои войска для действий в Финляндии»¹⁹.

Рост русофобских настроений в соседней скандинавской стране вызывал тревогу не только среди военных, но и среди широких кругов российского общества. Накануне первой мировой войны нагнетание антирусской истерии в Швеции неоднократно становилось предметом обсуждения на страницах российских газет. Общим местом в публикациях на эту тему было, с одной стороны, стремление раскрыть всю необоснованность шведских страхов, а с другой, показать, кто на самом деле стоит за данной кампанией. В этом вопросе газеты различной политической направленности были едины, обвиняя Германию в разжигании русофобии в Швеции и других скандинавских странах. Указывалось, что даже в том случае, если Швеция останется нейтральной в возможной русско-германской войне, недоверие к Стокгольму, посеянное кампанией Свена Хедина, и опасения возможного выступления Швеции на стороне врагов России вынудят русский Генеральный штаб держать значительные силы в Финляндии и в районе Петербурга, отвлекая их тем самым от главных фронтов.

Первой газетой, обратившей внимание российских читателей на начатую Свенем Хедином алармистскую кампанию, стало «Новое время». Вскоре после выхода первого «Слова предостережения» в этой газете появилась статья одного из ведущих ее сотрудников А.А. Столыпина (брата погибшего незадолго до этого премьера П.А. Столыпина) «420 000 книг клеветы на Россию». Обвинив Хедина в неблагодарности по отношению к России, где знаменитый шведский исследователь неизменно получал существенную поддержку в подготовке и осуществлении своих исследований, автор статьи крайне резко отозвался о его публицистическом опусе. «В количестве 420 тысяч экземпляров он отпечатал и распространяет брошюру, полную самой наглой, самой отвратительной лжи, которую может только придумать малодушие и низость»²⁰.

Столыпин обращал особое внимание на масштаб предпринятой в Швеции кампании: огромный тираж брошюры, распространяемой к тому же бесплатно как приложение к наиболее популярным газетам, означало, что шведы практически поголовно ознакомятся с русофобскими измышлениями своего прославленного соотечественника. В результате «каждый швед без исключения призван дрожать за свое существование, каждый швед теперь призван ненавидеть Россию и бояться ее»²¹.

Спустя несколько месяцев, другой видный публицист «Нового времени» М.О. Меньшиков опубликовал статью «Велика ли у нас армия?», в которой прямо ставил Швецию в один ряд с Германией и Австро-Венгрией в качестве главных врагов России в Европе. Меньшиков писал о будущей войне против Швеции как о неизбежном сценарии. Сообщая, что шведам в случае разгрома России, «как известно, обещан весь наш север до Урала», а потому «Швеция очень деятельно готовится к войне», Меньшиков призывал русское общество не слишком надеяться на благоразумие своего скандинавского соседа. «Как ни глупо было бы со стороны Швеции воевать с Россией, но в историю, однако, занесен целый ряд таких глупостей, и во-

обще войны возникают не от избытка ума, а от избытка страсти»²². Автор статьи указывал, что все мужское население Швеции через гимнастические и стрелковые союзы вовлечено в подготовку к войне и хорошо обучено стрельбе.

Большое беспокойство внушало Меньшикову и поведение финнов, недовольных политикой русификации. Широкая автономия, которой пользовалась Финляндия на протяжении всего XIX в., по словам Меньшикова, привела к тому, что она «из мирной и покоренной окраины превратилась в непримиримо враждебное для нас “государство в государстве”»²³. В случае восстания Финляндия могла бы выставить около 300 тыс. чел., способных носить оружие. Что касается Швеции, то при маленькой армии в мирное время (не более 70 тыс. чел.) она способна в случае войны мобилизовать 350 тыс. солдат и 170 тыс. ополченцев ландштурма. По расчетам Меньшикова, вместе с финляндскими войсками это может составить свыше 800 тыс. человек. Подчеркивая неготовность российских вооруженных сил к отражению агрессии на скандинавском направлении, публицист призывал спешно укреплять войска в районе Санкт-Петербурга и к северу от него, увеличив численность дислоцированных там войск в 2—3 раза.

Начавшийся летом 1912 г. балканский кризис, связанный с восстанием албанских племен и переросший осенью того же года в войну Болгарии, Сербии, Черногории и Греции против Османской империи, оттеснил на периферию общественного внимания все прочие международные события. Материалы с анализом политической ситуации в Скандинавии практически исчезли со страниц российских газет и журналов. Когда в декабре 1912 г. правительства Швеции, Дании и Норвегии выступили с совместной декларацией о намерении сохранить нейтралитет в возможной войне между великими державами, лишь газета «Московские ведомости» посчитала необходимым посвятить данному дипломатическому демаршу скандинавских стран отдельную статью²⁴. По мнению этого издания, странам Северной Европы не хотелось становиться в будущей войне ни на сторону Германии, ни на сторону Великобритании. Отсюда — идея их нейтралитета и тесного союза наподобие Кальмарской унии, существовавшей в XIV—XVI веках.

Как писали «Московские ведомости», в Германии пытаются представить дело так, будто намечающийся скандинавский союз направлен исключительно против России и имеет своей целью охрану Швеции и Норвегии от русских посягательств. Однако если Швеция еще может рассматриваться как вероятный союзник Германии, то Норвегия и Дания не имеют никаких оснований для участия в войне на стороне Тройственного союза. Эти две страны столь тесно связаны с Британией и имеют столь протяженные морские границы, что их участие в антианглийской комбинации было бы для них равносильно самоубийству. Россия, по мнению московской газеты, может только приветствовать создание скандинавского союза на базе нейтралитета. «Непрекращающиеся попытки германской дипломатии пристегнуть Швецию к тройной лиге лучше всего доказывают, откуда может грозить Скандинавии военная опасность, и только заключение союза положит конец этим попыткам»²⁵.

Северная Европа снова привлекла к себе внимание российской прессы в конце 1913 — начале 1914 гг., когда антирусская кампания в Швеции значительно усилилась и привела к правительственному кризису. В ноябре 1913 г. газета «Голос Москвы» писала, что Швецию «охватила какая-то мания страха перед Россией». Этот страх «создал в Швеции настоящую шпиономанию и уже привел к результатам, которые действительно могут испортить добрососедские отношения двух стран»²⁶. В качестве примера газета октябристов приводила историю с российским военным атташе полковником Ассановичем, против которого шведская пресса развязала ожесточенную кампанию, обвиняя его в покупке военных секретов шведского флота. Травля достигла таких размеров, что Ассанович был вынужден на время уехать в Норвегию. По информации газеты, русская миссия в Стокгольме уже заявила, что отъезд полковника временный, и он вскоре вернется к исполнению своих обязанностей.

В марте 1914 г. тот же «Голос Москвы» попытался при помощи логических аргументов показать всю абсурдность подозрений шведов в отношении намерений России в балтийском регионе. В редакционной статье «Шведские страхи» говорилось, что в России сочинения «известного русофоба» Свена Хедина могут вызвать только большое изумление, так как «о захвате Швеции никто у нас не думает по той простой причине, что она не нужна нам»²⁷. Она не представляет интереса для России в экономическом отношении, так же как и в стратегическом, на случай возможной войны с Германией. Для России выгоден шведский нейтралитет, так как в этом случае российскому Генштабу не пришлось бы держать в Великом княжестве Финляндском значительные силы, опасаясь возрождения в Швеции великодержавных фантомов. «И это отлично учитывают в Берлине, где уже в течение десяти лет прилагают все усилия, чтобы вывести Швецию из ее спокойного состояния и, заразив ее шовинизмом, заставить идти на буксире у Германии»²⁸. Статья заканчивалась предупреждением для шведов не слишком увлекаться алармистской пропагандой Хедина. Если Швеция позволит вовлечь себя в войну с Россией, то она, по словам «Голоса Москвы», «сама себе выроет могилу»²⁹.

Зимой 1914 г. газета Конституционно-демократической партии «Речь», рассматривая характер отношений, установившихся между Стокгольмом и Берлином за последнее время, писала, что, хотя союз между двумя странами не заключен и вряд ли в ближайшее время станет реальностью, нельзя преуменьшать опасность для России германо-шведского сближения. «Современный международный порядок знает кроме громоздких союзных договоров еще и другие, гораздо более утонченные формы “координирования” усилий различных государств»³⁰ — утверждала газета, обращая внимание читателей на рост милитаристских настроений не только в Швеции, но и в Норвегии — той скандинавской стране, где до недавнего времени «проповедь вечного нейтралитета раздавалась громче всего»³¹. Анализируя военные приготовления в Скандинавии, «Речь» писала, что эти меры имеют наступательный характер и могут предприниматься только против России.

«Речь» не сомневалась, что «во всем этом видна рука Германии, которая стремится втянуть скандинавские государства в круг своей

политической гегемонии»³². Однако кадетская газета подчеркивала, что правительство России своей политикой само способствует успеху в странах Северной Европы антирусской агитации. Русификация Финляндии и жесткое ограничение ее автономии стали той объективной основой, которая питает страхи и недоверие к России скандинавских народов. Россия, по словам «Речи», мало выиграла от «торжества русского дела в Финляндии», добившись лишь увеличения числа своих врагов в Европе. Газета предупреждала, что до тех пор, пока будет сохраняться вражда между официальным Петербургом и финнами, будет существовать и опасность перерастания взаимного недоверия между Россией и Швецией в открытый конфликт.

Другая влиятельная либеральная газета «Русское слово» считала, что не следует преувеличивать роль Хедина в антирусской кампании. «В действительности участие ученого-политикана в этом походе ограничивается тем, что он, как заядлый искренний и не в меру ретивый представитель “ура-патриотизма”, играет роль своего рода политической кликуши, которая визгами и фанатичными воплями приводит нервных слушателей в состояние экстаза»³³. «Русское слово» подчеркивало, что за спиной Хедина стоят истинные идеологи милитаристской и русофобской агитации, авторитетные лидеры шведского национализма, выступающие за сближение с родственной Германией — профессора Харальд Йерне, Понтус Фальбек, Эрнст Триггер, писатель Вернер фон Гейденштам. При этом газета отмечала, что либеральному правительству Стаафа, опирающемуся на незначительное большинство в парламенте, трудно бороться с сильным движением великошведского национализма, на почве которого родился болезненный страх перед Россией. «За последнее время этот безотчетный панический страх охватил все слои и круги шведского населения, и нервное настроение общества приняло небывалую острую форму»³⁴.

Падение кабинета Стаафа в феврале 1914 г. было с настороженностью воспринято российской прессой, трактовавшей это событие как крупную победу шовинистического лагеря над антимилиаристами. Через два дня после знаменитой крестьянской демонстрации в Стокгольме, вызвавшей отставку либерального правительства, «Новое время» опубликовало редакционную статью, посвященную политическому кризису в соседней стране³⁵. Газета отмечала действенность русофобской пропаганды: Хедину удалось разбудить продолжавший сохраняться в шведском обществе образ русского врага, угрожающего не только Скандинавии, но и всей европейской цивилизации. Это продемонстрировал и крестьянский поход 6 февраля, подтолкнувший новое шведское правительство Хаммаршёльда к усилению вооружений. При этом характер данных вооружений указывает, что единственным потенциальным противником в Стокгольме считают Россию³⁶.

Для «Нового времени» не составляло никакого секрета, кем на самом деле раздувается в Швеции страх перед мнимыми завоевательными устремлениями России. «Здесь, как и всюду, обнаруживается та же самая настойчивая, планомерная, неустанная деятельность “все-германства” (то есть Пангерманского союза. — Б.К.). Оно вооружает против нас Австрию, Румынию, Турцию, Персию. На Дальнем Востоке оно столкнуло нас с желтыми народами. У самых ворот русской

столицы оно возбуждает подозрительность мирного шведского населения»³⁷. «Новое время» считало, что Германия, разжигая страх маленьких европейских государств перед Россией, сама готовится лишить их независимости и подчинить своей власти. Для этого Гогенцоллерны используют, в том числе, лозунги кровного родства «германцев», пропагандируя идею объединения всех народов, «говорящих на саксонских наречиях». Именно в этом, по мнению «Нового времени», заключается источник агитации шведских германфилов типа Свена Хедина.

«Новое время» подчеркивало, что для Германии Швеция представляет интерес, прежде всего, из-за своего выгодного стратегического положения по отношению к России³⁸. Из некоторых шведских портов можно сделать неуязвимые и удобные опорные пункты для германских наступательных действий на Балтике. К тому же шведская армия необходима германскому Генштабу, чтобы компенсировать потерю Румынии, которая в ходе Балканских войн 1912—1913 гг. отошла от Тройственного союза и начала сближаться с Сербией и державами Антанты. Газета обращала внимание, что «как раз с первыми слухами об улучшении русско-румынских отношений совпадает начало бешеной антирусской агитации в Стокгольме»³⁹. Более того, Германия попыталась вовлечь в орбиту своего влияния даже Норвегию, где кампанию за сближение с Тройственным союзом возглавил Сигурд Ибсен, бывший премьер-министр этой страны и сын знаменитого норвежского драматурга и поэта Генрика Ибсена.

На милитаризацию другого скандинавского государства — Дании — указывала черносотенная газета «Русское знамя». При этом подчеркивалось, что военные приготовления Дании, а именно укрепление фортов по проливам Зунду и Бельту, могут быть направлены только против России. Для Германии все эти датские мероприятия не представляют никакой опасности, так как после завершения строительства Кильского канала она не зависит больше от датских проливов и может свободно проводить свои боевые корабли из Балтийского моря в Северное и обратно по своей территории. «Русское знамя» считало, что Дания вынуждена идти на сотрудничество с Берлином, чтобы не подвергнуться прусскому нашествию, не рассчитывая на помощь других держав. «Датчане сознают невозможность сопротивления немецкому натиску и сохраняют свою независимость союзом с немцами»⁴⁰. Что касается Швеции, то она, по мнению «Русского знамени», прочно вступила на воинственный путь, с чем России в дальнейшем придется считаться. Сам король Густав V «давно уже подпал под влияние берлинского двора и мечтает о военном могуществе на море тем сильнее, чем слабее водит он свою страну»⁴¹, — писала эта газета в феврале 1914 года.

Анализ материалов российских газет за 1912—1914 гг. позволяет сделать следующие выводы. Считая маловероятной возможность заключения военного союза между Берлином и Стокгольмом, российская пресса, тем не менее, подчеркивала опасности германо-шведского сближения для России, которой в случае большой европейской войны придется держать на своей северо-западной границе значительные силы для отражения возможного нападения враждебно настроенной Швеции. Российские журналисты отмечали также усиление

ние милитаризма в Норвегии и Дании, приходя к выводу, что принимаемые этими странами военные меры имеют антироссийскую направленность. В целом российская пресса считала весьма эффективной русофобскую пропаганду в Швеции, которая апеллировала к историческим фобиям и комплексам шведской нации. Менее успешной была, по мнению российских изданий, антирусская и прогерманская агитация в Дании и Норвегии. При этом либеральные издания настаивали на изменении политики Петербурга в отношении Финляндии, чтобы успокоить общественное мнение скандинавских стран и восстановить доверие к России на севере Европы.

Накануне первой мировой войны российская общественность рассматривала Швецию как вероятного союзника Германии, призывая правительство серьезно готовиться к отражению ее нападения в случае войны России с австро-германским блоком. Активное выступление на стороне Германской империи Дании и Норвегии считалось гораздо менее вероятным, хотя и не исключалось полностью.

Примечания

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта Российского научного фонда (грант РНФ № 15-18-30087).

1. КАН А.С. Нейтралистские традиции во внешней политике скандинавских государств. — Новая и новейшая история. 1962, № 4, с. 63—79.
2. НОВИКОВА И.Н. «Между молотом и наковальней». Швеция в германо-российском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб. 2006, с. 7.
3. КАН А.С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М. 1999, с. 174—175.
4. Финляндия. В кн.: Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. XXXV (70). СПб. 1902, с. 918.
5. КЛИНГЕ М. Имперская Финляндия. СПб. 2005, с. 527.
6. САДОВА Л.А. Россия и расторжение шведско-норвежской унии в 1905 году. В кн.: Северная Европа. Проблемы истории. М. 2007, с. 115.
7. РОГИНСКИЙ В.В. Династия Бернадотов. В кн.: Монархи Европы. Судьбы династий. М. 1997, с. 249.
8. РУПАСОВ А.И. Германо-шведские контакты о заключении военного союза (1910—1915 гг.). В кн.: Первая мировая война и международные отношения. СПб. 1995, с. 30—40.
9. НОВИКОВА И.Н. Ук. соч., с. 60—64.
10. ЧЕРНЫШЁВА О.В. Шведы и русские. Образ соседа. М. 2004, с. 124—170.
11. Свен Хедин (Гедин) (1865—1952) — выдающийся шведский путешественник-ориенталист, исследователь Центральной Азии. В ходе двух больших экспедиций 1894—1897 и 1899—1902 гг., принесших ему мировую славу, описал и нанес на карту многие неисследованные районы Тибета, Кашмира и Памира. Автор получивших широкую известность в мире книг «В сердце Азии» (1899) и «Тарим—Лобнор—Тибет» (1904). Русофобские выступления Свена Хедина накануне первой мировой войны были тем более странными и неожиданными, что с Россией его связывали долгие годы плодотворного научного сотрудничества. Российские власти в лице министра иностранных дел графа М.Н. Муравьёва, военного министра П.С. Ванновского, начальника Закаспийской области А.Н. Куропаткина содействовали его исследованиям на Памире, в Тибете и Восточном Туркестане. Хедин пользовался личным расположением императора Николая II и неоднократно встречался с ним в Петербурге и Царском Селе. В 1893 г. Российское географическое общество избрало его своим действительным членом, а в 1897 г. присудило ему большую золотую медаль им. П.П. Семёнова-Тян-Шанского. О связях Хедина с Рос-

- сией см.: АНДРЕЕВ А.И. Русские письма из архива Свена Гедина в Стокгольме. — Ариаварта. 1997, № 1, с. 29—34.
12. Подробнее о милитаристской агитации Свена Хедина накануне первой мировой войны см.: Брошюра Свена Гедина «Слово предостережения» и полемика, вызванная ею в Швеции. СПб. 1912; АСЕЛИУС Г. Зеркало «русской угрозы». — Родина. 1997, № 10, с. 108—112; ОДЕЛЬБЕРГ А. Невыдуманные приключения Свена Хедина. М. 2011, с. 214—227; ТАБАРОВСКАЯ К.А. «Слово предостережения» в контексте российско-шведских отношений в 1912 году. В кн.: Северная Европа. Проблемы истории. М. 2007, с. 122—146.
 13. ОДЕЛЬБЕРГ А. Ук. соч., с. 214—215.
 14. НОВИКОВА И.Н. Рудольф Челлен о России. В кн.: Россия в мировом политическом процессе. СПб. 2005, с. 134—138.
 15. Следует отметить, что, хотя агитация шведских русофобов способствовала росту недоверия к России, в шведском обществе было много противников антирусского алармизма, прежде всего среди либералов и социал-демократов. Так, например, выдающийся шведский писатель Август Стриндберг выступил в печати с серией статей против пропаганды милитаризма. В 1912 г. он опубликовал памфлет «Тайный курьер или тайна точильщиков пил», высмеивавший взгляды Свена Хедина.
 16. История Швеции. М. 1974, с. 418—419.
 17. Об откликах в Германии на антирусскую кампанию в Швеции см.: ROPPONEN R. Die russische Gefahr. Das Verhalten der öffentlichen Meinung Deutschlands und Österreich-Ungarns gegenüber der Aussenpolitik Russlands in der Zeit zwischen dem Frieden von Portsmouth und dem Ausbruch des ersten Weltkriegs. Helsinki. 1976, S. 70—81.
 18. Цит. по: СЕРГЕЕВ Е.Ю., УЛУНЯН А.А. Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. 1900—1914. М. 2003, с. 332.
 19. Цит. по: СЕРГЕЕВ Е.Ю. «Иная земля, иное небо...» Запад и военная элита России (1900—1914). М. 2001, с. 155.
 20. 420 000 книг клеветы на Россию. — Новое время. 17.II.1912.
 21. Там же.
 22. Велика ли у нас армия? — Там же. 1.V.1912.
 23. Там же.
 24. Нейтралитет скандинавских государств. — Московские ведомости. 19.XII.1912.
 25. Там же.
 26. Швеция и Россия. — Голос Москвы. 1.XI.1913.
 27. Шведские страхи. — Там же. 14.III.1913.
 28. Там же.
 29. Там же.
 30. Милитаризм в Швеции. — Речь. 30.I.1914.
 31. Вопрос обороны в Скандинавии. — Там же. 27.II.1914.
 32. Зловещие признаки. — Там же. 7.I.1914.
 33. Скандинавия и Россия. — Русское слово. 25.I.1914.
 34. Там же.
 35. Стокгольмская крестьянская манифестация. — Новое время. 26.I.1914.
 36. Шведские лыжники. — Там же. 2.II.1914.
 37. Стокгольмская крестьянская манифестация; см. также: Балтийская промышленная выставка. — Там же. 3.XI.1913.
 38. Россия, Швеция и Норвегия. — Там же. 15.V.1914.
 39. Компенсация Тройственного союза. — Там же. 18.VI.1914.
 40. У соседей. Швеция. — Русское знамя. 24.IV.1914.
 41. Там же. 8.II.1914.

Дело Розенбергов

И.М. Супоницкая

Аннотация. Статья посвящена известному делу супругов Розенбергов, казненных в 1953 г. как шпионов, передавших СССР секрет атомной бомбы. До недавнего времени их считали невинными жертвами маккартизма и антикоммунизма. Однако открытые для исследователей в 1990-е гг. архивные документы показали, что Ю. Розенберг действительно был советским агентом, добывавшим для советской разведки важные материалы по новейшим военным технологиям; но его роль в атомном шпионаже незначительна, он был лишь курьером. Главные фигуры в передаче атомных секретов — физики К.Фукс и Т. Холл.

Ключевые слова: атомный шпионаж, Розенберги, маккартизм, коммунисты, новые архивные материалы, физики.

Abstract. The article is devoted the well-known Rosenberg file. The Rosenbergs were executed in 1953 for passing information about the atomic bomb to the USSR. Until the end of the XX century they were considered as not guilty sacrifices of McCarthyism and anticommunism. But the documents revealed for researchers in the 1990's show that J. Rosenberg was a Soviet agent who delivered to the Soviet intelligence service the important materials of modern military technology. But his role in atomic espionage was insignificant, he was only a courier. The main atomic spies were physics C. Fucks and T. Hall.

Key words: atomic espionage, the Rosenbergs, McCarthyism, communists, new archival documents, physics.

До недавнего времени супругов Этель и Юлиуса Розенбергов признавали жертвами маккартизма и антисемитизма, ложно обвиненными в передаче СССР секретов атомной бомбы. Многие американцы рассматривали их дело как расправу за коммунистические убеждения. В СССР утверждали, что они — «жертвы военной истерии», а их казнь — «гнусное преступление». «Розенберги были заранее обречены на казнь, — писал К. Федин, — с целью создания сверхрекламного процесса мнимого шпионажа с целью неслыханной по масштабу шумихи, задача которой состояла единственно в разжигании воен-

Супоницкая Ирина Марковна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. E-mail: irina.ms@mtu-net.ru.

Suponitskaya Irina M. — doctor of history, leading scientific researcher at the Institute of World History. RAS. E-mail: irina.ms@mtu-net.ru.

ных страстей»¹. Через тридцать лет, в 1983 г., советские академики, выступившие против А.Д. Сахарова, вспомнили о деле Розенбергов, заявив, что власти казнили их, основываясь «на нелепых, гнусных обвинениях. “Улики” сфабриковали секретные службы США», что невинные люди стали «жертвой безжалостного механизма американского “правосудия”»².

На судебном процессе 1951 г. Розенберги отрицали свою вину. Глава ФБР Э. Гувер назвал атомный шпионаж «преступлением века». Два президента, Г. Трумэн и Д. Эйзенхауэр, отказались помиловать Розенбергов, ставших первыми американцами, приговоренными за шпионаж к смертной казни в мирное время. О них сняты фильмы, им посвящены книги, в том числе роман Э. Доктороу «Книга Даниила», экранизированный в 1983 году.

Сыновья Розенбергов не верили, что их отец был шпионом, считая дело фальсифицированным. Историк Э. Фонер сравнил процесс Розенбергов с судом над Сакко и Ванцетти 1920-х гг., заметив, что «он должен служить постоянным свидетельством слабости правосудия»³. В пятидесятилетнюю годовщину казни Розенбергов газета «New York Times» писала: «Дело Розенбергов до сих пор неотступно преследует американскую историю, напоминая нам о несправедливости, которая может произойти, когда нация впадает в состояние истерии»⁴.

Однако рассекреченная в США в 1995 г. советская дипломатическая переписка, которая оказалась донесениями спецслужб 1940-х гг. (расшифрована в 1943—1980 гг. по проекту «Венона»), показала, что коммунист Юлиус Розенберг все-таки являлся советским агентом с кодовыми именами «Антенна» и «Либерал»⁵. Этель, его жена и единомышленница, мать двоих детей, не была завербована по состоянию здоровья. Эта информация подтверждена также документами из архива КГБ, где в 1990-е гг. работал бывший сотрудник спецслужб А. Васильев, опубликовавший две книги в соавторстве с американскими историками. Собранные материалы он передал Библиотеке Конгресса США, выложившей их в Интернет⁶. В 2013 г. в связи с шестидесятилетием казни Васильев выступил в цикле передач на радиостанции «Свобода»⁷. Розенбергу также посвятил значительную часть воспоминаний бывший сотрудник советской резидентуры в Нью-Йорке А. Феклисов, курировавший его в 1944—1946 годах⁸.

Только в 2008 г. дети Розенбергов, усыновленные еврейской семьей (когда казнили родителей, Майклу было 10 лет, Роберту — 6) и получившие другую фамилию, окончательно поверили в то, что их отец был советским шпионом⁹. Это произошло после признания близкого друга Розенберга, 91-летнего Мортон Собелла, дяди Морти, как они его называли, отсидевшего в тюрьме 18 лет.

Этель и Юлиус Розенберги — дети из бедных семей еврейских иммигрантов, покинувших Российскую империю еще при царизме. В Америке, особенно во время депрессии, был силен антисемитизм; престижные вузы негласно ввели квоты на прием евреев. Поэтому после школы Юлиусу, как и многим его сверстникам, пришлось идти в городской колледж Нью-Йорка. Более половины его класса будущих инженеров-электриков увлекалась коммунистическими идеями, в том числе друзья (М. Собелл, Дж. Барр, У. Пёрл)¹⁰. Розенберг стал активистом Лиги коммунистической молодежи, после окончания кол-

леджа женился на Этель Гринглас, члене американского комсомола, разделявшей его взгляды. Оба вступили в компартию.

Розенберга и его товарищей распределили по оборонным предприятиям. Почти всю войну он проработал в Корпусе связи армии США, пока не был уволен как коммунист. После нападения Германии на СССР, желая помочь России, Розенберг искал контакты с советской разведкой. В конце 1941 г. был завербован Яковом Голосом, бежавшим из ссылки в Америку еще до революции, одним из основателей компартии США и советским агентом. Розенберг работал с С. Семёновым, отвечавшим в нью-йоркской резидентуре за научно-техническое направление, а в 1944—1946 гг. — с Феклисовым. «“Либерал” (Розенберг. — И.С.), — говорится в справке об агентурной сети на 1 февраля 1945 г., — человек с высоким уровнем политического развития, преданный нашему делу. Помощь нашей стране рассматривается им главной целью его жизни. Во время войны со всем нашим народом переживал все горести неудач и радости побед»¹¹.

Из друзей по школе и колледжу Розенберг создал группу, передававшую информацию о новейших военных разработках США, — одну из наиболее эффективных в истории промышленного шпионажа. Ее основу составляли дети еврейских иммигрантов из Российской империи, в основном инженеры в области электроники. Точное число членов группы, по мнению Васильева, не установлено, поскольку Юлиус не выдал ни одного человека¹².

Первым в 1942 г. Розенберг привлек на свою сторону приятеля по колледжу Джоэля Барра, который тоже работал в лабораториях Корпуса связи армии США, откуда через два года был уволен за коммунистические взгляды, а затем устроился инженером в «Western Electric Co», занимавшуюся разработкой радарных систем. Область интересов Барра — калькуляторы, предшественники компьютеров. Талантливого инженера ценили, но в 1947 г., во время кампании по проверке лояльности госслужащих, он снова был уволен и уехал в Париж заниматься музыкой.

В шифрограмме от 14 ноября 1944 г. заместитель резидента по научно-технической разведке Л.Р. Квасников (кодовое имя «Антон») сообщал начальнику 1-го управления НКГБ СССР, главе внешней разведки П.М. Фитину (кодовое имя «Виктор»), что «Либерал» завербовал А. Саранта, приятеля Барра; они будут фотографировать материалы и передавать их «Либералу»¹³. Сарант и Барр добыли материалы новейших разработок по радарам, в том числе радарно-компьютерной установке SCR-584, которая определяет скорость и траекторию полета снаряда «Фау-2», за что Центр премировал их 1 тыс. долл., но те отказались от денег, полагая, что советскому народу они нужнее¹⁴.

С декабря 1942 г. с Розенбергом стал сотрудничать его друг, тоже окончивший колледж Нью-Йорка, Уильям Пёрл, авиационный инженер, один из ведущих экспертов Национального консультативного комитета по аэронавтике, участвовавший в разработке первого в США реактивного истребителя. Пёрл был самым ценным агентом КГБ, он передал 98 работ (5 тыс. страниц), получив премию в 500 долларов¹⁵. Член Лиги коммунистической молодежи, Пёрл считал своим долгом помочь России. Он фотографировал материалы и отдавал школьно-

му другу Розенберга Майклу Сидоровичу и его жене Энн — детям российских иммигрантов ¹⁶.

Другой приятель Розенберга по колледжу, инженер Собелл из «General Electric», участвовавший в разработке радиолокаторов, вошел в группу в 1944 году. Его мать была коммунисткой, он вместе с женой Хелен тоже увлекся коммунистическими идеями. Собелл передал КГБ подробное техническое описание, а также инструкции по обращению с радарными системами и системами слежения, 40 научно-исследовательских работ (несколько тысяч страниц), признанные Центром «весьма ценными» ¹⁷.

Перейдя на фирму «Emerson Radio», выпускавшую радиоэлектронную продукцию для военных нужд, Розенберг добывал для СССР новейшие военные разработки в этой области. Однажды Юлиус принес Феклисову в качестве рождественского подарка готовый радиовзрыватель, на который американцы, как пишет Феклисов, затратили 1 млрд долл. и считали важнейшей военной новинкой после атомной бомбы. В 1960 г. с его помощью был сбит самолет-шпион «Локхид У-2» с летчиком Ф. Пауэрсом ¹⁸.

Феклисов вспоминал, что у него с Юлиусом сложились «самые близкие и доверительные отношения». Семёнов, передавая его Феклисову, назвал Розенберга «ценным и перспективным источником». Тот интересовался Советским Союзом, ходил на митинги, где выступали советские люди; слышал Эренбурга; мечтал побывать в СССР, чтобы увидеть своими глазами справедливое общество, которого желал и для Америки. Юлиус был скромным человеком, отказывался обычно от денег, хотя семья жила небогато, в небольшой квартире; он считал, что своей работой вносит вклад в борьбу СССР с фашизмом.

В отчете о командировке в США от 27 февраля 1947 г. Феклисов («Калистрат») хорошо отзывался о деятельности Розенберга: «За время войны лично от “Л-ла” (Либерала — Розенберга. — И.С.) было получено много ценных материалов для нашей отечественной промышленности. Только с марта 1945 года от него были получены подробные комплектные материалы по радарам (AN/APS-2, AN/APS-12, SM, AN/CRT-4, AN/APS-1, AN/APN-12), по аппаратуре для связи на инфракрасных лучах и др. Особо следует отметить переданные нам агентом материалы по взрывной головке типа AN/CPQ-1 и образец самой головки, которые получили наивысшую оценку Совета по радиолокации. Успешная работа “Л-ла” по руководству агентами и по снабжению нас ценными секретными материалами неоднократно отмечалась центром, а он премировался крупными денежными вознаграждениями. “Л-л” безусловно является до конца преданным нам человеком, накопившим за военные годы значительный опыт нелегальной работы» ¹⁹.

Интерес советских спецслужб к Розенбергу вырос, когда его шурин, Дэвид Грингласс, брат Этель, стал работать механиком в лаборатории Джорджа Кистяковского в Лос-Аламосе, где по Манхэттенскому проекту создавалась атомная бомба. Дэвид и его молодая жена Рут, члены Лиги коммунистической молодежи, симпатизировали СССР. В советской шифрограмме нью-йоркской резидентуры центру от 5 декабря 1944 г. приведен отчет Юлиуса Розенберга о вербовке Рут. Когда он поинтересовался, насколько сильны ее коммунистические убеждения, она ответила без колебания, что «социализм для

нее — единственная надежда всего мира, а Советский Союз вызывает у нее глубочайшее восхищение». На его вопрос, готова ли она помочь Советскому Союзу, Рут искренне сказала, что «это было бы для нее честью». Она заверила, что Дэвид думает так же ²⁰. Рут согласилась перевозить материалы от Грингласса. В отчете 1947 г. о командировке в США Феклисов хвалил супругов: «“Калибр” и “Оса” (Д. Грингласс и Рут. — И.С.) молодые, умные, способные и политически развитые люди, сильно верующие в дело коммунизма и полные желания сделать все возможное в их силах, чтобы оказать как можно большую помощь нашей стране. Они несомненно преданные нам люди... Нужно поставить себе целью воспитать из этой молодой четы квалифиц. агентов и хорошо законспирировать их в стране» ²¹.

Розенберг стал курьером, передавая советской разведке полученную от Дэвида через Рут информацию. Правда, сведения Грингласса оценивались невысоко, поскольку он не обладал специальным образованием. «Сержант, — говорилось в справке об агентурной сети на 1 февраля 1945 г., — работает в лагере № 2 (в Лос-Аламосе. — И.С.) в качестве механика. Дает общие сведения о работах в лагере. Но деталей не знает» ²².

Успешное испытание в 1949 г. атомной бомбы в СССР стало неожиданностью для Соединенных Штатов; они предполагали, что это произойдет через несколько лет. Когда обнаружилось, что по своим параметрам бомба похожа на американскую, атомный шпионаж стал очевиден. В феврале 1950 г. в Англии был арестован Фукс, который признался в передаче информации СССР. О нем, как и о Розенберге и Гринглассе, спецслужбы узнали благодаря расшифровке советской дипломатической переписки. Фукс выдал своего курьера Х. Голда, а тот — Дэвида Грингласса. После ареста Голда весной 1950 г. советская разведка предложила Розенбергам и Гринглассам уехать в Мексику. Юлиус передал Гринглассам деньги для переезда (6 тыс. долл.) ²³, но у Рут родился ребенок, и они, как и Розенберги, остались, а когда же все-таки согласились, было поздно. В июне арестовали Дэвида. Чтобы спасти жену (она не была судима), он выдал шурина и сестру как своих вербовщиков. В июле 1950 г. был арестован Юлиус Розенберг, в августе — Этель, так как ФБР надеялось, что она повлияет на мужа и склонит его к сотрудничеству со следствием.

После ареста Грингласса Собелл, не связанный с атомным шпионажем, бежал с семьей в Мексику, но власти выдали его Соединенным Штатам. Советское посольство в Мексике, как объяснил Феклисов, не успели предупредить о внезапном побеге Собелла, поэтому оно не смогло ему помочь. Зато Саранту удалось добраться до Мексики, а оттуда с помощью советских спецслужб переехать в Европу. Тогда же из Парижа исчез его приятель Джоэл Барр; встретившись в Праге, они позднее обосновались в СССР.

В отличие от остальных арестованных, Розенберги и Собелл ни в чем не признались и заявили о своей невиновности в атомном шпионаже. Отказ от сотрудничества решил их судьбу. Суд длился недолго (6—28 марта 1951 г.). Главными свидетелями обвинения Розенбергов были их родственники Гринглассы, которые утверждали, что видели, как Этель печатала материалы, переданные Дэвидом. Только в 2001 г. Дэвид сообщил о своем лжесвидетельстве, чем хотел облегчить при-

говор для себя и избавиться от тюрьмы жену. Журналист С. Робертс, взявший у него интервью и написавший о нем книгу, отметил низкий уровень морали у Грингласса ²⁴.

На суде Розенберги отказались отвечать о своих политических взглядах, сославшись на Пятую поправку к Конституции США — право не свидетельствовать против себя. Юлиус отрицал вербовку Дэвида, назвав его лжецом, но признался, что в разговорах с друзьями говорил об успехах СССР в ликвидации неграмотности, реконструкции хозяйства, о том, что ему принадлежала главная заслуга в борьбе с фашизмом ²⁵.

Адвокат Розенбергов, Э. Блох, известный защитник представителей левого политического крыла и коммунистов, доказывал виновность Д. Грингласса, который нарушил присягу, украв секретные материалы, и свалил вину на сестру, чтобы спасти жену. «Человек, который свидетельствует против сестры, омерзителен. Можно ли верить такому человеку?» — спрашивал Блох. Он назвал Гринглассов корыстными шпионами, получившими от Голда деньги за информацию. Розенберг, по его мнению, был мишенью: его уволили с государственной службы за членство в компартии. Симпатия к Советской России, союзнику Америки в войне, вполне объяснима: таков же взгляд президента Ф. Рузвельта. Но в 1950 г. ситуация в стране изменилась, и эта «позиция стала проклятием» ²⁶. Блох отметил недопустимость судить подзащитных на основании реалий начала 1950-х гг., а не первой половины 1940-х. В заключение речи он заявил о невиновности Розенбергов.

Прокурор И. Сэйпол, который прославился борьбой с коммунистами и победой в 1950 г. в процессе по делу дипломата Э. Хисса, возразил адвокату, что Розенбергов судят не за их коммунистические взгляды, хотя добавил: «Коммунистическая идеология учит преданности Советскому Союзу, а не собственному правительству» ²⁷.

Перед вынесением приговора Розенбергам судья Кауфман заявил, что считает их «преступление хуже, чем убийство», так как в результате кражи секретов атомной бомбы СССР получил ее значительно раньше, чем ожидалось, поэтому развязал войну в Корее, где погибло 50 тыс. американских солдат. «Этим предательством вы, без сомнения, изменили курс истории, нанеся вред нашей стране». Этель, по его мнению, вместо того, чтобы удержать мужа, помогала ему и стала соучастницей преступления. Он упрекнул Розенбергов в том, что «их преданность делу была выше личной безопасности, они пожертвовали ради него собственными детьми» ²⁸.

12 членов жюри присяжных признали Розенбергов виновными, только один посчитал Этель невиновной. Их приговорили к смертной казни на электрическом стуле. Собелл был осужден на 30 лет тюрьмы за связь с Розенбергом. Его тоже называли «атомным шпионом», хотя он был специалистом по радарам и не имел отношения к атомным исследованиям. Д. Грингласс, приговоренный к 15 годам тюрьмы, вышел на свободу через 9,5 лет, в 1960 году.

Розенберги были осуждены по закону о шпионаже 1917 г., но его вторая статья предусматривала смертную казнь или 30 лет тюрьмы за шпионаж только в военное время и в пользу врага, а не союзника, каковым был СССР ²⁹. Столь жестокий приговор объясняется, преж-

де всего, атмосферой холодной войны, напряженной обстановкой как в мире (испытание СССР атомной бомбы, война в Корее), так и внутри страны, где достиг пика маккартизм с антикоммунистической истерией.

Розенберги считали процесс политическим и в письмах настаивали на признании себя политическими узниками Америки, их сыновей называли «сиротами холодной войны». Потеряв надежду на справедливое решение суда, они обращались к обществу, пытаясь поднять протестное движение. В октябре 1951 г. в письме, опубликованном в «National Guardian», супруги заявили: «Мы простые муж и жена... Подобно другим людям, мы выступаем за мир, потому что не хотим, чтобы наши маленькие сыновья жили под угрозой войны и смерти... Вот почему мы в тюрьме, что служит предупреждением для всех простых людей»³⁰.

В 1951 г. в США был создан Национальный комитет за справедливость в деле Розенбергов, в котором участвовали У. Дюбуа, П. Робсон, Р. Кент. Английский комитет в защиту Розенбергов выдвинул лозунг: «Чтобы идеалы Рузвельта могли жить, Розенберги не должны умирать». Посол США во Франции Д. Диллон предупреждал госсекретаря А. Даллеса, что «большинство французского народа, независимо от политической ориентации, считает приговор несправедливым с моральной точки зрения». Если их казнят, заявил он, европейская пресса будет считать их жертвами маккартизма. Каждую неделю в Белый дом приходило свыше 20 тыс. писем³¹. В поддержку Розенбергов выступили А. Эйнштейн, Папа Римский Пий XII, Д. Ривера, Б. Брехт, П. Пикассо. Против смертного приговора для Этель, матери двоих детей, выступил даже глава ФБР Гувер, опасаясь общественного мнения в США.

ФБР надеялось, запугав Розенбергов, узнать имена неизвестных членов группы, но те не пошли на предательство своих идеалов и друзей, предпочтя смерть. Несмотря на акции протеста, проходившие во многих странах, казнь состоялась 19 июня 1953 г. в Нью-Йорке в тюрьме Синг-Синг. Газета «Известия» опубликовала выдержки из обращения Розенбергов к Эйзенхауэру о помиловании накануне казни: «Мы не можем запятнать свои имена, выступая в качестве лживых свидетелей ради того, чтобы спасти себя. Господин президент, не позорьте Америку, считая условием сохранения нашей жизни признание в совершении преступления, которого мы не совершали»³².

Эйзенхауэр отказал в помиловании, считая деятельность Розенбергов «осознанным предательством целой нации, которое могло привести к гибели многих тысяч невинных граждан». В письме к сыну, находившемуся в Корее, он назвал Этель «сильной женщиной и очевидным лидером между ними»³³. Эйзенхауэр был уверен в участии Розенбергов в атомном шпионаже.

После ареста Розенбергов нью-йоркская резидентура отправила в Центр предложения по организации им помощи. «С целью облегчения участи Кинга (Розенберга. — И.С.) и его жены и их спасения нами предлагаются след. мероприятия: 1. Использование прессы. Организовать мощную кампанию в нашей и особенно заграничной прессе. Желательно поместить статьи о процессе и в первую очередь в некоммунистической печати. Наша пресса может ограничиться 1—2

статьями, поручить написать к-е рекомендуем, н-р, Эренбургу, для чего представить в его распоряжение по Вашему усмотрению имеющиеся вырезки из амер-х газет». Были предложены даже тезисы для статей в советской печати: «Шпиономания достигла высшего предела; цель ее — грубая антисоветская пропаганда и крестовый поход против КП США; СССР официально признается наихудшим врагом даже в мирное время и даже большим, чем Германия в военное время... Приговор, ставящий антисоветские цели, направлен на ухудшение отношений между СССР и США, а не на улучшение их, чего все ждут. Запугивание населения, так как по одному доносу невинных людей могут приговорить к смертной казни, никто из американцев не может быть уверен в завтрашнем дне. Американцы должны понять, что этот процесс — пробный шар реакции, стремящейся попирать оставшиеся свободы самих американцев и окончательно фашизировать страну. Это — поход против самих амер-в, угроза свободе самих амер-цев. Если приговор не будет отменен, американцам угрожают такие репрессии, какие им не снились»³⁴.

Но предпринятые пропагандистские меры не помогли. В этом провале Феклисов винит внешнюю разведку КГБ, которая «сделала далеко не все». Нужно было «открыто заявить, что Ю. Розенберг и М. Собелл передавали СССР секретную информацию по разработкам в области радиоэлектроники, использовавшуюся в борьбе против фашистской Германии... И одновременно решительно опровергнуть выдвинутое против Юлиуса Розенберга обвинение в том, что он был организатором атомного шпионажа в США». Этель «полностью невиновна», «она знала о деятельности мужа, но за это не казнят»³⁵.

Феклисов сокрушался, почему Розенберг не признался на суде, что был советским агентом и выдавал только военные технологии, тогда бы он спас жизнь себе и жене. Однако историк советской разведки Васильев рассказал, что в 1940-е гг. агентам советовали не признаваться, что часто им помогало, поэтому подавляющее большинство советских агентов в Соединенных Штатах остались на свободе. Судьбу Розенбергов Васильев назвал «страшным, ужасным исключением»³⁶.

Розенберг понимал, что вместе с признанием в шпионаже от него ждут выдачи имен всей группы, чего он как ее организатор делать не стал. Перед казнью Розенбергам установили телефоны в последней надежде получить спасительное признание, но оно не последовало. Гувер и его ведомство не смогли выявить реальных агентов атомного шпионажа и, чтобы скрыть неудачу в своей работе, они объявили Розенберга главной фигурой в краже секретов атомной бомбы, хотя его роль в этом, по мнению многих физиков, невелика.

Ученые сомневались, что Грингласс, механик со школьным образованием, мог сообщить важные сведения об атомной бомбе. «Человек со способностями Грингласса, — писал Эйзенхауэру перед казнью Розенбергов лауреат Нобелевской премии Г. Юри, — совершенно не способен передать кому-нибудь физические, химические, математические параметры бомбы». Так же считал Р. Оппенгеймер. Через год после казни руководитель Манхэттенского проекта, генерал Л. Гроувс, признал, что данные, полученные от Розенберга, представляют «незначительную ценность». Розенберги, утверждают историки Р. Рэдош и Дж. Милтон, «стали козлами отпущения (scapegoat),

которым пришлось заплатить жизнью за шок и испуг Америки из-за потери монополии на ядерное оружие»³⁷.

Провал Розенбергов Феклисов назвал «одним из самых крупных в послевоенной истории внешней разведки КГБ»³⁸. В нем обвинили заместителя начальника внешней разведки КГБ Г. Овакимяна и начальника отделения Семёнова, которые сделали Голда курьером и для Фукса и для Грингласса. В 1953 г. их уволили из КГБ без пенсии.

Историк Х. Клер, первым изучивший расшифрованную по проекту «Венона» переписку советских спецслужб, полагает, что, если бы эти документы были рассекречены для широкой публики во время судебного процесса Розенбергов, то они едва ли получили бы смертный приговор. А если бы тогда стало известно о деятельности Теодора Холла, то судьи вряд ли назвали Розенбергов «центральными фигурами» в краже секрета атомной бомбы. Этими «фигурами», скорее всего, следует считать Теда Холла и Клауса Фукса³⁹. Именно от них, физиков, шла основная информация о разработке атомной бомбы.

Талантливый немецкий физик-теоретик, коммунист Клаус Фукс, сын известного теолога и религиозного социалиста, после прихода к власти фашистов эмигрировал в Англию, защитил докторскую диссертацию, работал в лаборатории Макса Борна; позднее получил английское гражданство. В 1941 г. через немецкого коммуниста Ю. Кучинского связался с советской разведкой и через сестру Кучинского, Урсулу, стал передавать материалы о новом оружии. На допросе он рассказал о своих мотивах: «Я полагал, что западные союзники сознательно позволяют России и Германии сражаться друг с другом до смерти. Поэтому я без колебания передал всю информацию, которую имел»⁴⁰.

Переехав в США, Фукс участвовал в Манхэттенском проекте, а в 1946 г. вернулся в Англию. По мнению Феклисова, работавшего с ним в 1947—1949 гг., он сообщил «самую ценную секретную информацию». Поняв, что русские близки к завершению работы, он сказал: «Это будет самой большой радостью в моей жизни. И не только в моей. Это станет радостным событием для всех прогрессивных людей. Американской политике атомного шантажа придет конец»⁴¹.

Решение английского суда по делу Фукса, главного атомного шпиона, оказалось намного либеральней, поскольку им был учтен закон, который делал различие в передаче военных секретов во время войны врагам или союзникам. Фукса осудили на 14 лет — наибольший срок за передачу военных секретов дружественному государству, каковым считался СССР, хотя сам Фукс ожидал смертного приговора. Суд учел антифашистскую деятельность Фукса. За примерное поведение он был освобожден через 9,5 лет и уехал в ГДР, став заместителем директора Института ядерных исследований.

Другим волонтером, искавшим контакты с НКГБ, был талантливый молодой физик Теодор Холл (Хольцберг), сын еврейского иммигранта из Российской империи. В годы Великой депрессии из-за антисемитизма вместе со старшим братом Тед изменил фамилию. Тогда же увлекся социализмом, прочитал «Манифест коммунистической партии», заинтересовался политикой, вступил в прокоммунистический Американский студенческий союз. В 1944 г., в 18 лет, окончил Гарвардский университет и был направлен в Лос-Аламос, став самым молодым физиком в атомном проекте.

Холл быстро понял разрушительную силу атомной бомбы и, как другие физики, опасался атомной монополии США, считая ее угрозой для безопасности мира. Позднее объяснял, что принял решение связаться с советскими разведчиками без какого-либо влияния (компартии, Лиги коммунистической молодежи), «никогда не был никем завербован». Холл полагал, что в капиталистическом обществе экономический кризис может привести к фашизму, агрессии и войне, как в Италии и Германии. Во время второй мировой войны «разделял общую симпатию к нашему союзнику, Советскому Союзу»⁴².

В октябре 1944 г. вместе с приятелем, С. Саксом, Холл отправился в Нью-Йорк, чтобы найти советских разведчиков; встретился с журналистом и советским агентом Сергеем Курнаковым и передал ему материалы о принципе действия атомной бомбы и Манхэттенском проекте, о чем сообщалось в шифрограмме руководителю внешней разведки Фитину. На вопрос Курнакова, почему решил раскрыть секрет атомного оружия именно СССР, ответил: «Нет страны, кроме Советского Союза, которой можно было бы доверить такую страшную вещь... Пусть СССР знает о ее существовании и пусть находится в курсе прогресса опытов и строительства. Тогда на мирной конференции СССР, от которого зависит судьба моего поколения, не окажется в положении державы, которую шантажируют»⁴³.

Многие физики, подобно Фуксу и Холлу, считали, что Соединенным Штатам следует поделиться секретом атомной бомбы с Советским Союзом, своим союзником. За сотрудничество с СССР в этой области выступал Нильс Бор, в 1944 г. он даже встречался с Черчиллем и Рузвельтом, но политики отвергли его предложение. Американские физики, а в СССР П. Капица, убеждали в необходимости международной кооперации в области ядерной энергии, создании международной организации для контроля над ее использованием.

На сотрудничестве США и СССР в этой области настаивали и некоторые политики. Бывший вице-президент при Ф. Рузвельте Генри Уоллес 24 октября 1945 г. встретился с представителем советского посольства и одновременно легальным главой резидентуры НКГБ в Вашингтоне Анатолием Горским, зная о его роли в разведке. Он предложил советским ученым, в том числе Капице, приехать в США для знакомства с достижениями в атомной энергетике, что, правда, не встретило отклика у Трумэна⁴⁴.

ФБР подозревало в атомном шпионаже и научного руководителя Манхэттенского проекта Роберта Оппенгеймера. В 1930-х гг. он увлекся коммунистическими идеями, даже давал деньги компартии, не афишируя этого⁴⁵. Его жена и брат Фрэнк были коммунистами. В годы маккартизма Фрэнка Оппенгеймера, тоже физика, отстранили от преподавания в университете. В 1953 г. началось расследование деятельности Р. Оппенгеймера и, хотя доказательств шпионажа в пользу СССР не нашли, он лишился доступа к секретным исследованиям. Документы Васильева подтвердили невиновность ученого, хотя советские спецслужбы предприняли несколько попыток завербовать Оппенгеймера⁴⁶.

На судебном процессе Розенбергов судья Кауфман заявил, что после войны природа русского терроризма стала очевидна; что идеализм в отношении СССР исчез, поэтому предательство своих граждан нельзя оценивать как заблуждение и веру в доброту советской

власти ⁴⁷. Однако он ошибался. Вера в коммунистическое будущее и справедливость советского режима сохранялась и после войны. Эйнштейн был убежден, что устранить недостатки капиталистической системы можно только с помощью перехода к плановой социалистической экономике, которая будет работать для нужд общества, обеспечивая каждому средства существования и образование, ориентированное на социальные цели ⁴⁸. Коммунисты Э. Хисс, Розенберги и другие готовы были жертвовать ради этого карьерой, семьей, даже собственной жизнью.

Преданность Розенбергов идее социализма и Советскому Союзу, порядков которого они, в сущности, не знали, поражает. Историки Р. Рэдош и Д. Милтон, работавшие с документами архива ФБР, открытыми для исследователей, нашли отчеты информатора Джерома Тартакова, посаженного в тюрьму к Розенбергу для слежки за ним. В одном из разговоров Юлиус выразил надежду, что Собелла и Этель сразу отпустят, а ему дадут 30 лет тюрьмы, но просидит он не более 5 лет, поскольку к этому времени «у нас будет “советизированная Америка”» ⁴⁹.

Розенберги не обманывали сыновей, говоря о своей невинности в атомном шпионаже, о том, что не предавали собственной родины, так как искренне верили, что своей деятельностью ускоряют приход справедливого советского общества в Соединенные Штаты. Их молчание спасло членов группы, чья вина не была доказана из-за недостатка улик. Только в 1953 г. за лжесвидетельство был осужден Пёрл, отрицавший знакомство с Розенбергом и Собеллом.

Избежал преследования Холл, поскольку рассекреченные документы «Веноны», где он упоминался под именем Млад, стали известны лишь в 1995 году. Холла и его друга Сакса в 1951 г. допрашивали в ФБР, но они не признали связи с советской разведкой, а материалов против них оказалось недостаточно. В 1962 г. Холл уехал в Англию, переключившись в Кембридже на исследования в области биофизики.

Холл, как Фукс и Розенберг, тоже не считал себя предателем и не жалел о содеянном. После открытия документов для широкого доступа он решил объяснить мотивы своего поступка, который диктовался опасениями американской монополии на атомное оружие. «Теперь в некоторых кругах, — писал он в 1997 г., за два года до смерти, — меня осуждают как предателя, хотя Советский Союз был не врагом, а союзником Соединенных Штатов... Утверждают даже, что я “изменил курс истории”. Возможно, что “курс истории”, если бы не изменился, привел к атомной войне в прошедшие пятьдесят лет, например, бомба могла быть сброшена на Китай в 1949 г. или в ранние пятидесятые. Ну, если я помог предотвратить это, я принимаю такое обвинение. Но подобный разговор чисто гипотетический». Холл признал, что в 1944 г. был слишком молод, неопытен и ошибался в некоторых вещах, «в частности, в своем взгляде на природу советского государства». Однако заметил, что ему не стыдно за того молодого человека, каким он был ⁵⁰. После его смерти жена Джоан сказала, что Холл не предавал свою страну и свой народ. «Все, что он делал, он делал для людей. Это был гуманный акт. Его мотивы были гуманными» ⁵¹. То же можно сказать о мотивах Фукса и Розенбергов.

Удивительно сложилась жизнь Альфреда Саранта и Джоэла Барра, переехавших в 1956 г. в СССР, где их знали как Филиппа Геор-

гиевича Староса и Иосифа Вениаминовича Берга. Они сыграли важную роль в советской науке, став одними из основателей новой отрасли — микроэлектроники; по их инициативе возник ее научный центр в Зеленограде, советской Кремниевой долине. Оба в 1969 г. получили Государственную премию за первую в СССР настольную ЭВМ (УМ-1 и ее модификации УМ-1НХ) ⁵². Сарант и Барр также участвовали в военных проектах, в частности, в создании первой советской ракеты класса «земля-воздух», которая, как полагают историки Хейнс и Клер, использовалась против американской авиации во время Вьетнамской войны ⁵³.

Об их необычной судьбе написаны книги, в том числе документальный роман «Бегство в Россию» Д. Гранина, лично знавшего Бара ⁵⁴. Он, правда, не коснулся американского периода их жизни и деятельности как советских агентов, отметив только их пристальный интерес к делу Розенбергов. Сарант и Барр понимали, что возврат на родину для них невозможен. В СССР, благодаря личному покровительству Хрущёва, они смогли реализовать многие свои проекты. Остались ли они верны идее справедливого социалистического общества? Поколебала ли советская действительность их веру, неизвестно. Лишившись поддержки после отставки Хрущёва, Сарант уехал на Дальний Восток. Он умер в 1979 г. от сердечного приступа, так и не побывав на родине и не став членом-корреспондентом Академии наук, чего добивался. Барр приезжал в Соединенные Штаты в 1990-е гг., но вернулся в СССР.

Феклисов, приглашенный в 1996 г. для участия в съемках документального фильма о Розенбергах, посетил кладбище, где они похоронены, и сказал над их могилами: «Простите меня и моих товарищей за то, что мы не сумели спасти ваши жизни. Вы герои, а герои не умирают. Вечная вам добрая память и слава....» ⁵⁵

Работавший с Розенбергом и Фуксом, Феклисов, как и Васильев, считает их героями. Правда, советские граждане до 1990-х гг. ничего не знали о своих героях. Только в 1992 г. 88-летний академик Ю. Харитон, главный конструктор и научный руководитель работ по созданию советской атомной бомбы, долгие годы засекреченный, в газете «Известия» впервые признал, что первый советский атомный заряд был изготовлен по американскому образцу с помощью сведений, полученных от Фукса. «За обширную информацию, которую передавал для советских физиков Клаус Фукс, весь советский народ должен быть ему глубоко благодарен» ⁵⁶.

После освобождения Фукса из тюрьмы в 1959 г. Харитон обратился к Д. Устинову с предложением наградить ученого, однако оно не нашло поддержки. Об этом же просил Феклисов, ведь все участники создания советской атомной бомбы награждены, включая разведчиков (Феклисову в 1996 г. присвоено звание Героя Российской Федерации), кроме Фукса, который восемь лет помогал советским атомщикам, за что более 9 лет провел в тюрьме. Но президент Академии наук М.В. Келдыш посчитал, что «этот факт умаляет заслуги советских ученых в создании ядерного оружия». Когда после смерти Фукса (в 1988 г.) Феклисов приехал в ГДР и преподнес вдове цветы и подарок, она сказала: «Что же вы так поздно пришли? Клаус 25 лет ждал вас». На рапорт, поданный в 1994 г. Феклисовым о необходимости прекратить молчание и рассказать истинную историю Розенбер-

гов, директор службы внешней разведки Е. Примаков ответил: «Нецелесообразно официально признать, что Юлиус Розенберг был нашим агентом»⁵⁷.

Полагаю, что после более чем шестидесятилетнего замалчивания настала, наконец, пора узнать правду о судьбе Розенбергов. Тем более, что материалы, появившиеся в 1990-е гг., позволяют историкам документировано рассмотреть их дело, которое больше не является тайной.

Примечания

1. ГРЕКОВ Б.Д. Жертвы военной истерии; ФЕДИН К. Позор навсегда! — Известия. 21.VI.1953.
2. ДОРОДНИЦЫН А.А., ПРОХОРОВ А.М., СКРЯБИН Г.К., ТИХОНОВ А.Н. Когда теряют честь и совесть. — Там же. 2.VI.1983.
3. MEEROPOL R., MEEROPOL M. We are Your Sons. The Legacy of Ethel and Julius Rosenberg. Urbana. 1986, p. IX.
4. Remembering the Rosenbergs. — New York Times. 19.VI.2003.
5. HAYNES J.E., KLEHR H. Venona: Decoding Soviet Espionage in America. New Haven-London. 2000, p. 297.
6. WEINSTEIN A., VASSILIEV A. The Haunted Wood. N.Y. 1999; HAYNES J.E., KLEHR H., VASSILIEV A. Spies: The Rise and Fall of the KGB in America. New Haven. 2009; <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/collection/86/Vassiliev-Notebooks>.
7. ТОЛЬЦ В. Розенберги и другие. Интерьер с бомбой. № 1—16. 6.07.2013—30.11.2013. <http://www.svoboda.org/content/transcript/25038192.html>
8. ФЕКЛИСОВ А. Признание разведчика. М. 1999.
9. Rosenberg sons acknowledge dad was spy. 17.09.2008: <http://www.nbcnews.com/id/26761635>.
10. USDIN S.T. The Rosenberg Ring Revealed: Industrial-Scale Conventional and Nuclear Espionage. — Journal of Cold War Studies. 2009, vol. 11, N 3, Summer, p. 96—97.
11. Агентурная сеть на 1.02.45. VASSILIEV A. Black Notebook, p. 119. (везде в документах сохранено правописание оригинала): <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/transcripts/60.pdf>.
12. USDIN S.T. Op. cit., p. 92; ТОЛЬЦ В. Розенберги и другие. Интерьер с бомбой. Передача № 2: <http://www.svoboda.org/content/transcript/25044725.html>
13. Anton to Victor. 14.XI.1944: http://www.pbs.org/wgbh/nova/venona/inte_19441114.html.
14. ФЕКЛИСОВ А. Ук. соч., с. 152—157.
15. HAYNES J.E., KLEHR H., VASSILIEV A. Op. cit., p. 340.
16. RADOSH R., MILTON J. The Rosenberg File: A Search for the Truth. N.Y. 1984, p. 121—123; ФЕКЛИСОВ А. Ук. соч., с. 158—162.
17. USDIN S.T. Op. cit., p. 117; ФЕКЛИСОВ А. Ук. соч., с. 171.
18. ФЕКЛИСОВ А. Ук. соч., с. 137—142.
19. VASSILIEV A. White Notebook, № 1, p. 121—122: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/transcripts/43.pdf>
20. Venona cable. 21.IX.1944: http://www.pbs.org/wgbh/nova/venona/inte_19440921.html; VASSILIEV A. Yellow Notebook, № 1, p. 54: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/transcripts/286.pdf>.
21. VASSILIEV A. White Notebook, № 1, p. 120.
22. Агентурная сеть на 1.02.45. VASSILIEV A. Black Notebook, p. 122; K.G.B. Agent Plays Down Atomic Role of Rosenbergs. — New York Times. 16.III.1997.
23. HAYNES J.E., KLEHR H., VASSILIEV A. Op. cit., p. 140.
24. ROBERTS S. The Brother: The Untold Story of the Rosenberg Case. Random House. 2003. Brother's Betrayal: <http://www.npr.org/programs/atc/features/2001/oct/011009.rosenbergs.html>.
25. Testimony of Julius Rosenberg: http://law2.umkc.edu/faculty/projects/ftrials/rosenb/ROS_TJRO.HTM.
26. The Summation of Emanuel Bloch for the Defense: http://law2.umkc.edu/faculty/projects/ftrials/rosenb/ROS_SENT.HTM.
27. The Summation of Irving Saypol for the Prosecution. Ibidem.

28. Judge Kaufman's Statement Upon Sentencing the Rosenbergs. *Ibidem*.
29. The Espionage Act of 1917: http://www.digitalhistory.uh.edu/disp_textbook.cfm?smtID=3&psid=3904.
30. Цит. по: RADOSH R., MILTON J. *Op. cit.*, p. 336.
31. *Ibid.*, p. 350, 375.
32. Известия. 21.VI.1953.
33. EISENHOWER D.D. *Mandate for Change, 1953—1956*. N.Y. 1963, p. 224—225.
34. Письмо от 14.04.51. In: VASSILIEV A. *Yellow Notebook*, № 1, p. 51—52.
35. ФЕКЛИСОВ А. Ук. соч., с. 338—340; STANLEY A.K.G.B. *Agent Plays Down Atomic Role of Rosenbergs*. — New York Times. 16.III.1997.
36. ФЕКЛИСОВ А. Ук. соч., с. 340; ТОЛЬЦ В. *Розенберги и другие. Интерьер с бомбой*. Передача № 13: <http://www.svoboda.org/content/transcript/25162023.html>.
37. RADOSH R., MILTON J. *Op. cit.*, p. 433, 446, 449.
38. ФЕКЛИСОВ А. Ук. соч., с. 178.
39. *Secrets, Lies, and Atomic Spies*. 5.II.2002: http://www.pbs.org/wgbh/nova/transcripts/2904_venona.html.
40. HAYNES J.E., KLEHR H. *Op. cit.*, p. 304; Klaus Fuchs confession to William Skardon. 27.I.1950: <http://www.spartacus.schoolnet.co.uk/USAfuchs.htm#source>.
41. ФЕКЛИСОВ А. Ук. соч., с. 224, 251.
42. ALBRIGHT J., KUNSTEL M. *Bombshell: The Secret Story of America's Unknown Atomic Spy Conspiracy*, N.Y. 1997, p. 89—90.
43. *Venona cable*. 12.XI.1944: http://www.pbs.org/wgbh/nova/venona/inte_19441112.html#cable#cable. Письмо Центру от 7 дек. 1944. VASSILIEV A. *Yellow Notebook*, № 1, p. 20.
44. WEINSTEIN A., VASSILIEV A. *The Haunted Wood*. N.Y. 1999, p. 283—284.
45. HAYNES J.E., KLEHR H. *Op. cit.*, p. 327—330.
46. HERKEN G. *Target Enormoz: Soviet Nuclear Espionage on the West Coast of the United States. 1942—1950*. — *Journal of Cold War Studies*. 2009, vol. 11, N 3, Summer, p. 82—84; HAYNES J.E., KLEHR H., VASSILIEV A. *Op. cit.*, p. 34.
47. Judge Kaufman's Statement Upon Sentencing the Rosenbergs: http://law2.umkc.edu/faculty/projects/ftrials/rosenb/ROS_SENT.HTM.
48. EINSTEIN A. *Why Socialism?* — *Monthly Review*, May 1949: <http://monthlyreview.org/2009/05/01/why-socialism>.
49. RADOSH R., MILTON J. *Op. cit.*, p. 295.
50. ALBRIGHT J., KUNSTEL M. *Op. cit.*, p. 288—289.
51. *Secrets, Lies, and Atomic Spies*. 5.II.2002:.
52. МАЛИНОВСКИЙ Б.Н. Советский ученый из Америки. В кн.: МАЛИНОВСКИЙ Б.Н. *История вычислительной техники в лицах*. Киев. 1995, с. 300—311. Малиновский подтвердил историю Староса, которую раньше рассказал американский следователь Р. Рэдш. После публикации в 1983 г. отрывка из его книги ему позволил сотрудник Центра российских исследований в Гарварде М. Кучмен, уехавший из СССР в 1975 г., и сообщил, что его соотечественник, тоже эмигрант, Э. Фердман, специалист по микроэлектронике, был знаком с двумя англоговорящими учеными Бергом и Старосом. По фотографиям Саранта и Барра он узнал в них своего учителя и друга Староса и его коллегу Берга. См.: RADOSH R., MILTON J. *Op. cit.*, p. 471.
53. HAYNES J.E., KLEHR H. *Op. cit.*, p. 300.
54. USDIN S.T. *Engineering Communism: How Two Americans Spied for Stalin And Founded the Soviet Silicon Valley*. Yale University Press. 2005; ГРАНИН Д. *Бегство в Россию*. М. 1995.
55. ФЕКЛИСОВ А. Ук. соч., с. 344.
56. ХАРИТОН Ю.Б. *Ядерное оружие СССР: пришло из Америки или создано самостоятельно?* — *Известия*. 8.XII.1992.
57. ФЕКЛИСОВ А. Ук. соч., с. 4, 269, 272.

УДК 371(091)(571.121)/ББК 74.03(2P53-4Тю-6Я)

Трещины плановой экономики на примере обеспечения теплом ямальских школ в 1958—1966 гг.

Д.В. Кирилюк

Аннотация. Статья посвящена истории решения проблемы обеспечения топливом школ Ямала в период реализации школьной реформы 1958 года. Автор анализирует советский опыт организации подвоза к школам дров и угля, обеспечения их необходимой техникой и инструментами для самостоятельного поиска топлива. На основании широкого круга архивных источников было выявлено, что обеспечение школ края топливом имело многочисленные недостатки. Государственно-партийные органы СССР в значительной степени не справлялись со своевременным подвозом к школам дров и угля, в том числе, и по причине несоответствия государственных цен на древесину и тех цен, которые устанавливали на нее на местах хозяйственные организации.

Ключевые слова: школа, дрова, уголь, подвоз, печное отопление, центральное отопление.

Abstract. The article is devoted to the solution of heating supply problem in Yamal schools in the period realization of school reform of 1958. The author analyzes the soviet experience of transport firewood and charcoal organization to the schools, school provision of necessary equipment and tools for individual fuel research by private educational institutions. Due to the wide range of archive resources the poor school provision of wood and charcoal was revealed. The USSR state and party organs could not cope with the timely transportation of firewood and coal to the schools, also because of the contradiction between the state prices on timber and those prices that were established by economic organizations on the territory.

Key words: school, firewood, coal, transportation, oven heating, central heating.

Битва за урожай, битва за нефть — так было принято называть многие громкие общественные и социально-экономические мероприятия в Советском Союзе. С течением времени эти фразы стали для советского человека обыденными, и население начало относиться к ним критически. Однако, рассматривая проблему обеспечения школ Ямала топливом в 1958—1966 гг., термин «битва за тепло» кажется вполне уместным.

Особенность момента заключалась в том, что именно в эти годы советское руководство своими законами и постановлениями поставило перед общеобра-

Кирилюк Денис Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент Сургутского государственного университета. E-mail: DenKik@rambler.ru.

Kirilyuk Denis V. — candidate of historical sciences, associate professor of Surgut State University. E-mail: DenKik@rambler.ru.

зовательными школами страны целый ряд новых задач, в первую очередь, по обеспечению «связи школы с жизнью». Планировалось значительно расширить трудовое обучение и воспитание советских школьников. Безусловно, эти меры предполагали наличие в школах соответствующей материальной базы, что, как указывают документы, в советской провинции очень часто в реальности отсутствовало.

Более того, на примере общеобразовательных учреждений Ямало-Ненецкого национального округа в годы хрущёвской «оттепели» мы можем увидеть, что многие удаленные советские школы в своей повседневной жизни решали куда более прозаичные проблемы. Так и не был, в частности, решен в течение рассматриваемого периода ряд базовых вопросов материально-технического снабжения ямальских школ. К ним относились вопросы обеспечения местных учителей и школьников современными школьными площадями, а общеобразовательных учреждений — топливом, различным инвентарем, ремонтными материалами¹ и т.д.

В числе названных проблем одно из первых мест занимали трудности в обеспечении общеобразовательных учреждений региона топливом. В начале рассматриваемого периода все школы и интернаты Ямало-Ненецкого национального округа находились на печном отоплении. Подобное положение дел было вполне нормальным, учитывая то обстоятельство, что в округе в данное время все школы были деревянными, построенными еще в 1930-е гг. и имевшими высокую степень износа. Часть из них и вовсе располагалась в приспособленных помещениях. Более того, сама школьная сеть в 1958—1966 гг. не только не выросла, но и сократилась с 67 до 57 школ² (вследствие ликвидации небольших, так называемых «малокомплектных» школ).

Но самой важной особенностью ямальских школ было то, что они были разбросаны на огромных просторах края и в зимнее время почти не были связаны регулярным сообщением. Поэтому и само обеспечение школ дровами и углем осуществлялось достаточно сложными путями. Проблема заключалась также в том, что территория Ямало-Ненецкого национального округа состоит из двух частей: тайги на юге и тундры на севере. Поэтому возможности для самостоятельной добычи древесины фактически имелись лишь у школ южного Ямала. Тундровые же территории, где природно-климатические условия были наиболее тяжелыми, нуждались в централизованном завозе топлива.

Официально обеспечением местных общеобразовательных учреждений топливом занимался ямальский окроптсбыт³. Судя по всему, деятельность этого предприятия была ограничена недостаточной технической базой. Во всяком случае, во время сильных морозов и буранов, а также из-за бездорожья, окроптсбыт далеко не всегда успевал своевременно подвезти дрова школам⁴. Особенно это касалось удаленных поселков края. В подобной ситуации государство было вынуждено передать функцию по обеспечению школ «теплом» местным промышленным и сельскохозяйственным предприятиям. Однако такое решение, на наш взгляд, не стало выходом из трудного положения ямальских школ, а поставило их фактически в зависимость от степени добросовестности тех или иных хозяйственных руководителей.

Следует отметить, что местные предприятия проводили немалую работу по совершенствованию школьной сети края. В 1958—1962 гг. к числу организаций, оказывавших активную помощь в обеспечении ямальских школ топливом, относились два колхоза: Лопхаринский и Тибей-Салинский им. XXI партсъезда, которые с лета обеспечивали подшефные школы годовым запасом дров. В списке передовиков находился также и Гыданский рыбозавод, который подвез для школы 500 кубометров дров, оказал помощь в выгрузке угля и даже подарил школе бензопилу «Дружба». Более или менее существенную помощь в

решении названных проблем оказывали Новопортовский и Аксарковский рыбозаводы⁵. Кроме того, только за период 1960—1961 гг. на средства экономически крепких колхозов в регионе было построено 4 интерната на 250 мест. Несколько наиболее успешных колхозов и рыбокомбинатов Ямальского и Тазовского районов передали школам собственные помещения, помогали возводить школьные пищеблоки, прачечные, мастерские, передавали собственную технику⁶.

Проблема заключалась в том, что таких крепких организаций на Ямале в «донецкой» период было немного, тогда, как для решения всех школьных проблем края оказанной помощи было недостаточно. Например, документы Ямальского окружного отдела народного образования (окроно) свидетельствуют о том, что нередко хозяйственные предприятия края передавали школам только ту технику, которую уже не могли использовать в своей основной деятельности. Например, директор Мужевского совхоза в 1962 г. передал школе разломанный и разбитый трактор⁷.

Средства колхозов и совхозов были весьма ограниченными, что не позволяло им выполнить порой даже те обязательства, которые они уже взяли ранее. Так, в том же 1962 г. было установлено, что несколько школ и подсобных помещений интернатов, которые строились за счет колхозов, остались недостроенными⁸. В поселке Самбург местный совхоз, несмотря на просьбы учителей, долгое время не приступал к строительству здания для школы⁹. Заботы об организации и проведении строительства данных объектов вновь было вынуждено брать на себя государство¹⁰.

Неудивительно, что многие предприятия региона в 1958—1966 гг. обвинялись школьным руководством Ямала в безответственном отношении к нуждам школы. Интересно, что отчасти местные общеобразовательные учреждения стали заложниками изменений в большой советской политике. Как известно, в 1957 г. вышло Постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС «О порядке передачи колхозного имущества при преобразовании колхозов в совхозы». Главным отличием было то, что колхоз являлся, по сути, кооперативом крестьян, тогда как совхоз был государственным предприятием. Совхозы имели еще меньше самостоятельности в своей работе, чем колхозы. Не случайно, директора ямальских школ в 1962 г. прямо говорили, что пока были колхозы, их школы меньше нуждались в топливе, чем при новой, совхозной, системе¹¹.

Произошедшие перемены не изменили в лучшую сторону повседневную жизнь местных школ. Ряд предприятий Ямало-Ненецкого национального округа относился к своим обязанностям по их обеспечению топливом формально, лишь частично выполняя данные когда-то гарантии. Так, Пуйковский рыбозавод к началу сентября 1961 г. подвез местной школе только 20 кубометров неразделанного ольховника. Чтобы организовать распилку и колку дров, директор школы Ефремов был вынужден затратить массу времени на «беготню к директору, завхозу и другим работникам рыбозавода»¹².

В еще более тяжелом положении оказалась к началу 1960-х гг. Кутопьюганская школа. С тех пор, как ее обеспечением стал заниматься не колхоз, а рыбозавод, школа фактически оказалась без дров. Это привело к тому, что она в некоторые дни практически полностью не отапливалась и поэтому оказалась на грани закрытия. Даже пользоваться баней рыбозавод интернату при школе запретил. Потребовалось вмешательство окружного комитета партии, чтобы не допустить закрытия данной школы¹³.

При этом наиболее сложно с отоплением обстояло дело именно в школах и интернатах так называемых лесных районов Ямало-Ненецкого национального округа. К примеру, в большинстве школ и интернатов Шурышкарского, Приуральского, Пуровского и Красноселькупского районов края в 1958—1960 гг. не

было никакого запаса дров, и отапливались эти общеобразовательные учреждения буквально «с воза»¹⁴. Не лучшим было и положение дел в школах Надымского района¹⁵. Так, при проверке Норинской начальной школы, инспектор оставил следующий комментарий: «дров у школы на начало учебного года было 70 куб. м., интернат, воспитатели, учителя дров не имеют»¹⁶. Дрова нередко завозились сырыми и в недостаточном количестве. Директору Овгортской восьмилетней школы Шурышкарского района Ващенко приходилось каждый кубометр дров выпрашивать у управляющего отделением совхоза Краснопольского и председателя сельсовета Истомина¹⁷.

Интересно также то, что обеспечение школ дровами не осуществлялось на должном уровне даже в тех образовательных учреждениях, в которых учились дети работников шифтующих организаций. Например, Халесовинская школа Пуровского района в начале 1960-х гг. в течение всей зимы не имела никакого запаса дров. При малейших капризах погоды школу вместе с интернатом по несколько дней подряд не топили. Руководители Пуровского района настойчиво добивались сохранения школы в Пясинадо для 12-ти учащихся — детей рабочих рыбоучастка¹⁸.

Но руководители промыслового предприятия ничем положение школы не облегчали. Учитель этой школы просила дать для школы хотя бы полумесячный запас дров. О годовом запасе она даже не осмеливалась спросить. Но и эти ее скромные требования рыбоучастком не выполнялись: дрова подвозились с перебоями, а в отдельные дни школа и сама квартира учителя не отапливались. В Толькинской и Кикиакковской школах Красноселькупского района дети не только целыми днями находились в нетопленных помещениях, но даже не имели воды, чтобы попить чая¹⁹. Местные руководители совхоза и райисполкома не принимали решительных мер для преодоления данных трудностей. Питлярская школа при годовой потребности в 400 кубометров дров к 1 сентября 1961 г. не получила ни одного кубометра²⁰.

Ко всему прочему, после того как колхозы были преобразованы в совхозы, руководители этих совхозов начали продавать школам дрова по завышенным ценам, «подчас ими надуманными»²¹. Для того, чтобы не допустить подобных ситуаций впредь, в начале 1960-х гг. окружной отдел народного образования опубликовал Постановление Совета Министров РСФСР № 720 от 21 мая 1960 г. о введении в провинции поясных оптовых цен на дрова. Согласно расценкам, утвержденным для Тюменской области, сосна и ольха должны были продаваться по цене 4 руб. за кубометр, береза и лиственница — 4,5 руб., ель, кедр — 3,8 руб.²² и т.д.

Реальные же цены, вопреки этому, оказывались нередко выше. В феврале 1960 г. директор Овгортской школы направил договор на заготовку дров директору Мужевского совхоза Гарифуллину. Руководитель совхоза это соглашение не подписал, а на уголке оставил директорскую запись: «цены устанавливает не райисполком, а совхоз. Наша цена — 6 руб. 70 копеек. Если согласны — и т.д.»²³. «А если не согласны, то тогда что?» — вопрошал специалист окроно. Ответ был очевиден: «сидеть без дров». Сложившаяся ситуация была тем более странной, что школы и интернаты просто не могли покупать дрова по этим ценам, так как государство отпускало средства на данные цели, исходя из цен, установленных самим государством²⁴.

Но и этот случай не был исключением. Так, Пуйковский рыбозавод в 1960 г. требовал от Кутопьюганской и Шугинской школ оплачивать дрова по цене 9 руб. за кубометр. В ответ на отказ Надымского районо платить такую цену Тарасенко направил начальнику участка телеграмму, в которой заявлял, что исправление цен, которые предоставил за дрова рыбозавод, он считает преступлением. Поэтому он запретил дальнейший отпуск дров для школ до тех пор, пока не будут оплачены все предыдущие счета²⁵.

Важной деталью этой истории было, однако, то обстоятельство, что свое решение данный руководитель мотивировал наличием у рыбозавода плановой цены отпуска этого товара. Поэтому по государственной цене продавать дрова он категорически отказывался²⁶. Фактически это доказывает, что в советской провинции государство было не в состоянии в полной мере контролировать цены на те или иные виды продукции, и они формировались, исходя из местных условий, то есть из особенностей регионального рынка.

В некоторых случаях школы Ямало-Ненецкого национального округа просили обеспечить их не дровами, а углем. Однако положение дел от этого все равно не менялось. Так, Бухтанаходкинская школа Ямальского района запрашивала себе уголь, а на 1 сентября 1961 г. имела лишь 1 кубометр дров, поэтому долгое время в школе топились лишь одна кухонная печь. Не случайно, в докладе «Об оказании предприятиями, совхозами и всей общественностью шефской помощи школам округа» в 1962 г. с иронией отмечалось, что в Бухте-Находке Ямальского района и Находке Тазовского района и уголь «стал находкой», так как его необходимо было возить в Бухту-Находку на лошадях из Нового Порта, а в Находку — на самолетах из поселка Тазовский²⁷. О том, как это осуществлялось, свидетельствует тот факт, что сама Тазовская школа также плохо обеспечивалась топливом²⁸.

В силу ряда причин некоторые местные хозяйственные организации выполняли свои обязательства перед общеобразовательными учреждениями Ямала с большим опозданием. К примеру, Шурышкарская школа в ноябре 1961 г. заключила договор с рыбоучастком о заготовке дров в 1962 году. Согласно этому документу, подвоз дров должен был начаться с 1 января. Однако за 2 месяца наступившего года школа получила лишь 6 кубометров топлива²⁹. Другие предприятия отказывались заготавливать школам необходимое им количество древесины. Так, Самбургской школе требовалось 600 кубометров дров, а местный совхоз согласился поставить лишь 300, а вопрос об остальных дровах долгое время не решался³⁰. Иногда проблему удавалось решить только после того, как директор местной школы подавал жалобу в вышестоящие инстанции³¹.

При этом, как мы знаем, в соответствии со школьной реформой 1958 г. учащиеся Ямало-Ненецкого национального округа оказывали свою посильную помощь хозяйственным организациям края. Так, учащиеся Норинской школы Надымского района в конце 1950-х гг. помогали колхозу в уборке урожая, пытались брать шефство над животными предприятия³². Пионерские и комсомольские дружины школ помогали рыбозаготовителям бороться с браконьерами, устраивая патрули³³. Однако искренняя детская готовность помочь взрослым в решении их хозяйственных проблем не способствовала росту аналогичной помощи со стороны взрослых.

Одной из причин этого было устоявшееся мнение отдельных райисполкомов и сельских Советов о том, что, поскольку школы являются бюджетными организациями, то дрова для них должны заготавливаться не на весь учебный год, а лишь до 1 января следующего года³⁴. По мнению Ямало-Ненецкого окружного отдела народного образования, данный подход был в корне неверным. Тем более, что у местных совхозов и рыбозаводов, по мнению окрону, имелось достаточно рабочей силы — людей, не участвовавших в общественном производстве, особенно в период весенней распутицы — которых можно было бы использовать на заготовке дров для школ. Летом же эти дрова должны были быть подвезены к школе³⁵.

Не менее своеобразную позицию заняли власти и шефствующие организации г. Салехарда. Разница, по мнению окружного отдела народного образования, заключалась только в том, что на селе школы топились с воза, а в городе — с машины. Причем горисполком даже и цели перед собой не ставил завозить

дрова на весь отопительный сезон. Более того, председатель горисполкома Сандалов заявлял о том, что директор школы зарплату получает и пусть сам заботится о дровах ³⁶.

Подобный подход фактически превращал директоров местных школ в завхозов, которые не были в состоянии контролировать работу подведомственных учреждений. К примеру, акты проверки школ края рассматриваемого периода указывают, что руководители школ были просто не в состоянии следить за заполнением школьной документации, учебно-воспитательным процессом ³⁷, качеством проводимых занятий в подведомственных учреждениях, постоянно занимаясь решением насущных хозяйственных вопросов.

Многое, конечно же, зависело от степени активности и расторопности самих директоров школ. Так, уже в 1960 г. одним из победителей социалистического соревнования по подготовке школ Салехарда к учебному году стала Лабитнангская средняя вечерняя школа рабочей молодежи, при личном участии директора которой В.Ф. Стежко в школе было установлено и оборудовано паровое отопление, подготовлен запас дров, угля на зиму. Однако это был единичный случай, связанный с тем, что местный поселковый Совет выделил на эти цели школе 15 тыс. рублей ³⁸. В большинстве случаев, сельские советы Ямала, занятые своими повседневными заботами, крайне редко уделяли внимание в своей работе заботам школы, мало обсуждали ее проблемы на своих заседаниях ³⁹.

В особенно запущенном положении находился вопрос обеспечения теплом отдельных учителей. Как и в других регионах страны, на Ямале жилья для педагогов не хватало. При выезде учителей их квартиры заселялись другими работниками, а вновь приезжающие педагоги часто оставались без квартир. Особенно плохо заботились об учителях в Тазовском и Пуровском райисполкомах. Нередко они вообще не имели квартир или их состояние было таково, что о каком-либо обогреве данных помещений трудно было даже вести речь. Так, например, учителей Тазовской школы — Ускова, Скуратова и Кайгородова — вселили осенью 1961 г. в такой дом, через ребристые стены которого можно было наблюдать, как идут катера по реке Таз ⁴⁰. В Самбурге имелся дом, в который селили всех молодых специалистов, прибывавших в местные школы. Поселившиеся в нем в августе учителя, с наступлением морозов, как указывалось в докладе, «разбегаются». Только в начале 1962 г. по этой причине уехали педагоги Кобылица и Фадеева ⁴¹. В Красноселькупском, Пуровском и Тазовском районах учителя плохо обеспечивались топливом, часть коммунальных услуг исполнялась деньгами и то несвоевременно ⁴². В итоге, по этой причине край регулярно терял учительские кадры. И все это происходило на фоне решения XXII съезда КПСС в 1961 г. «обеспечить в Советском Союзе самый высокий жизненный уровень по сравнению с любой страной капитализма» ⁴³.

Не зная, как справиться с данной проблемой, в перечне предложений проверяющего местные школы инспектора можно было встретить такие записи: заведующему школой устранить выявленные недостатки в короткий срок, просить председателя сельского совета обеспечить интернат, учителей и воспитателей дровами ⁴⁴. Ничего, кроме как «просить», директора школ края не могли.

Иногда проблему обеспечения теплом учителей и вовсе невозможно было решить по причине недостроя самой школы. Так, в 1962 г. один из участников окружного апрельского совещания учителей писал: «надо быть поистине энтузиастом, чтобы работать учителем Белоярской школы» ⁴⁵. Выяснилось, что школа начала учебный год в новом, но не сданном в эксплуатацию здании, вследствие чего лишь в редкие дни в течение всей зимы учителя и учащиеся на занятиях снимали пальто. Поэтому перед письменными работами в этой школе разогревали чернила в топках печей, а затем садились в верхней одежде выполнять

письменные работы ⁴⁶. Несмотря на принесенные жертвы, денег на то, чтобы достроить школу, не было выделено и в следующем учебном году. Некоторые строительные работы доделывали силами учащихся ⁴⁷.

Схожие проблемы озвучивали руководители и учителя других общеобразовательных учреждений края. К примеру, директор Горковской школы Изормаков, отмечавший, что у него также имеются проблемы с дровами, не придавал этому главного значения. Он заметил, что в интернате при школе не было также форточек, печи находились в неудовлетворительном виде, само здание школы было в плохом состоянии. Требовалось новое здание, но для его строительства отсутствовали необходимые стройматериалы. Директор вопрошал: «когда они будут?» ⁴⁸

Вопрос об обеспечении школ теплом был, в конечном счете, неотделим от проблемы совершенствования школьной сети, как таковой, — строительства новых, просторных школ. Об отсутствии нормальных школьных зданий говорилось в начале 1960-х гг. даже в окружном центре — г. Салехарде ⁴⁹. При этом в отчетах и докладах окроно регулярно звучала мысль: «совершенно неудовлетворительно ведется строительство школьных объектов» ⁵⁰. Местное руководство, понимая сложность данной проблемы, даже не надеялось полностью ее решить, требуя лишь, чтобы план заготовки дров для школ и учителей выполнялся на 100% к началу учебного года и не менее 50% этих дров доставлялось к сентябрю по месту назначения ⁵¹.

Поэтому, несмотря на все старания местных властей, основным топливом для многих ямальских школ и интернатов и к середине 1960-х гг. по-прежнему оставались дрова. И во многих школах края, как указывают документы, запасов дров на зиму вновь не имелось. Особенно это касалось небольших сельских общеобразовательных учреждений. Редкие примеры иного положения дел непременно упоминались в отчетных документах Ямальского окружного отдела народного образования. Так, одним из исключений в 1965—1966 уч. год была Сидоровская начальная школа ⁵².

Наглядной демонстрацией тревожного положения дел стал опрос 24 директоров общеобразовательных учреждений Ямала, проведенный в феврале 1966 г. на тему обеспеченности подведомственных им школ и интернатов топливом. Ответы показали, что четыре школы (Новопортовская, Антипаютинская, Самбургская, Тазовская) были обеспечены топливом только на один день. Еще 6 директоров заявили, что запасов топлива хватит на срок от двух до десяти дней. И лишь десять директоров утверждали, что они обеспечены дровами и углем на всю зиму ⁵³.

Из-за отсутствия даже аварийного запаса дров многие школы в зимний период, особенно в дни буранов, нередко были вынуждены прерывать свою работу. В зданиях интернатов и школьных столовых при этом стояла минусовая температура ⁵⁴. Естественно, в таких условиях занятия срывались. Так, Таттовская восьмилетняя школа из-за отсутствия дров в 1966 г. не работала около 30 дней, Долгинская — 6 дней, Красноселькупская — 4 дня, Толькинская — 4 дня, Толькинская школа Пуровского района — 6 дней ⁵⁵.

Отсутствие необходимого снабжения топливом приводило, в первую очередь, к тому, что местные педагоги, воспитатели и старшеклассники пытались решать эту проблему самостоятельно. К примеру, в поселке Красноселькупск они много раз ездили за дровами в лес даже при более чем сорокаградусных морозах. В отдельных случаях температура и вовсе опускалась до минус 50 градусов. Причиной подобных экстремальных походов было то, что только в такие дни местный совхоз мог выделить школе трактор ⁵⁶.

В других общеобразовательных учреждениях, например в Новопортовской школе-интернате, по причине отсутствия запаса топлива в условиях жесточай-

ших ямальских морозов учителя и учащиеся также были вынуждены заниматься самозаготовкой мерзлого угля⁵⁷. И здесь не обошлось без ошибок и бездействия хозяйствующих организаций. Местные экспедиция и рыбозавод долгое время спорили о том, кто именно должен был заниматься подвозкой топлива к школе. При этом в обеих организациях имелись в достаточном количестве и рабочая сила, и необходимая школам для заготовки топлива техника⁵⁸.

Ямальский райисполком и райком КПСС неоднократно пытались повлиять на данную ситуацию. Однако положение не менялось. В конце концов, к решению проблемы подключилась газета «Красный Север», обрушившаяся с критикой на директоров этих предприятий — Мальцера и Гринёва. Но и участие средств массовой информации не сдвинуло дело с мертвой точки⁵⁹. Ямало-Ненецкий окружной отдел народного образования предлагал создать в 1966 г. хотя бы переходящий запас угля и дров во дворах школ и интернатов⁶⁰. Такие инициативы действительно могли быть эффективными при возникновении чрезвычайных ситуаций с обеспеченностью топливом в отдельных общеобразовательных учреждениях.

Тем не менее, для многих хозяйственных руководителей было очевидно, что это лишь полумеры. Требовалась централизованная система водяного отопления. Учитывая сложнейшие природно-климатические условия жизни региона, именно для школ Ямало-Ненецкого национального округа переход на центральное отопление должен был стать и, в конечном счете, стал огромным шагом вперед.

Однако для этого не хватало необходимых ресурсов. В начале рассматриваемого периода только в окружной столице — Салехарде — имелись три школы на водяном отоплении. Остальные все еще отапливались дровами⁶¹. Пуск первого школьного объекта с водяным отоплением за пределами административного центра был запланирован в поселке Лабытнанги (неподалеку от Салехарда) в 1960 году⁶². В 1963 г. на Ямал было завезено оборудование в 8 населенных пунктов края с целью перевода 17-ти школьных зданий на центральное отопление. В 1964 г. по плану предполагалось обеспечить центральным отоплением уже 40 школьных объектов. Подобные масштабы государственных планов даже выявили нехватку в регионе соответствующих специалистов. Чтобы ее ликвидировать из Ленинградского политехнического института были вызваны в округ 100 студентов⁶³.

Отказ от дров и переход на новый способ обогрева помещений в последующие годы происходил еще более стремительно. В 1966 г. окружной план предусматривал перевод на центральное отопление 32-х школьных объектов Ямала⁶⁴. Только в 1965—1967 гг. и только в школах Надымского района на центральное отопление было переведено 76 школьных зданий⁶⁵. Еще более активно эта работа проводилась в крупных населенных пунктах региона и, в первую очередь, в административном центре округа — Салехарде. Здесь в 1966 г. отмечалось, что все школы были переведены на водяное отопление, за исключением школы № 5⁶⁶.

Очевидно, что, ко всему прочему, начиная с середины 1960-х гг., возник определенный разрыв между уровнем материально-технического положения школ крупных населенных пунктов края и обеспеченностью всем необходимым удаленных общеобразовательных учреждений. Поэтому в полной мере работа по переводу ямальских школ на центральное отопление к концу рассматриваемого периода завершена еще быть не могла. К тому же, как это нередко бывало в советской делопроизводственной практике, отдельные достижения в решении того или иного вопроса существовали только «на бумаге».

В реальности в салехардских школах в конце исследуемого периода по-прежнему имелись проблемы с организацией отопления. Трудно иначе интер-

претировать слова сотрудника местного горно: «сколько обивала пороги во всех организациях Г. Созонова, чтобы добиться хоть сколько-нибудь удовлетворительного отопления? Можно сказать, что чрезмерно много, и все же было немало срывов в занятиях. Никто строго не спросил с тех, кому положено обеспечивать тепло в школе»⁶⁷. Исходя из этого, мы можем утверждать, что даже в окружном центре Ямала качество организации водяного отопления оставляло желать лучшего.

Подводя итог сказанному, мы должны констатировать, что «битва за тепло» для ямальских школ в 1958—1966 гг. обнажила несколько серьезных проблем. Главной из них была общая бедность системы школьного образования края, ветхость многих школьных зданий, помноженная на внушительные расстояния Ямала, которые сами по себе сделали почти невозможным быстрое проведение преобразований, планировавшихся в стране. Поэтому значительная часть усилий местных школ была направлена на решение задач собственного выживания в условиях жесточайшей зимы.

Заготовка дров и угля стала для директоров школ региона настоящей головной болью, причиной бесконечных перепалок и скандалов с хозяйственными и партийными руководителями округа. Эти дрова в 1958—1966 гг. зачастую либо не доставлялись вовсе, либо доставлялись школе в недостаточных количествах, что вынуждало учителей и школьников с риском для здоровья самим выходить в сорокаградусные морозы в лес за топливом. В противном случае школу могло ждать вынужденное «замерзание».

Второй большой проблемой были особенности хозяйственной деятельности советских промышленных и аграрных предприятий. Находящиеся в сложных условиях советской плановой экономики с ее «твердыми» ценами и вынужденные отвечать ко всему прочему и за судьбы местных школ, они далеко не всегда, как показывают факты, выполняли государственные предписания о продаже школам древесины по фиксированным ценам. Это позволяет вести речь о том, что советская плановая экономика в «глубинке» в годы «оттепели» порой весьма причудливо переплеталась с элементами договорных, рыночных отношений между отдельными руководителями. Лишь переход на центральное отопление школ Ямала, начавшийся в рассматриваемый период, позволил местным школам перевернуть новую страницу своей непростой истории.

Примечания

1. Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа (ГА ЯНАО), ф. 98, оп. 1, д. 279, л. 7.
2. Там же, д. 187, л. 2; д. 276, л. 1.
3. Там же, ф. 120, оп. 1, д. 67, л. 5.
4. Там же.
5. Там же, ф. 98, оп. 1, д. 199, л. 10.
6. Там же, л. 3, 14.
7. Там же, л. 14.
8. Там же, л. 16.
9. Там же, л. 63.
10. Там же, л. 16.
11. Там же, л. 10.
12. Там же, л. 11.
13. Там же.
14. Там же.
15. Там же, ф. 189, оп. 1, д. 23, л. 14.
16. Там же, л. 40.

17. Там же, ф. 98, оп. 1, д. 199, л. 17.
18. Там же, л. 12.
19. Там же.
20. Там же, л. 11.
21. Там же, л. 13.
22. Там же.
23. Там же.
24. Там же.
25. Там же.
26. Там же, л. 13—14.
27. Там же, л. 11.
28. Там же.
29. Там же, л. 12.
30. Там же, л. 13.
31. Там же, л. 11.
32. Там же, ф. 189, оп. 1, д. 23, л. 36—37.
33. Там же, ф. 98, оп. 1, д. 199, л. 57.
34. Там же, л. 13—14.
35. Там же.
36. Там же, л. 14.
37. Там же, л. 11—12, 19, 39—43.
38. Там же, д. 205, л. 2.
39. Там же, ф. 189, оп. 1, д. 23, л. 39.
40. Там же, ф. 98, оп. 1, д. 199, л. 19.
41. Там же, л. 20.
42. Там же.
43. Там же, л. 54.
44. Там же, л. 40.
45. Там же, л. 41.
46. Там же.
47. Там же, л. 41, 47.
48. Там же, л. 41, 73.
49. Там же, л. 79.
50. Там же, л. 105.
51. Там же, л. 106.
52. Там же, д. 279, л. 9.
53. Там же, л. 10.
54. Там же.
55. Там же, л. 9.
56. Там же.
57. Там же, л. 10.
58. Там же.
59. Там же.
60. Там же.
61. Там же, ф. 120, оп. 1, д. 67, л. 5.
62. Там же, л. 3.
63. Там же, ф. 98, оп. 1, д. 279, л. 7.
64. Там же, д. 281, л. 17.
65. Там же, д. 279, л. 41.
66. Там же, л. 56.
67. Там же, л. 70.

«Отгораживание» трупп бывших императорских театров в 1917 г.

П.Н. Гордеев

Аннотация. В статье на основании ранее неизвестных архивных источников и материалов периодической печати впервые описывается явление «отгораживания», возникшее в труппах бывших императорских театров в 1917 году. Особое внимание уделяется двум проявлениям «отгораживания»: борьбе артистических коллективов против именитых коллег-гастролеров и сопротивлению, которое оказывали труппы возможному пополнению своего состава артистами частных театров. Делается вывод о том, что причинами этого явления были, с одной стороны, групповой эгоизм осознавшего свою силу коллектива, с другой — наличие у артистов бывших императорских театров значительных привилегий, которые в новых условиях требовалось отстаивать и защищать.

Ключевые слова: отгораживание, гастролеры, государственные театры, привилегии, групповой эгоизм, революция 1917 г. в России.

Abstract. The article on the basis of previously unknown archival sources and periodical materials for the first time describes the phenomenon of the “enclosure” that emerged in the former imperial theaters troupes in 1917. Particular attention is paid to two issues of the “enclosure”: the struggle of artistic teams against the eminent fellow guest artists and the resistance of the troupes to a possibility of the access to their teams by the artists of the private theaters. It is concluded that the causes of this phenomenon were, on one hand, the group egoism of a team aware of its strength, on the other — the fact that the artists of the former imperial theaters possessed significant privileges which in the new conditions required to be upheld and defended.

Key words: enclosure, guest artists, State theatres, privileges, group egoism, the 1917 revolution in Russia.

Февральская революция, низложив старый режим с его чинной, веками складывавшейся иерархией, дала мощный толчок разнообразным эгалитаристским тенденциям, охватившим российское общество. Коснулось это и бывших императорских театров (ставших теперь государственными), проявляясь, в частности, в требованиях ликвидации либо радикального сокращения бесплатных мест, предназначавшихся ранее для первых лиц государства, чинов Министер-

Гордеев Пётр Николаевич — кандидат исторических наук, доцент Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, докторант. Санкт-Петербург. E-mail: petergordeev@mail.ru.

Gordeev Petr N. — Ph.D., associate professor in State Pedagogical University of Russia named after A.I. Herzen, person working for degree of doctor. St. Petersburg. E-mail: petergordeev@mail.ru.

ства двора и театральной администрации, и отмены абонементов, «закрепошавших» театр, не пропускавших в него «демократический элемент»¹. Отчасти в этом же ряду стоит и развернувшаяся в прессе и в кругах театральной общественности дискуссия, в центре которой оказались гастролирующие артисты.

Индивидуальные гастроли — термин, возникший из сочетания двух немецких слов — «гость» (“Gast”) и «роль» (“Rolle”) — выдающихся мастеров сценического искусства получили распространение еще в XVIII веке². Отношения между приглашенными «звездами» и рядовыми артистами всегда были непростыми — хотя бы из-за гораздо большего жалования, получаемого первыми. С возникновением во второй половине XIX столетия театров, ориентированных на сплоченность актерского ансамбля (мейнингенцы, МХТ и др.) обострилась еще одна связанная с гастролерами проблема — чуждость «гостя» сложившейся, спаянной многочисленными совместными работами труппе, что, конечно, могло сказаться на художественном уровне спектакля. Накануне революции в печати велась активная полемика о влиянии индивидуальных гастролей на уровень спектаклей; так, например, за две недели до падения монархии московская «Театральная газета» опубликовала статью на эту тему известного артиста Н.П. Россова («одного из последних актеров-гастролеров», по выражению автора энциклопедического очерка о нем³). Россов отстаивал права своих коллег: «Подлинный гастролер прежде всего существо, специализировавшееся на каком-нибудь одном репертуаре. Это сразу отличает гастролера от сезонных актеров особой капитальной, законченной лепкой ролей, исчерпанной во всех деталях»⁴.

Традиционное противостояние между гастролером и «коллективом» перешло в новую фазу после Февральской революции, когда политический вес последнего значительно повысился. Внутри трупп государственных (бывших императорских) театров это привело в определенному падению авторитета премьеров. Директор театров В.А. Теляковский записал 11 марта в дневнике: «Маленькие стали обижать больших»⁵. В их же отношениях с внешним миром данная тенденция проявилась в принятых почти одновременно, в конце марта, артистами Мариинского, Александринского и Большого театров⁶ постановлениях о сохранении в «нынешнем сезоне» наличного состава трупп неизменным и запрете приема в труппу новых артистов до начала следующего сезона (то есть до 30 августа 1917 г.)⁷. В.Ф. Безпалов, занимавший в 1917 г. пост коменданта петроградских государственных театров, отмечал в своих мемуарах, что «это стремление самоокопаться было направлено против артистов частных театров», мечтавших попасть на «образцовую» сцену⁸. Из подобного «отгораживания» логически вытекал и следующий шаг — запретить, в интересах «наличного состава» трупп, выступления гастролеров. И вскоре он был сделан.

Режиссер Мариинского театра Н.Н. Боголюбов, выступая 9 апреля перед артистами с речью, озаглавленной «Самоуправление Мариинского государственного театра», призвал своих коллег «после гастрольно-хищнической системы ведения дел в Мариинском театре перейти к хозяйству рационального ансамбля»⁹. Хотя далеко не все мысли оратора соответствовали тенденции «отгораживания» (в частности, режиссер призывал пополнить существующую труппу новыми артистами), нападки его на гастролеров явно пришлись ко двору. В самом скором времени в газетах появились заметки о том, что «оперный комитет» Мариинского театра¹⁰ высказался против гастрольной системы «как противоречащей художественным задачам театра», в связи с чем отменялись запланированные гастроли артистов Д.А. Смирнова, М.Н. Кузнецовой и Л.Я. Липковской (впрочем, касательно Смирнова была сделана оговорка, что вопрос о его выступлениях еще не вполне решен, ввиду заключенного с ним ранее контракта, при нарушении которого пришлось бы платить неустойку). Единственное

исключение члены комитета постановили сделать для Ф.И. Шаляпина, которому по-прежнему разрешались гастроли на государственной сцене ¹¹.

Новость об отмене труппой Мариинского театра выступлений гастролеров вызвала неоднозначную реакцию театральной общественности. В поддержку такого решения высказался известный театральный критик Б.П. Никонов, опубликовавший в петроградском «Обзрении театров» целый ряд статей, в которых гастрольная система именовалась «несчастьем», а ее отмена — «важным и полезным новшеством» ¹². В заметке, целиком посвященной этому вопросу, Никонов разъяснял и уточнял свою позицию: «Острота вопроса здесь коренится в нарушении гастрольною системою принципа справедливости. Не *равенства*, которого в среде талантов и в сфере искусства и не было и не будет, а именно *простой справедливости* ¹³. Артисты вправе негодовать, когда постороннему для их семьи человеку приносится в жертву все: и особо повышенное вознаграждение, и особый репертуар, и особое внимание администрации, и когда чуть ли не перестраиваются для одного исполнителя самые подмостки... И притом для кого? Для того, кто сам еще так недавно был в составе данной труппы и, как таковой, как “свой человек” не смел и думать тогда ни [о] какой такой перестройке и исключительности...». Никонов отмечал далее, что «применительно к г-жам Липковской и Кузнецовой это именно так и есть: эти артистки считались просто выдающимися исполнительницами и любимицами публики (однако наравне и с другими артистами Мариинского театра). И только! Стоило однако им уйти из труппы — и они превратились в гастролерш, т. е. в полубогинь, и их уже “приглашают в гости” в театр с поклонами, с особым почтением, и они уже “затирают” и оттесняют в сторону остальную труппу». Критик завершал свою мысль призывом: «необходимо прекратить это особое идоложертвенное служение гастролерам. Пожалуйте к нам в гости, но кушайте то же самое, что кушаем мы сами. Будьте добрыми гостями, но не их величествами. Пойте то же самое, что у нас включено в репертуар, а не то, что у вас на примете» ¹⁴.

Никонов был не одинок в своих взглядах. Подобные же «антигастролерские» идеи содержались, к примеру, в письме неравнодушного к театру уфимского губернатора (уходящего уже со своего поста ¹⁵) П.П. Башилова, написанном 22 апреля и адресованном комиссару Временного правительства над бывшим Министерством двора Ф.А. Головину. Среди прочих театральных реформ Башилов советовал комиссару «гастролерные спектакли давать в виде исключения, а в качестве правила иметь задачу государственных театров ансамблевое, стройно-художественное, реальное исполнение оперных, драматических и хореографических произведений лучших авторов» ¹⁶.

Наряду с выступлениями тех, кто поддерживал решение артистов Мариинского театра, начали раздаваться и голоса в защиту гастролеров. Так, некий театрал, приславший (под псевдонимом «Р. А. Л.») письмо в редакцию «Обзрения театров», не отрицая недостатков гастрольной системы, обращал внимание на то, что именно теперь публика нуждается в артистах исключительного таланта: «Для утомленных, притупленных нервов зрителя наших дней надо нечто выше среднего обыденного уровня, надо сильное и глубокое дарование артиста, чтобы действительно в душу его вошло умиротворяющее ощущение большой красоты, дающее и силы и бодрость, — то ощущение, которого теперь только и требуешь от театра... И вот наш принцип: как можно чаще и чаще приводите в соприкосновение крупных талантов сцены с публикой. Дайте ей самых глубоких и сильных выразителей прекрасного. Теперь такое желание не прихоть, а настойчивая потребность духа». Ради торжества этого принципа, утверждал автор письма, «можно пожертвовать многим. Именно теперь нельзя осуждать систему гастролей, нельзя прикрепить большой талант к одному теат-

ру. Пусть его видят все и в разных местах... Для меня, для зрителя, безразлично, какая в Мариинском театре система — гастрольная или иная. Для меня важно найти в театре то, чего единственно я от него теперь желаю». Наконец, в завершающей части письма, несмотря на данное ранее обещание исключить все возможные мотивы выступившей против гастролеров труппы, «кроме наиболее принципиальных», автор письма все же не удержался от намека на личную заинтересованность менее талантливых артистов в борьбе с гастролерами: «В Мариинском театре на рядовых спектаклях скучно, скучно и скучно. И решено не прерывать течения этой скуки ни гастролями г-жи Кузнецовой, ни другими гастролями»¹⁷.

Спустя две недели на страницах того же издания появилось еще одно «письмо в редакцию», подписанное схожим псевдонимом («Р. Л-т»; возможно их автором был один и тот же человек) и проникнутое теми же мыслями: «Мариинские артисты прочно гарантируют себе внимание публики, изолировав свою сцену от ненужных талантов — гастролеров (что, по-видимому, звучит там подобно слову “буржуй” в крайней прессе). Театр благоденствует...» — иронизировал автор. Указывая на то, что подлинное искусство «не знает иных критериев кроме таланта», он продолжал: «Зато знает их Мариинский театр. Гастролеры слишком требовательны, слишком концентрируют на себе внимание зрителей. Это — несправедливо относительно товарищей. Поэтому им и сказано: “вход воспрещен”»¹⁸.

Компромиссную позицию в споре о гастролерах заняла редакция московских «Новостей сезона». Издатель и ведущий журналист этой газеты С.Л. Кугульский, соглашался в принципе с тем, что «гастрольная система всегда признавалась вредной: об этом не может быть двух мнений», называя решение труппы Мариинского театра «теоретически и принципиально» правильным, отмечал: «а между тем и Смирнов, и Липковская, и Кузнецова представляют интерес... Прежняя дирекция тоже понимала вред гастролей, но, считаясь с жизнью, шла на компромисс. А автономная труппа, пользуясь молодой, незрелой автономией, выносит радикальные решения, не считаясь ни с какими компромиссами». Из всего этого получались, по мнению Кугульского, «пока как будто бы результаты отрицательные»¹⁹.

Большой интерес представляет мнение по данному вопросу главного представителя «прежней дирекции», директора государственных театров В.А. Теляковского. 22 апреля он записал в дневнике: «В газетах, так нападавших на гастрольную систему, теперь, когда узнали, что гастролеров, т. е. лучших артистов, в опере не будет, появился вопль и стон. ... Артисты Мариинского театра предложили себя одних — но перспектива этого состава, видимо, публику не прельщает. Я довольно знаю артистов — и конечно убежден, что им не потому не нравятся гастролеры, что они нарушают какую-то систему (у русских артистов вообще никогда никакой системы не будет), а просто это их опасные конкуренты, ясно доказывающие, что они и поют лучше, и публику приманивают». Остальным же артистам, продолжал выставлять свой суровый диагноз Теляковский, просто «хочется быть именно теми раками, которых по необходимости подают на безрыбье»²⁰.

Отрицательное отношение к артистам-гастролерам продолжало сохраняться в среде деятелей государственных театров и осенью 1917 года. В частности, управляющий труппой Александринского театра режиссер Е.П. Карпов, выступая 26 сентября на заседании так называемой «Комиссии десяти», призванной разработать желательный для самих театров проект их реорганизации, говорил: «Переход актеров из одного театра в другой вреден. Уезжая в провинцию, актер заражается общей дурнотонностью, гастролерством, убивает в себе чувство меры, обусловленное своей средой». По мнению Карпова, также вреден был и пере-

ход провинциальных актеров в Александринский театр, так как они будут «всегда не в ансамбле, гастролеры»²¹. Очевидно, что понятие «гастролер» имело в глазах этого крупного театрального деятеля негативное значение, которое он не считал нужным обосновывать перед хорошо его понимавшей аудиторией.

Труппа Мариинского театра вернулась к вопросу о гастролерах в ноябре, и вновь это было связано с выступлениями тенора Смирнова. Отметим, что данный артист, несмотря на апрельские постановления Временного комитета по текущим делам государственной петроградской оперы, все же был допущен на сцену театра. Так, например, 14 ноября управляющий оперной труппой А.И. Зилоти сообщал управляющему Канцелярией главноуполномоченного по государственным театрам Л.Д. Мецнеру о том, что «артист Д.А. Смирнов предполагал прибыть 6 Ноября, был помещен в репертуар на 10 ноября, но не прибыл из Москвы (расстройство ж[елезных] д[орог] из-за переворота большевиков) и был замещен арт[истом] Н.А. Большаковым». Однако 21 ноября Смирнов, приехавший из Москвы в Петроград, обратился в Управление государственных театров с заявлением, в котором просил из 25 спектаклей в Москве и Петрограде, предусмотренных его контрактом, «оставить лишь в силе 15 спектаклей, которые должны состояться только в Москве», а от спектаклей в Мариинском театре «освободить меня окончательно, без каких-либо неустоек с обеих сторон»²². Просьба Смирнова вызвала горячую поддержку у А.И. Зилоти, написавшего на прошение артиста: «Как с практической, так особенно с художественной стороны считаю просьбу Д.А. Смирнова для Мариинского театра не только желательной, но особенно счастливым обстоятельством. Возрадовавшись этому, посланному Богом, случаю, я *убедительно, всей душой и сердцем прошу и умоляю* (курсив Зилоти. — П.Г.) немедленно исполнить желание Смирнова. Неисполнение желания Смирнова поставит *меня в самое критическое* положение по отношению к моей должности». Вероятно, Зилоти имел в виду «антигастролерские» настроения в самой труппе, которые, по всей видимости, разделял и он сам. Что же касается Художественно-репертуарного комитета (далее в тексте — ХРК) оперной труппы, то он, на заседании от того же 21 ноября, не только решил «просьбу Смирнова удовлетворить», но и вынес более общее постановление, касавшееся вопроса о гастролях: «Единоголосно принято считать гастрольную систему неприемлемой, делая исключения только в особых случаях, причем каждый случай рассматривать отдельно»²³. Таким образом, и после большевистского переворота, когда вопрос о будущем «образцовой» сцены стоял особенно остро, артисты Мариинского театра ничуть не смягчили свою позицию касательно гастролеров²⁴.

В сентябре 1917 г. в Александринском театре произошел еще один инцидент, связанный с тем, что мы называем «отгораживанием» трупп государственных театров. Как уже упоминалось выше, вскоре после революции артисты трех театров постановили не делать новых приемов в труппы до начала нового сезона. В мае на эту тему высказался и главноуполномоченный по государственным театрам Ф.Д. Батюшков, заявивший, что «никаких новых приемов до 1-го сентября 1918 года на сценах государственных театров не будет» (исключение делалось только для балета)²⁵. Заявление Батюшкова лишь на первый взгляд находилось в согласии с мнением артистического сообщества; в данном случае он действовал по указанию комиссара Временного правительства над бывшим Министерством двора Ф.А. Головина, который выбрал эту дату, чтобы предоставить правительству в будущем (когда оно займется реформированием государственных театров) «свободу действий», в том числе и в плане существенного обновления трупп. Таким образом, мотивы Головина (и Батюшкова, как его главноуполномоченного), заключавших контракты с артистами по 1 сентября 1918 г., чтобы к этому дню иметь правовую возможность

радикальной «чистки» театров (а потому и не желавших пока нового набора в труппы, чтобы не усложнять себе задачу), были противоположны желаниям самих артистов. Впрочем, последние в полной мере узнали о замысле комиссара лишь в середине сентября 1917 года ²⁶.

На этом беспокойном для казенной сцены фоне, в конце лета актриса петроградского Суворинского театра Н.Н. Музиль-Бороздина, представительница известной актерской династии, обратилась в ХРК Александринского театра с просьбой о зачислении ее в состав труппы. Отметим, что слухи о принятии ее на службу в этот театр осенью 1917 г. циркулировали еще до Февральской революции ²⁷. Музиль-Бороздина, знавшая о постановлении александринцев насчет новых приемов, находилась в постоянной переписке с Е.П. Карповым, с которым была знакома уже много лет (первая ее датированная телеграмма Карпову, отложившаяся в личном фонде последнего в РГАЛИ, относится еще к 1908 году). «Шлю сердечный привет, умоляю, не забудьте про меня» — телеграфировала артистка лидеру александринцев из Одессы 16 мая 1917 г., а три дня спустя, играя на самолюбии Карпова, поздравила с постановкой в Одессе его пьесы «Зарево», прошедшей с «громадным, блестящим успехом» ²⁸.

В июне-июле (события, состоявшиеся в мае, описаны в документе в прошедшем времени, а предстоящие в августе — в будущем) Музиль-Бороздина отправила Карпову обстоятельное письмо с рассказом о своих хлопотах, касавшихся предстоящего вступления в труппу Александринского театра. К тому времени она уже успела переговорить с некоторыми артистами, а именно с Р.Б. Аполлонским («котор[ый] мне обещал лично объездить всех товарищей и поговорить с ними и попросить за меня») и А.Ф. Новинским («который сказал, чтобы я была спокойна, так как он всех и все подготовит до заседания. А также сказал, что если Вы выразите свое желание иметь меня в труппе и скажете, что я нужна, то это будет все, так как все очень считаются с Вашими желаниями и с Вашим мнением»). Побывала она и у Батюшкова, заверившего Музиль-Бороздину, что он «будет приветствовать мое вступление в труппу и заранее говорит свое “да”». Тут же, немного уколов в адрес нерасторопного Карпова — артистка передала ему слова главноуполномоченного: «“Почему же Карпов не внес Вас в список бюджета? Ведь я его просил, пересматривая второй раз бюджет в мае месяце, сказать мне не нужен ли еще кто в труппу?” И сказал, что он очень жалеет, что Вы не сказали ему про меня в мае при составлении бюджета, тогда, по его словам, вопрос был бы покончен уже». Музиль-Бороздина делилась с Карповым и планами на ближайшее будущее: «Больше никого не удалось повидать, оставляю до начала августа, тогда со всеми поговорю и попрошу. Убедительно прошу Вас, если все съедутся раньше и заседания начнутся, умоляю — сообщите мне, я сейчас же прикачу» ²⁹. Таким образом, как видим, артистке перед началом театрального сезона удалось заручиться согласием на вступление в труппу ряда своих будущих коллег, а также главноуполномоченного по государственным театрам, выступавшего до этого в прессе с обещанием новых приемов не допускать.

ХРК Александринского театра рассматривал прошение Музиль-Бороздиной на нескольких заседаниях ³⁰ и в итоге большинством голосов постановил его удовлетворить. Вскоре известие о принятии актрисы в бывшую императорскую труппу появилось и в печати ³¹. Однако уже на следующем после утверждения заседании трое членов комитета (Г.Г. Ге, М.А. Потоцкая и Е.И. Тиме ³²) подали особое мнение, которое, в пересказе Батюшкова (написавшего об этом 12 сентября комиссару Ф.А. Головину), заключало в себе протест «против состоявшихся выборов по мотивам отсутствия свободных средств по смете, наличности в труппе других артисток на то же амплуа и недостаточной яркости дарования избранной артистки»; подписанты предлагали «перенести воп-

рос об избрании названного лица на общее собрание». Батюшков считал такую позицию некорректной, так как «заявление об особом мнении должно было предшествовать выборам, и лица, его подписавшие, должны были воздержаться от баллотирования, а во всяком случае, приняв участие в голосовании, они себя тем самым лишили права подавать особое мнение задним числом, после состоявшегося избрания»³³. Не желая однако провоцировать конфликт в самом начале деятельности ХРК (сформировавшегося и приступившего к работе после долгих выборов лишь в конце августа³⁴), главноуполномоченный предложил ХРК и лично Карпову компромиссный вариант: с одной стороны, признать избрание Музиль-Бороздиной в состав труппы Александринского театра «совершившимся фактом, как оно и есть, но в принципиальном значении, т. к. актом избрания оказана должная честь таланту г-жи Музиль-Бороздиной и ее артистическим заслугам: она признается, по большинству голосов, заслуживающей звания артистки государственных театров и достойной вступить в состав труппы, буде это окажется нужным», с другой — оставить открытым вопрос о реальном зачислении артистки в состав труппы и заключении с ней контракта «впредь до того времени, когда Комитет признает нужным ее активное участие в деятельности труппы, т. е. сочтет возможным поручить ей роль в той или другой пьесе»³⁵.

Однако подавшие особое мнение артисты, к которым теперь присоединились Новинский (как видим, позабывший про свои обещания, данные Музиль-Бороздиной летом) и Юрьев (создав тем самым большинство в ХРК, состоявшем из девяти человек³⁶), были настроены непримиримо. От имени этой группы один из ее членов, Ге, написал 9 сентября письмо Батюшкову, в котором упрекал главноуполномоченного: «мы находились в ожидании обещанного Вами проекта письма Вашего к г. Музиль, устранявшего самую возможность заключить контракт в настоящее время. Очевидно, резолюция Ваша заменяет это письмо и тем самым не только не устраняет, но, к сожалению, осложняет “конфликт”». Ге и его товарищи настаивали на том, что «в настоящее время, не удовлетворив насущных потребностей труппы, совершенно немыслимо приглашение новых, хотя бы, при нормальных условиях, и желательных сил. Заключение же контрактов без жалования, по нашему общему мнению, высказанному еще до переговоров с г. Музиль, принципиально совершенно недопустимо»³⁷.

Получивший это послание Батюшков, в свою очередь, писал 12 сентября Головину: «Позвольте обратиться к Вашей компетенции, как общественного деятеля, с просьбой дать разъяснение по одному вопросу, возбуждавшему мои сомнения в правильности порядка³⁸ принятых постановлений Художественно-Репертуарного Комитета драматической труппы Государственных Театров». Изложив фактическую сторону дела и позицию ХРК, главноуполномоченный писал своему начальнику о весьма скромных требованиях самой артистки, которая «просит заключить с ней контракт с 1-го февраля 1918 года, причем, не предрешая условий денежного вознаграждения, она принимает на себя лишь обязанность явиться по первому зову Комитета, когда он признает это нужным, для дебюта на сцене Александринского театра и только после этого дебюта должны быть выработаны материальные условия ее активного участия в деятельности труппы». От пересмотра же вопроса о ее избрании общим собранием артистов Музиль-Бороздина «отказывается, считая свое избрание свершившимся фактом». Заключение контракта на этих условиях представлялось Батюшкову «приемлемым», а избрание актрисы в состав труппы — «состоявшимся вполне законно». Головин в ответном письме Батюшкову от 13 сентября заявил: «я вполне разделяю все высказанные Вами в этом письме соображения»³⁹.

История с приемом Музиль-Бороздиной на службу в Александринский театр закончилась довольно неожиданным образом. Через неделю после отправки Батюшковым цитированного выше письма Головину ХРК Александринского театра в полном составе подал в отставку, жалуясь на недоверие и давление со стороны труппы⁴⁰. 28 сентября Батюшков вновь обратился к комиссару над бывшим МИДв — с просьбой, «ввиду создавшегося положения в драматической труппе Государственных Театров», впредь до избрания нового состава ХРК «поручить Главноуполномоченному совместно с Управляющим труппой выполнять обязанности Комитета». В тот же день Головин наложил на отношении Батюшкова положительную резолюцию⁴¹. Возникший таким образом дуумвират Батюшкова и Карпова немедленно воспользовался своим полномочием, и уже 30 сентября был подписан контракт Управления государственных театров с Музиль-Бороздиной⁴².

Упорное сопротивление, которое члены ХРК Александринского театра оказывали приему в состав труппы новой артистки (причем прежде всего по принципиальным мотивам, а не в связи с ее личными качествами и достижениями) и борьба их коллег из Мариинского театра против гастролеров представляют из себя, по нашему мнению, проявления одного и того же процесса. Думается, что вводимый в настоящей статье термин «отгораживание» более или менее полно отражает его суть. Главной причиной «отгораживания» трупп бывших императорских, а затем — государственных театров являлся групповой эгоизм, свойственный любому коллективу, но получивший в 1917 г. уникальные возможности для самореализации.

В сентябре 1917 г. Батюшков, давая интервью «Петроградской газете», говорил о том, что «теперь производится опыт введения в организации внутренней жизни театров начал самоуправления и художественного самоопределения артистических коллективов». Упомянув при этом, что «в печати уже высказывались взгляды дирекции на ближайшие задачи государственных театров»⁴³, которые, однако «встретили ряд возражений... со стороны известных публицистов и критиков», главноуполномоченный заявил: «Теперь преждевременно отвечать на принципиальные возражения... Будущее покажет, настоящее уже показывает»⁴⁴. Последняя фраза в сокращенном и слегка переделанном виде неоднократно использовалась публицистами, насмехавшимися над идеализмом Батюшкова. В вышедшем через день номере той же газеты, сообщая о самороспуске ХРК Александринского театра, автор заметки иронизировал: «Не прошло суток, (после публикации интервью с Батюшковым. — П. Г.) как “коллектив” действительно себя “уже показал”. Только с какой стороны?»⁴⁵. А. Р. Кугель, размышляя в своем журнале над будущими («через несколько месяцев») «демократическими» спектаклями в Александринском театре («Хор гармонистов на “двухрядках” венчает первую часть программы. Потом идет повторение спектакля работников и работниц из Новой Деревни, и в заключение — “трепак” в огненном исполнении Митьки Безрылого и Машки Кудластой»), высмеивал позицию главноуполномоченного: «Что касается Ф. Д. Батюшкова, то — вещь замечательная! — он, подобно рыцарю Грюнвальдусу, все в той же позиции будет сидеть, наблюдая самоопределение коллектива, который себя “показал”, “показывает” и “покажет”»⁴⁶.

Рассмотрев, таким образом, фактическую сторону того явления, которое мы называем «отгораживанием» трупп государственных театров в 1917 г., представляется возможным сделать определенные выводы. Во-первых, следует констатировать, что эти артистические коллективы, взяв себе, под лозунгом театральной «автономии», максимальные права в области самоуправления, отождествляя свои интересы с интересами театра, и наконец, будучи тесными со всех сторон артистами частных театров и демократически настроенными крити-

ками, не устававшими указывать на несправедливость привилегированного положения «образцовой» сцены, «показали» то, что только и могли «показать» в данных условиях — групповой эгоизм, выразившийся в стремлении всячески отгородиться от конкурентов.

Во-вторых, отметим, что «отгораживание» шло по нескольким «линиям обороны» — и против поступления на казенную сцену артистов частных театров, и против своих же, но более успешных, коллег — гастролеров. Весьма характерно, кстати, что в среде «государственных» артистов гастрольная система совершенно не считалась чем-то предосудительным, если речь шла об их собственных гастролях на частной сцене. В течение 1917 г. Батюшкову приходилось неоднократно обращаться к артистам, напоминая им о недопустимости (согласно контрактам) подобных выступлений во время сезона⁴⁷.

В-третьих, хотя групповой эгоизм «автономного» коллектива встречался в революционную эпоху, конечно, не только в артистической среде, все же положение артистов бывшей императорской сцены имело и свои уникальные особенности. Они относились к элите всего театрального сообщества России (и в статусном, и в финансовом аспектах), а потому их коллективные стремления носили, в основном, «оборонительный» характер и были направлены на защиту уже существующих привилегий.

В-четвертых, многие требования служителей Мельпомены и Терпсихоры, помимо эгоистического, имели, несомненно, и художественный подтекст, зачастую очень тесно между собой переплетавшиеся (например, вопрос об индивидуальных гастролях). А это уже, в сочетании с тем общественным вниманием, которое уделялось жизни и деятельности артистов государственных театров, подразумевало вовлечение в их противостояние с коллегами по сцене или с администрацией еще и третьей стороны — публики (прежде всего, в лице ее наиболее активной части — сообщества театральных критиков). Положительные либо отрицательные оценки, дававшиеся печатью каждому шагу «автономных» трупп, не могли, конечно, не влиять в определенной степени на самих артистов. Из этих слагаемых и возникло в 1917 году незнакомое прежней императорской сцене явление «отгораживания» — феномен революционного лихолетья в русской жизни и русском театре.

Примечания

1. Journal of Modern Russian History and Historiography. 2012, vol. 5, p. 94—120.
2. Театральная энциклопедия. Т. I. М., 1961, с. 1120.
3. Там же. Т. IV. М. 1965, с. 664.
4. РОССОВ Н. Право на гастроли. — Театральная газета. 19.II.1917.
5. Архивно-рукописный отдел Государственного центрального театрального музея им. А.А. Бахрушина (АРО ГЦТМБ), ф. 280, № 1325, л. 58.
6. Отмена дебютов и пробы голосов. — Петроградская газета. 26.III.1917; Состав труппы остается без изменения. — Там же. 28.III.1917; Большой театр — Раннее утро. 30.III.1917.
7. «Вот как артисты оперы поняли плоды революции и свободы России» — записал 26 марта в своем дневнике директор государственных театров В.А. Теляковский по поводу соответствующего постановления труппы Мариинского театра. «Кажется, дальше уже идти нельзя — отныне казенный пирог будут кушать исключительно привилегированные артисты — и прежний свободный доступ всей артистической России воспрещен артистами Государственных Театров, вот до какого эгоизма могут дойти эти незрелые дети. Все для нас — ничего другим — хорош девиз свободной России!!!»: АРО ГЦТМБ, ф. 280, № 1325, л. 79об.—80.

8. БЕЗПАЛОВ В.Ф. Театры в дни революции 1917. Л. 1927, с. 46.
9. [БОГОЛЮБОВ Н.Н.] Речь Н.Н. Боголюбова, произнесенная на Общем Собрании артистов Государственной оперы 9-го апреля 1917 г. — Театр и искусство. 1917, № 17, с. 273.
10. Полное его название — «Временный комитет по текущим делам государственной петроградской оперы»; председателем комитета в то время являлся известный дирижер Н.А. Малько. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 497, оп. 6, д. 5119, л. 1.
11. Театральный курьер. — Петроградский листок. 13.IV.1917; Хроника. — Обозрение театров. 18—19.IV.1917; Упразднение гастрольной системы. — Петроградская газета. 22.IV.1917.
12. НИКОНОВ Б. Несчастье. — Обозрение театров. 22—23.V.1917; НИКОНОВ Б. Цеппелины над театрами. — Там же. 27.IV.1917.
13. Слова выделены в цитируемом источнике — П.Г.
14. НИКОНОВ Б. Гастроли без красной строки. — Там же. 30.IV—1.V.1917.
15. Он был уволен, «согласно прошению», с 1 мая 1917 г.: Указы Временного Правительства. — Вестник Временного правительства. 2.VI.1917.
16. РГИА, ф. 497, оп. 6, д. 5114, л. 67.
17. Р. А. Л. Разные принципы (письмо в редакцию). — Обозрение театров. 22.IV.1917.
18. Р. Л-т. В защиту таланта. (Письмо в редакцию). — Там же. 5.V.1917.
19. МЫ. [КУГУЛЬСКИЙ С.Л.] У рампы. — Новости сезона. 19—20.IV.1917.
20. АРО ГЦТМБ, ф. 280, № 1325, л. 110.
21. Отдел рукописей и документов Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства (ОРД СПбГМТиМИ), ф. 67, ГИК 22056, л. 20.
22. РГИА, ф. 497, оп. 5, д. 2909, л. 145, 149об.—150. Желание артиста уйти из Мариинского театра вызревало давно. Еще 17 марта 1917 г. директор театров В.А. Теляковский записал в дневнике о состоявшейся у него в этот день беседе с Д.А. Смирновым: «Он не хочет оставаться в оперной труппе — и просил разрешения расторгнуть с ним контракт — на что я ему ответил, что права на это не имею»: АРО ГЦТМБ, ф. 280, № 1325, л. 69об.
23. РГИА, ф. 497, оп. 5, д. 2909, л. 148, 150—150об. Главноуполномоченный по государственным театрам Ф.Д. Батюшков наложил на выписку из протокола заседания ХРК резолюцию, игнорировавшую принципиальную часть постановления ХРК: «В результате переговоров со Смирновым нахожу возможным сделать перерыв в его спектаклях с тем, чтобы он допел остающиеся спектакли весной (в Апреле)»: Там же.
24. Любопытно, что по вопросу о дебютах оперная труппа и ее управляющий были настроены, несмотря на мартовское постановление, более либерально. Так, 7 ноября Зилоти обратился к Ф.Д. Батюшкову с просьбой «разрешить дебют тенору Левицкому», на что главноуполномоченный ответил согласием. Там же, оп. 6, д. 5119, л. 21.
25. На казенную сцену не будет приемов. — Петроградская газета. 10.V.1917.
26. Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2012 год. СПб. 2013, с. 589.
27. Театральное эхо. — Петроградская газета. 23.II.1917.
28. РГАЛИ, ф. 770, оп. 1, д. 223, л. 3, 4, 5.
29. Там же, л. 45—46 об.
30. ОРД СПбГМТиМИ, ф. 67, КП 7042/1—16, л. 1.
31. Новый ангажемент. — Петроградская газета. 3.IX.1917; Театр и музыка. — Речь. 8.IX.1917.
32. Установлено по письму, написанному 9 сентября актером Г.Г. Ге от имени М.А. Потоцкой, А.Ф. Новинского, Е.И. Тиме, Ю.М. Юрьева и своего собственного. В этом письме, адресованном Ф.Д. Батюшкову, Ге упоминал о том, что, «ознакомившись с последними обстоятельствами», Новинский и Юрьев «примыкают к членам комитета, подавшим особое мнение» — то есть к самому Ге, Потоцкой и Тиме. Рукописный отдел Института русской литературы РАН (РО ИРЛИ), № 15627, л. 1.
33. РГИА, ф. 497, оп. 6, д. 5120, л. 9—9об.

34. Первое заседание нового комитета. — Петроградская газета. 30.VIII.1917.
35. РО ИРЛИ, № 15627, л. 3. Цитируется по черновику отношения Ф.Д. Батюшкова, адресованного ХРК Александринского театра и Е.П. Карпову.
36. Выборы в худож. репертуарный комитет. — Петроградская газета. 27.VIII.1917.
37. РО ИРЛИ, № 15627, л. 1—1об. Отметим, что Г.Г. Ге и его товарищи требовали исполнения Батюшковым его же собственного заявления, сделанного в мае, о том, что новых приемов в труппы до 1 сентября 1918 г. не будет.
38. Так в тексте.
39. РГИА, ф. 497, оп. 6, д. 5120, л. 9—10.
40. Отставка художественно-литературного комитета. — Петроградская газета. 22.IX.1917; Театрал. Г. Юрьев — о причинах отставки худ.-реп. комитета. — Там же. 26.IX.1917.
41. РГИА, ф. 497, оп. 6, д. 5120, л. 16.
42. Театральное эхо. — Петроградская газета. 3.X.1917. «Карпов под шумок, пока репертуарн[ый] комитет подавал в отставку, втер таки в труппу Музиль-Бороздину» — отметила 6 октября в своем дневнике писательница С.И. Смирнова-Сазонова, мать актрисы Александринского театра Л.Н. Шуваловой. РО ИРЛИ, ф. 285, № 66, л. 421.
43. БАТЮШКОВ Ф. Ближайшие задачи государственных театров. — Речь. 17.V.1917.
44. Р. Какая участь ожидает государственные театры при новом строе жизни? — Петроградская газета. 21.IX.1917.
45. Отставка художественно-литературного комитета. — Там же. 22.IX.1917.
46. НОМО NOVUS. [КУГЕЛЬ А.Р.] Заметки. — Театр и искусство, 1917, № 40, с. 693.
47. Казенные артисты обесценивают государственные театры. — Петроградская газета. 30.VIII.1917; Обращение г. Батюшкова к артистам. — Там же. 24.X.1917.

Хлебный приказ в 1655—1679 гг.

Л.Ю. Варенцова

Аннотация. Особое место в системе центральных органов власти XVII в. занимала группа дворцовых приказов, ведавших обслуживанием царского хозяйства и двора. Хлебный приказ управлял дворцовым хозяйством по всему Российскому государству. Вопреки его особой значимости в системе органов власти, в исторической литературе не существует специальных исследований, посвященных его функционированию. Цель данной работы — проанализировать деятельность Хлебного приказа в XVII веке. Использовались работы известных российских дореволюционных историков А. Лаппо-Данилевского, А.И. Заозерского, исследователей советского и постсоветского периодов С.Б. Веселовского, С.К. Богоявленского, Я.Е. Водарского. Источниковой базой послужили мемуары современника царя Алексея Михайловича Г.К. Котошихина, документы приказного делопроизводства. Исследованы структура, функции Хлебного приказа, определены его роль и место в системе высших центральных органов власти. Особое внимание уделено территориям, находившимся в ведении данного приказа.

Ключевые слова: Хлебный приказ, дворцовые города, села и волости, дворцовые вотчины.

Abstrac. The group of court orders, directing the maintenance of the Royal household and court occupied a special place in the system of Central authorities of the seventeenth century. The Bread order ruled the Palace economy throughout the Russian state. In spite of the special significance of this order in the system of bodies of power, in historical literature there are no studies on its functioning. The article aim is to analyze the activity of the Bread order in the XVII century. The works of famous pre-revolutionary Russian historians A. Lappo-Danilevsky, A. I. Zaozersky, researchers of the Soviet and post-Soviet periods S. B. Veselovsky, S. K. Bogoyavlensky, J. E. Vodarsky were used here. The base source was the memoirs of G. K. Kotoshikhin, a contemporary of Tsar Alexei Mikhailovich and the documents writ proceedings. The methodological basis of the work was the principles of historicism and scientific objectivity. The structure and the function of the Bread order were examined, its role and place were determined in the system of higher Central authorities. The special attention was paid to the territories under the jurisdiction of this order. The Bread order was ruling the vast Royal estates from 1655 to 1679.

Key words: Bread order, Palace towns, villages and townships, Palace estate.

Варенцова Лариса Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент Нижегородской академии МВД РФ. E-mail: l_varentsova. 65@mail.ru.

Varentsova Larisa Yu. — candidate of historical sciences, associate professor of Nizny Novgorod Academy of The Ministry of internal affairs of the Russian Federation. E-mail: l_varentsova. 65@mail.ru.

Наряду с Большим дворцом и Тайным приказом к циклу центральных учреждений, управлявших доменальной собственностью в России в XVII столетии, относился и Хлебный приказ. Заметим, что Хлебный приказ и Хлебный дворец — это не одно и то же.

Хлебный приказ был создан специально для управления многочисленными вотчинами боярина Никиты Ивановича Романова, известного политического и военного деятеля, родственника царя Алексея Михайловича, после его смерти в 1655 году. Н.И. Романов не оставил после себя наследников, и его земельные владения пополнили царский домен. Следует полагать, что история Хлебного приказа начинается с 1655 года. Таким образом, «крестьянские и бобыльские дворы, пашни, лес, сенные покосы, всякие уголья, которые были за боярином Никитой Ивановичем Романовым»¹, перешли в распоряжение Хлебного приказа. Современник царя Алексея Михайловича Г.К. Котошихин также отмечал, что ведомы были в этом приказе «города, волости, села, кабаки после боярина Никиты Ивановича Романова»².

С возникновением приказа Тайных дел, Хлебный приказ стал его неотъемлемой составной частью и попал в его подчинение. Неслучайно, что много общего имеет и делопроизводственная документация Хлебного и Тайного приказов.

В «Делах Тайного приказа» указывалось, что в Хлебном приказе были ведомы города Скопин, Романов, Богородицкий, Гороховец. Хлебному приказу подчинялись Карамышевская волость Боровского уезда, села Смердово, Лычево, Клины Юрьевского уезда (имеется в виду Юрьев-Польского уезда), Славецкая волость Владимирского уезда, села Лысково и Мурашкино Курмышского уезда, села Гридино, Сергач, Шишковердь, Терюшевская волость Нижегородского уезда, бортники и мордва Арзамасского уезда, село Фрязиново и полсела Сорочье Вологодского уезда, село Борок и полсела Красной слободы, село Дехтяное Переяславля-Рязанского уезда, села Порецкое и Семеновское Алатырского уезда, Городецкая волость Балахнинского и Юрьевец-Поволжского уездов, полсела Сасова, село Киреевское «з деревнями и пустошами» Каширского уезда³.

В 1674 г. в городах, волостях и селах, подведомственных Хлебному приказу, насчитывалось 7972 двора русских людей, «бортничьих и мордовских 3324 двора», а всего 14 894 двора⁴.

Структура управления Хлебным приказом была несложной. В состав приказной администрации входили дворянин и дьяк⁵. Известны имена дворян, находившихся во главе Хлебного приказа в 1660—1670-е годы. В 1663—1666 гг. во главе Хлебного приказа стоял Фёдор Наумов сын Елизаров, в 1668 г. — стольник Иван Севастьянов сын Хитрой, в 1671 г. — полковник и голова московских стрельцов Яков Павлов сын Соловцов, в 1677 г. — боярин, князь Юрий Алексеевич Долгоруков⁶.

Сохранилась крестоцеловальная запись времен царя Алексея Михайловича. По ней, вероятно, присягали, в том числе дворяне и дьяки Хлебного приказа, обещая «служити и прямити», «всякие государевы и земские дела делати», «государевым землям всякого добра хотети»⁷.

Местное управление в ведомстве Хлебного приказа строилось по аналогичному принципу с Тайным приказом. Это были своего рода административные округа с особым представителем приказной власти в лице воеводы или приказчика, со своим административным центром в виде города или села⁸.

Города и крупные села возглавляли воеводы, дворцовые волости и села — приказчики. Им поступали различные государевы указы⁹. В «Делах Хлебного приказа» существует особый раздел — «столп» с воеводскими отписками и выписками — отчетами «о всяких делах»¹⁰.

Как утверждал Г.К. Котошихин, ежегодный доход, поступающий в Хлебный приказ, составлял 20 тыс. рублей¹¹. Это была значительная сумма денег.

Столько же денежных средств поступало в виде податей со всей России в Монастырский приказ¹².

Доходы приказа Большого дворца превышали прибыль Хлебного приказа в 6 раз¹³. Это объясняется тем, что, с точки зрения хронологии и географии, деятельность Большого дворца была более масштабной, по сравнению с Хлебным приказом.

Заметим, что годовая прибыль Хлебного приказа существенно возрастала от вывоза поташа на экспорт. В 1671—1672 гг. в Голландию и Германию через Архангельск было поставлено сергачского поташа на сумму 34 198 руб. 8 алтын 2 деньги¹⁴.

С подведомственных территорий в Хлебный приказ поступали окладные сборы, стрелецкие деньги, кабацкая прибыль, доходы от поташных промыслов.

Жители дворцовых сел, деревень трудились на царских полях, поставляли в государевы житницы десятинный хлеб, либо ухаживали «за всякой животной» на скотных дворах, обслуживали дворцовые будные майданы¹⁵.

Известно, что население, находившееся в ведении приказа Хлебных дел, платило деньги «ямские и полоняничные, стрелецкий хлеб по окладу»¹⁶.

Дворцовые посадские люди, пашенные крестьяне несли ратную повинность Даточные люди набирались с определенного количества четвертей пашни или дворов¹⁷. Даточные люди назывались «посошной ратью», а сама повинность — «посохой»¹⁸. В 1673 г. по указу царя Фёдора Алексеевича были высланы с территорий Хлебного приказа в полк боярина и воеводы князя Г.Г. Ромодановского 1782 чел. даточных людей на государеву стрелецкую службу. Сбор даточных людей вели в городах Скопине и Романове, а также в селах Лысково, Мурашкино и Гридино Курмышского уезда, в Городецкой волости Балахнинского и Юрьевецкого уездов¹⁹. Данным приказом контролировались не только поставки хлеба, но также денег и столовых запасов.

Много внимания уделялось в Хлебном приказе поступлениям денег от кабаков и таможен с подведомственных территорий. Об этом свидетельствует наличие в приказной документации особых «столпиков» о кабацких и таможенных делах в дворцовых городах и селах. Например, был «столп Олатырского (Алатырского. — Л.В.) кружечного двора и таможенных голов о посылке денег 170 и 171 (1662 и 1663) годов»²⁰.

В случае, если прибыль с государевых кабаков была незначительной, служители приказа вели судебные дела. Известен факт, что 24 августа 1667 г. подьячий Хлебного приказа Емельян Григорьев сидел за приставом в судном деле с кабацким откупщиком из города Скопина, вероятно, не добившись прибыли для государевой казны, был уволен из Хлебного приказа²¹.

Главные поступления приказу давала государева десятинная пашня²². К 1679 г. во всех регионах России десятинная пашня составляла 3640 десятин в поле, то есть всего около 11 тыс. десятин²³. В Хлебном приказе велись книги «посевные», «ужинные», «умолотные» для ярового и озимого хлеба на царских полях в разных регионах России.

Хлеб с царских пашен отправлялся в Москву на Житный двор²⁴. Наиболее встречающиеся записи в «Делах Хлебного приказа» — «столпики», сметные списки и росписи, свидетельствующие о наличии хлеба в житницах дворцовых пашенных сел, о поставках десятинного хлеба в каменные житницы Москвы, а также по царским указам и в другие города. Например, в «Делах тайного приказа» упомянут «столпик 168 (1660) года, а в нем наряд о хлебных запасах, которые велено отвезти из Нижнева (имеется в виду из Нижнего Новгорода. — Л.В.) в Смоленск, взяв из вотчины боярина Б.И. Морозова 10 000 чети ржи»²⁵.

В Хлебном приказе занимались вопросами межеванья земель.

Там существовали особые росписи, тетради с учетом численности крестьян и бобылей в дворцовых селах, посадских дворов в подчиненных приказу городах²⁶.

Нередко ставились вопросы о сыске беглых крестьян из дворцовых сел и волостей²⁷.

По царским указам и по наказам из Хлебного приказа проводились переписи земель, вновь поступавших в компетенцию данного приказа, составлялись переписные книги дворцовых вотчин. Например, в переписной книге села Городца Юрьевоцкого уезда 1672 г. значилось, что по указу царя Алексея Михайловича по грамоте из Хлебного приказа проводилась перепись крестьянских и бобыльских дворов бывшего поместья боярина Семёна Лукьяновича Стрешнева и его вдовы Марьи Алексеевны, в связи с переходом выморочных земель в дворцовое ведомство²⁸.

Особо учитывались дворы мордвы и бортников²⁹, поставлявших в приказ оброчный мед³⁰. Об этом свидетельствует «Книга переписная Терюшевской волости Нижегородского уезда 1678 г., где отмечается, что по указу царя Фёдора Алексеевича и по наказу из Хлебного приказа были направлены стольник И.Т. Елизаров и подьячий Н. Соболевский, чтобы переписать бортничьи и мордовские деревни и починки³¹.

В 1676 г., после смерти царя Алексея Михайловича, был ликвидирован Тайный приказ³². По указу царя Фёдора Алексеевича от 18 февраля 1676 г., упразднялся и Хлебный приказ. Денежную казну, хлеб, десятинные пашни, города, волости и села передавали в ведение Стрелецкого приказа³³. Для управления Стрелецким приказом были назначены боярин, князь Юрий Алексеевич Долгоруков и думный дьяк Ларион Иванов³⁴.

С 8 ноября 1679 г. дела и владения Хлебного приказа окончательно были переданы в приказ Большого дворца³⁵. Это был момент окончательной ликвидации Хлебного приказа.

В том же, 1679 г., были составлены «Описные книги Хлебного приказа». Опись Хлебного приказа содержит сведения о составе, размещении владений приказа, данные из писцовых и переписных книг за 1662—1679 гг. об этих владениях накануне передачи. Полное название документа таково: «Отписные книги Хлебного приказу, что в нем ведомо городов, и волостей, и сел, и в тех городех и в волостях и в селех всяких заводов, и хлеба, и стрельцов, и пушкарей, и посадских людей, и крестьян, и бобылей, и бортников, и мордвы, и с них всяких денежных доходов по окладу в год сходит, и десятинной пашни пашут, и стрелецкого хлеба платят, и в тех городов писцовых, и переписных, и описных, и Хлебного приказу приходных и расходных книг, и хто имяны в тех городех воеводы, и приказные люди, и Хлебного приказу подьячие и приставы, и сторожи, то писано в сих книгах порознь ниже сего»³⁶. «Описные книги Хлебного приказа» опубликованы Я.Е. Водарским в «Археографическом ежегоднике»³⁷.

Таким образом, владения Хлебного приказа располагались в 15 уездах, расположенных по четырем основным направлениям: 1) в центральной части России (Боровской, Малоярославецкий, Юрьевский, Владимирский, Гороховецкий уезды); 2) на севере государства (Вологодский уезд); 3) в Поволжье (Балахнинский, Юрьевоц-Поволжский, Нижегородский, Арзамасский, Курмышский, Алатырский уезды); 4) на юге страны (Рязанский, Шацкий, Богородицкий, Романовский, Скопинский уезды). Основная часть владений, подведомственных Хлебному приказу, находилась в Поволжье, значительная часть — на юге России.

К основным функциям Хлебного приказа следует отнести, прежде всего, управление некоторыми дворцовыми вотчинами. Кроме того, он ведал натуральными сборами для армии. В подчинении Хлебного приказа находились каменные житницы в Московском кремле у Троицких ворот, куда свозился

стрелецкий хлеб. Неслучайно Хлебный приказ нередко назывался «приказом стрелецкого хлеба» или «хлебным стрелецким приказом».

Примечания

1. Дела Тайного приказа. В кн.: Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией (РИБ). Т. 21. СПб. 1907, кн. 1, с. 22.
2. КОТОШИХИН Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. М. 2000, с. 134.
3. Дела Тайного приказа. РИБ. Т. 27. СПб. 1907, кн. 1, с. 281.
4. Акты, относящиеся до сбора даточных людей 1678 года октября 9—1681 года марта 9. Дополнения к Актам Историческим, собранные и изданные Археографической комиссией (ДкАИ). Т. 8. СПб. 1862, с. 137.
5. БОГОЯВЛЕНСКИЙ С.К. Московский приказной аппарат и делопроизводство XVI—XVII вв. М. 2006, с. 192.
6. Московские старинные приказы. В кн.: Древняя Российская вивлиофика (ДРВ). Ч. XX. М. 1791, с. 406.
7. Вторая крестоцеловальная запись, приводить по ней к государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всея Руси крестному целованию бояр, и окольничих, и думных людей, и стольников, и стряпчих, и дьяков, и жильцов нынешнего 1653 году. ДВР. Ч. VIII. М. 1789, с. 86—87.
8. ЗАОЗЕРСКИЙ А.И. Царская вотчина XVII века... Из истории хозяйственной и приказной политики царя Алексея Михайловича. М. 1937, с. 46—47.
9. Дела Тайного приказа. РИБ, т. 21, кн. 1, с. 162.
10. Там же, с. 36.
11. КОТОШИХИН Г.К. Ук. соч., с. 134.
12. Там же, с. 132.
13. Там же, с. 111.
14. 1673 г. Мая 29. Докладная записка Хлебного приказа относительно продажи поташа. ДкАИ. Т. 6. СПб. 1857, с. 284—285.
15. Дела Тайного приказа. РИБ, т. 21, кн. 1, с. 280.
16. Там же, с. 280.
17. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ А. Организация прямого обложения в Московском государстве со времени Смуты до эпохи преобразований. СПб. 1890, с. 390.
18. Даточные люди. В кн.: Советская историческая энциклопедия. Т. 4. М. 1963, с. 115—116.
19. Акты, относящиеся до сбора даточных людей 1678 года октября 9—1681 года марта 9, с. 125.
20. Дела Тайного приказа. РИБ, т. 21, кн. 1, с. 74.
21. ВЕСЕЛОВСКИЙ С.Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М. 1975, с. 172.
22. ВОДАРСКИЙ Я.Е. Описание владений Хлебного приказа как источник по социально-экономической истории и исторической географии России второй половины XVII века. — Археографический ежегодник за 1970 год. М. 1971, с. 138.
23. Там же, с. 142.
24. Хлебный приказ. В кн.: БРОКГАУЗ Ф.А., ЕФРОН И.А. Энциклопедический словарь. Т. 49. М. 1992, с. 191.
25. Дела Тайного приказа. РИБ, т. 21, с. 22.
26. Там же, с. 161.
27. Там же, с. 23.
28. Центральный архив Нижегородской области (ЦА НО), ф. 2013, оп. 602-а., д. 16, л. 1.
29. Дела Тайного приказа. РИБ, т. 21, с. 280.
30. Там же, с. 280.
31. Нижегородская государственная универсальная областная научная библиотека им. В.И. Ленина. Отдел редких книг и рукописей (НГУОНБ им. В.И. Ленина. ОРКиР), ф. 6, оп. 2, ед. хр.1, л. 3.
32. ЗАОЗЕРСКИЙ А.И. Ук. соч., с. 5.
33. Дела Тайного приказа. РИБ, т. 21, кн. 1, с. 280.
34. Там же, с. 281.
35. Московские старинные приказы. ДРВ, ч. XX, с. 406.
36. ВОДАРСКИЙ Я.Е. Описание владений Хлебного приказа как источник по социально-экономической истории и исторической географии России второй половины XVII века, с. 138.
37. Там же, с. 138—144.

Восприятие в России американской системы образования на рубеже XIX—XX вв.

Е.М. Матвеева

Аннотация. Материал посвящен особенностям восприятия русской периодической печатью конца XIX — начала XX в. системы образования в США. Проанализированы осведомленность, степень интереса, круг проблем и оценки американского обучения и организации образовательного процесса российским обществом. Особое внимание уделено сопоставлению финансовой и материально-технической оснащенности учебных заведений в России и США.

Ключевые слова: образование в США, учебные заведения, российская периодическая печать.

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of perception of Russian periodicals of the late nineteenth - early twentieth centuries. The education system in the United States. Analyzed awareness, degree of interest, the range of problems and evaluation of US training and organization of educational process in the Russian society. Particular attention is paid to the comparison of the financial, material and technical equipment of educational institutions in the United States and Russia.

Key words: education in the United States, educational institutions, the Russian periodicals.

Если до середины XIX в. Россия проявляла повышенный интерес к Европе, видя в ней главный источник знаний в области государственного и общественного устройства, то, начиная с конца XIX — начала XX в., Российская империя все больше стала ориентироваться на молодое, развивающееся быстрыми темпами государство — Соединенные Штаты Америки¹. Именно с этого периода времени русско-американские отношения выходят на новый уровень широкого общения народов. Наиболее выпукло это отражается в периодической печати.

Осваивая американскую тему, русские писатели и обозреватели выражали свой взгляд на Америку, на жителей этого государства, их семейные ценности и традиции, основы воспитания и образования молодого подрастающего поколения. В начале XX в. на ведущие, с научной точки зрения, позиции вышла

Матвеева Евгения Михайловна — научный сотрудник Орловского военно-исторического музея. E-mail: jennybich@mail.ru.

Matveeva Evgeniya M. — researcher of the Orlov military and historical museum. E-mail: jennybich@mail.ru.

гендерная история: произошло смещение исследовательского интереса на микроуровень, возникли новые объекты исследования: семья, детство, старость, жизнь и смерть человека ². В научный дискурс стали включаться проблемы положения женщин и детей. Темы, посвященные умственному и нравственному воспитанию американской молодежи, семейных отношений американцев наиболее часто присутствовали в серии очерков о Новом свете. Недаром, русский обозреватель «Вестника Европы» Н. Бородин в качестве главных факторов, влиявших на формирование типа современного американца, выделял систему образования и приемы распространения знаний в обществе ³.

Путешественник В. Святловский в рамках своей поездки по Соединенным Штатам посещал американские университеты и оставил собственные воспоминания. По его мнению, американская система образования «заслуживает не меньше внимания, чем любой крупный вопрос экономической или социальной жизни» народа ⁴. Современный исследователь С.М. Аскольдова, рассматривая проблемы народного просвещения в США на рубеже XIX—XX вв., отмечала интерес русской публики к организации образования за рубежом, особенно в США ⁵. В. Поленц в качестве одной из самых важных характеристик американской нации называл именно стремление к образованию, позволяющее, по его мнению, обеспечить будущее для каждого представителя заокеанской республики, открыть доступ «к самым важным и прибыльным местам» ⁶. Профессор Московского и Санкт-Петербургского университетов М.М. Ковалевский, уделяя большое внимание формам народного образования в США, писал: «Все эти дни был занят изучением школьного дела в Нью-Йорке» ⁷.

Интерес русской общественности к изучаемой проблематике был обусловлен остротой подобных проблем в России в конце XIX в., когда на повестку дня встал вопрос о всеобщем обязательном начальном обучении.

Система образования в США находила материальную поддержку со стороны правительственных структур. Американский президент Вудро Вильсона называл общественную школу «великим горнилом Америки, местом, откуда выходят американцами, пропитываясь американским духом, превращаясь в американских граждан и женщин» ⁸. Английский писатель Ричард Кобден, за 70 лет до изучаемых событий, подчеркивая важность финансовой подпитки образовательной системы со стороны правительства, писал о том, что «гений американского законодательства не терпит невежества в народе, усматривая в нем самого страшного врага хорошего правления». Известный англичанин был убежден в том, что взвешенная политика государства могла положительным образом способствовать росту авторитета американской нации, «сделав его самым могущественным народом на земном шаре» ⁹.

По свидетельству русской журналистки А. Черевковой, а также немецкого писателя В. Поленца, центральное правительство Соединенных Штатов не имело права вмешиваться в деятельность народного образования, но, так или иначе, считало своим долгом помогать развитию просвещения в стране, предоставляя огромные участки земли, а также ассигнуя крупные денежные суммы. Общая стоимость данных материальных вложений оценивалась в 600 млн рублей ¹⁰.

По данным федерального бюро народного образования Соединенных Штатов, подробно проанализированным отечественным обозревателем, русским эмигрантом П.А. Тверским, расходы на систему образования в США на 1890 г. составили 140 277 484 долл., или 2,24 долл. на душу населения ¹¹. По свидетельству путешественника В. Святловского, ежегодно на содержание школ амери-

канская казна отпускала около полутора миллиона металлических рублей¹². Названный показатель имел тенденцию к увеличению. Так, по свидетельству отечественного обозревателя Бородина, общие расходы на образование в 1909 г. составляли уже 426 млн долл. в год при численности населения 92,2 млн чел., или 4,62 долл. на душу населения. Обозреватель Черевкова подтвердила данные цифровые значения, указывая на то, что расходы на образование составляли около 400 млн долларов¹³.

Россия же расходовала на собственную образовательную систему всего около 32 млн руб., что было почти в 25 раз меньше, чем в США¹⁴. В сравнении же с количеством населения (154,2 млн в 1909 г.) среднедушевые затраты в России составили лишь 0,20 рубля. Учитывая, что тогдашний курс доллара по отношению к рублю составлял 1,93, фактические среднедушевые расходы на образование в США в 44,6 раз превышали российские.

Указанный процент расходов на душу населения был подвержен колебаниям: от 0,41 долл. в Южной Каролине, 0,44 в Северной Каролине, 0,53 в Джорджии, 0,57 в Алабаме до 3,65 в Южной Дакоте, 3,70 в Массачусетсе, 4,08 в Колорадо и 4,29 долл. в Калифорнии. Таким образом, очевидным становится вывод о минимальных вложениях в систему образования администраций южных и юго-западных штатов по сравнению со штатами северо-востока, центра и запада. Тверской, подтверждая данный факт, заметил, что, «южные штаты оказывались далеко позади, хотя содержали свыше одной трети всего населения»¹⁵.

Показателем особого отношения американцев к проблемам образования собственной нации были цифровые значения, свидетельствующие о росте числа университетов и колледжей, а также доходов данных учреждений. По сведениям обозревателя Ф. Мартенса, на начало XX в. в Соединенных Штатах Америки насчитывалось 629 высших и средних учебных заведений, владевших собственностью (в пересчете на рубли) на 680 млн руб., ежегодный доход которых составлял 60 млн рублей¹⁶. Черевкова констатировала, что в 1897—1898 гг. численность учащихся американских школ составляла 14 млн детей, то есть около 20% (19,17%) всего населения страны, насчитывавшего 73 млн человек. В то время как в России было всего 4 млн учащихся¹⁷ при численности населения 126,7 млн в 1897 г. и 128,6 млн в 1898 г., то есть всего 3,13%.

Содействие развитию американской системы образования в изучаемый период оказывала деятельность правительства и общественных структур, направленная на формирование фонда американского библиотечного комплекса. По мнению русских аналитиков, на рубеже XIX—XX вв. данное обстоятельство являлось «лучшим признаком подъема интеллектуального уровня американцев»¹⁸. Деятельность американских библиотек рассматривалась профессором Ковалевским, так как в рамках своего визита ему приходилось не раз посещать данные учреждения. Высокие оценки со стороны отечественного ученого заслужили библиотеки Пенсильвании, Виргинии и Огайо¹⁹.

Достаточное место на страницах русских периодических органов занимали описания деятельности библиотек различных штатов. По свидетельству корреспондента «Русской мысли» Л.А. Б-ича, пальма первенства в данном вопросе принадлежала штатам Новой Англии, в особенности — Массачусетсу. Отчет комиссии общественных библиотек за 1898 г. говорит о том, что 343 города данного штата были обеспечены библиотеками. Поддержка развития библио-

течного дела велась не только по инициативе частного сектора, но и со стороны административных структур. Уже к началу XX в наблюдалась тенденция освобождения библиотек от налоговых выплат. С 1835 г. штат Нью-Йорк начал ассигновывать достаточно большие суммы школьным библиотекам, являясь примером для других. В штате Колорадо налог в пользу библиотек не должен был превышать 1/1000 с доллара дохода, в городах же с населением свыше 100 000 должен был равняться 1/2000 ²⁰.

В рамках американского законодательства предусматривались и другие методы, способствовавшие развитию библиотечного дела в Америке. В 1890 г. была образована комиссия в составе пяти членов в штате Массачусетс, основной целью которой было создание сельских и городских отделений библиотек. В результате деятельности данной организации была образована сеть библиотек в 36 городах США. Прогрессу библиотечного дела способствовало введение некоторых специальных налогов, доходы от которых поступали в пользу библиотек. Известный американский попечитель В. Флетчер говорил: «Нельзя сомневаться, что эта эволюция законодательства достигнет идеального закона, который обяжет все города и селения иметь и содержать библиотеки именно так, как они обязаны иметь и содержать школы» ²¹.

Финансовое обеспечение библиотечного сектора США являлось задачей не только правительства и администраций штатов, но и частных благотворителей. С 1891 по 1893 г. в штате Массачусетс общая сумма пожертвований составляла свыше полумиллиона долларов.

Функционирование американских библиотек непосредственным образом была связано с деятельностью университетов США. Подобное взаимодействие обеспечивалось с помощью организации различных клубов-читален, мероприятий, направленных на повышение интереса народонаселения к чтению. Инициатором данного комплекса мер являлось движение «University Extension» в лице его руководителя С.С. Грина, библиотекаря Уорчестера. Статистические данные отчетов указанного учреждения, опубликованные в «Library Journal» за 1880—1881 гг., сообщали русской общественности о том, что кооперация библиотек и высшей школы являлась вполне обоснованным, имеющим практические результаты мероприятием, так как за указанный период на базе американских университетов было исследовано более 7500 книг, что по общей совокупности равнялось 875 книгам в день ²².

Достаточно высоко отечественными наблюдателями оценивались внешняя атрибутика и техническая составляющая американской системы образования. Недаром Святловский писал, что «американская школа — эта главная пособница в деле образования характера этой страны» ²³. «Крепость и сила Америки — в ее школе», — замечала обозреватель «Русской мысли» Черевкова, цитируя слова французского писателя Лабулэ ²⁴. По словам корреспондента «Вестника Европы» Мартенса, организация народного просвещения в Америке оставила в его памяти «самые неизгладимые впечатления» ²⁵. В заметках Тверского четко прослеживается то благоприятное впечатление, которое произвели на русского эмигранта как американские школы, так и общая атмосфера, сопровождавшая весь процесс обучения. Он, подчеркивая благоустройство учебных классов, писал: «Смело можно думать, что нигде в мире не обращают такого внимания на отопление, вентиляцию, удобства размещения, и в особенности, на школьную мебель и учебные пособия» ²⁶. Описывая качественное материальное довольствие американских школ, русский помещик с огорчением воспринимал то

обстоятельство, что не мог пользоваться подобным обеспечением сам, хотя проходил курс обучения в одной из петербургских гимназий. Правда, уже через полвека президент Д.Ф. Кеннеди даст исключительную оценку отечественному образованию, сказав после прорыва СССР в космос, что «русские обогнали нас за школьной партией».

Высокую оценку материального оснащения американских учебных заведений высказывал обозреватель «Вестника Европы» Ф. Кнорринг. Он сообщал о том, что при университетах для студентов были организованы отдельные общежития, залы, библиотеки, ванны, павильоны для гимнастики²⁷. Богатством американского операционного института Syms Operating Building восхищался русский путешественник Святловский. Описывая внешние атрибуты данного учреждения, турист замечал: «Везде белый мрамор, статуи, электричество, масса света и воздуха, словом, настоящий храм науки»²⁸. Аналогичные хвалебные отзывы относительно характеристик комфортабельности американских высших учебных заведений были присущи обозревателю «Русской мысли» Черевковой. Посетив Гарвардский университет, она с восторгом описывала «великолепные лаборатории, кабинеты, музеи, роскошно обставленные, полные своеобразного величия и возлюбленной тишины». «Все здесь поражает грандиозностью размаха, широтой плана, глубокой обдуманностью деталей, богатством средств»²⁹, — писала корреспондентка.

Позитивный взгляд на данный вопрос разделял немецкий писатель Поленц, описывая «поместительные, светлые клубы американской высшей школы», которые, по мнению современника, не могли сравниться с русскими «закопченными портретными»³⁰. Отечественный корреспондент Б.Е. Шацкий на страницах «Русской мысли» выражал собственное чувство восхищения, которое он испытал от посещения американских университетов. Будучи, по его словам, очарованным устройством высших учебных заведений США, он в превосходной степени сравнения писал о знакомстве с «гостеприимными руководителями университетов, посвятивших свою жизнь изучению американской государственности»³¹.

Русский либерал начала XX в., П.Н. Милюков, посетив Америку в 1903 г., обратил внимание на техническое оснащение американских университетов. Данный аспект непосредственным образом волновал лидера партии кадетов, так как основной задачей его визита, являлось чтение лекционных курсов в США. Знакомясь с университетскими помещениями, он описывал «великолепно обставленные, со всеми удобствами классы»³². Министр финансов России С.Ю. Витте в своих «Воспоминаниях» также коснулся описания американской высшей школы, заметив, что «Бостонский университет — один из самых старейших и лучших университетов»³³.

Встречались и противоположные мнения в среде русских современников, отличавшихся иным взглядом на данный вопрос. По их мнению, высшее образование в Соединенных Штатах «было поставлено весьма неудовлетворительно». В качестве доказательства подобных настроений представители радикальных кругов называли отсутствие прогресса в научной сфере деятельности, а также недостаточное развитие системы высшего образования в Соединенных Штатах³⁴. Российские очевидцы все же отчасти преувеличивали и идеализировали американские вузы и оценивали их преимущественно с внешней стороны.

Большинство отечественных наблюдателей на страницах периодических изданий уделяли пристальное внимание отличительным чертам американской

системы образования в сравнении с европейской. Как констатировал Святловский, «между американским характером воспитания и нашим европейским лежит целая пропасть»³⁵. Обозреватель Черевкова в качестве основного отличия двух систем просвещения указывала на отсутствие в американском образовании разобщенности между школой и практическими реалиями жизни, которые, по ее мнению, были характерны для Европы. Подчеркивая своеобразие сложившейся американской традиции в области политики просвещения, корреспондентка замечала: «Народное образование в Америке — тема неистощимая: так все здесь оригинально, так непохоже на то, что мы видим у себя дома, так захватывающе-интересно»³⁶. Мартенс, соглашаясь с этим, указывал на то, что организацию учебного процесса в Америке нельзя идентифицировать «ни под один из типов европейских систем». Тем не менее, по его словам, несмотря на снисходительный взгляд европейской интеллектуальной элиты на данный вопрос, «сами американцы очень довольны своею системой и добытыми ею результатами»³⁷.

Русский обозреватель Бородин выделял три типа образовательных учреждений: элементарные школы (primerу school), школы повышенного типа (secondary school), колледжи и университеты. Подобную классификацию учебных заведений приводили Мартенс, Черевкова, Поленц³⁸.

Бородин проводил аналогию между американскими и русскими учебными заведениями, отрицая, тем не менее, их тождественность. По словам Бородина, элементарные школы можно сравнить с русскими министерскими двухклассными училищами, школы повышенного типа соответствуют городским училищам Российской империи, а колледжи являются собирательным образом, соединяющими в себе старшие классы гимназий и реальных училищ, а также первые курсы высших учебных заведений. Соглашаясь с этим, профессор Ковалевский, подчеркивая узкую специализацию американских колледжей, замечал, что, в них «изучаемый ряд дисциплин гораздо сложнее и целенаправленней, чем у нас»³⁹.

Для повышения профессионального образования, усовершенствования собственного интеллектуального уровня для студентов предусматривалась возможность поступления в университеты и политехнические высшие школы, по окончании которых присваивалась ученая степень. По словам Мартенса, высшие учебные заведения Америки кардинальным образом отличались от своих европейских образцов. Их главной особенностью была фактическая независимость от государственной власти за счет финансирования частных лиц или благотворителей. «Американские университеты, — писал обозреватель «Вестника Европы», — обращаются в учреждения, живущие собственными громадными капиталами управляемые президентами и коллегиями, которые избираются всеми бывшими воспитанниками»⁴⁰. Независимость университетов от материальных вложений государственных структур была отмечена путешественником Святловским. Он заострял внимание на том, что большинство американских университетов существовало за счет ассигнований филантропов и благотворителей⁴¹. Рассматривая данный вопрос, Черевкова проводила аналогию между социальной организацией американской школы и устройством американского общества, считая, что первое является точным воспроизведением второго⁴². Отмечая демократичность, доступность образования для всех категорий населения, обозреватель «Русской мысли» подчеркивала внегосударственный характер управления школьного дела, считая, что подобный вариант организации образова-

тельных учреждений решает множество проблем, до настоящего времени существующие в Европе.

Общий демократический характер американской школы в области управления был отмечен Поленцом. Его позиция по данному вопросу, тем не менее, отличается некой долей скепсиса. Данное обстоятельство он объяснял зависимостью местных школьных управлений от политического настроения государственной власти в штате или городе ⁴³, фактически, таким образом, делая прямо противоположный вывод относительно своего первоначального мнения.

По данным отечественного обозревателя Бородина, на 90 млн населения к 1910 г. число школ составляло 270 008, в которых обучалось 20 812 686 учащихся. В то время как в России, при общей численности в 160 млн насчитывалось всего 117 941 школ и 7 687 843 учащихся ⁴⁴. Таким образом, процент учащихся от всего населения США составлял 22,6, а в России — 3,7.

Особенности американской методики преподавания привлекали внимание русских обозревателей. Большинство из них считали новшества педагогики заокеанской республики отражением американского взгляда на жизнь. Одной из таких характерных черт методического подхода педагогов-американцев являлось предоставление учащимся достаточной доли самостоятельности в изучении предмета, развитие их индивидуальности, а также забота об их здоровье и физическом воспитании. Мартенс, описывая особенности американской методики, отмечал наглядный характер преподавания.

Одной из особенностей американской школы, по мнению русских, являлось полное отсутствие поощрительных мер, выражаемое в привычном виде в системе баллов, наград и наказаний. По словам Бородина, «все в американском образовании сводилось к тому, чтобы сам ученик заинтересовался предметом, полюбил его, проявил вкус и почувствовал удовольствие от хорошо сделанной работы или от усвоенного нового знания» ⁴⁵. Данной особенностью образовательной системы Америки способствовал ее внесловный характер. Мартенс, в доказательство этого утверждения замечал, что «все области знания и все учебные заведения, без исключения доступны для детей всех классов общества. Даже самые бедные дети всегда находили возможность посещать университеты, пользуясь чрезвычайно льготными условиями» ⁴⁶. По определению Черевковой, корни совершенного равенства и свободы, как главных характеристик американской ментальности, были заложены именно системой воспитания американского юношества, главная цель которого — полное, всестороннее развитие индивидуальности. «Американская школа, — писала журналистка, — главное орудие этого воспитания, гигантская лаборатория, вырабатывающая людей и подготавливающая их к действительности жизни» ⁴⁷. Возможность доступа к образованию для детей небогатых родителей обеспечивалась бесплатным характером обучения в общественных средних учебных заведениях. Таким образом, стипендия могла быть использована на содержание учащегося, а не на оплату взноса за семестр.

Проблемы административного структурирования высших учебных заведений, столь отличного от устройства европейских университетов, рассматривались отечественными корреспондентами. Мартенс сообщал, о том, что во главе управления американского ВУЗа находился регент, который избирался населением штата или назначался губернатором. Действительным же главой университетов США, в то же время, подчиняясь регенту, являлся

«президент», функции которого состояли в организации управления учебным процессом.

Американские университеты включали в себя структурные элементы — факультеты, специализация которых была различной, подразделяясь на богословские, историко-филологические, юридические, медицинские, инженерные, сельскохозяйственные науки. Кроме того, в системе американского высшего образования, функционировал так называемый «академический факультет», назначение которого состояло в обеспечении более общего образования, «основания которого были получены в высшей школе»⁴⁸.

Продолжительность обучения в университете составляла обычно четыре года. Русские обозреватели с некой долей иронии описывали «клички», которыми «награждались» студенты различных курсов. Первокурсники именовались «freshmen» (новички), учащихся вторых курсов называли «sophomores», третькурсников — «juniors», студентов четвертого курса — «seniors».

Курсы преподавания предметов были рассчитаны сообразно с возрастом учащихся. На первом году обучения имели место общеобразовательные дисциплины, которые должен был изучить каждый, вне зависимости от будущей специализации. Основное место уделялось преподаванию языков (английского и иностранного на выбор) и математики. Студент второго года обучения имел возможность выбора учебных дисциплин, необходимых ему для получения необходимых знаний по профессии. Число данных курсов было различным, в зависимости от уровня и возможностей высшего учебного заведения. Так, по данным Черевковой, количество подобных преподавательских курсов в Гарвардском университете составляло 150⁴⁹. Данный план учебных занятий составлялся студентом при совместном обсуждении с профессорами, и в последующем учащемуся была предоставлена полная свобода в учебном процессе. Тем не менее, невыполнение пунктов разработанной концепции студентами влекло за собой вначале устное напоминание со стороны профессуры, затем — лишение некоторых студенческих привилегий, с перспективой — быть отчисленным из университета.

Непосредственным атрибутом университетской жизни было участие молодежи в различных «кружках», «клубах» и «обществах». Черевкова описывала деятельность некоторых из них — «Republican Club», «Democratical Club», «Philosophical Club», «Saint Pauls Club», «Delta Thi Club», «Delta Ipsilon Club». Деятельность данных обществ сводилась к обсуждению различных вопросов политического, литературного, общественного, философского характера, проведению дискуссий по названным проблемам. Черевкова, оценивая работу данных сообществ, цитировала слова американского общественного деятеля Спектатора, который утверждал, «что ничто не может в такой степени содействовать умственному оживлению, широте и просветлению мыслей, благодаря влиянию одного ума на другой, как хороший спор. Общества для дебатов являются не просто только школами красноречия. В студенческий период жизни разговоры о целях и мотивах жизни, — нечто гораздо более важное, чем простые разговоры: это — настоящее дело, характерная тенденция ума, и тогда нужно всячески содействовать ясной кристаллизации мысли и чувства»⁵⁰.

Подобная методическая практика американских учебных курсов была с позитивных позиций проанализирована русским государственным деятелем и дипломатом Витте. Он, подчеркивая важность дискуссионного подхода в процессе обучения, обращал внимание русской публики на значимость «метода от

противного», который столь часто применяли американские педагоги. В одной из своих бесед с профессором Колумбийского университета, Витте интересовался целесообразностью подобной методики. Ответом русскому дипломату послужило заявление американского ученого о крайней необходимости данного методического подхода, позволяющего добраться до истины или, наоборот, «показать всю ложность этого учения»⁵¹.

Большинство из указанных организаций занималось изданием научных журналов и газет по различным специальностям. Стоит отметить, что в задачу учебного сектора управления американского университета входило развитие не только интеллектуальных, но также физических и творческих способностей учащихся. Поэтому для осуществления данной задачи были созданы специальные музыкальные и спортивные общества. Например, в Гарварде примером таких организаций являлись «Guitar and Mandolina Club», «Roujo Club», «Root Club», «Cycling Association», «Cricket Club», «Foot Balle Club». К сожалению, мимо внимания российских наблюдателей прошли иные, гораздо менее почтенные сообщества и развлечения. О. Генри, никогда не писавший вымышленных рассказов и бывший, по сути, одновременно журналистом-фельетонистом (что роднит его с И. Ильфом, Е. Петровым и даже с М. Булгаковым и В. Катаевым периода 1920-х гг.), практически непререкаемыми спутниками университета называл тир, ссудную кассу, пивные и игорный дом⁵². Таким образом, налицо вновь идеализированное восприятие, попросту игнорирующее все, что противоречит изначальному настрою российского автора.

Важной особенностью американской системы образования, по свидетельствам русских, являлось совместное обучение лиц обоего пола, порождающее, тем самым, новую тенденцию в комплексном развитии образовательного процесса США — возможность женского просвещения наравне с мужчинами. «Американцы, — сообщал французский писатель Жанво, — пылкий характер которых никогда не останавливается на полумерах, не побоялись в деле женского образования открыто нарушить предания старой Европы. Полагая, что мать семейства, для того, чтобы иметь на своих сыновей здоровое влияние, чтобы сохранить свой авторитет, должна быть также образована, как и отец, они широко открыли для женщин источники образования, приготовленные для мужчин»⁵³.

Данное обстоятельство, по свидетельствам русских, имело позитивное значение. По словам Поленца, постоянное присутствие лиц женского пола положительным образом влияло на весь процесс обучения, в том числе на формирование студенческих нравов⁵⁴. Обозреватель «Русской мысли» И. Рубинов указывал на то, что в 1902—1903 гг. в коллегиальных отделениях чикагского университета числилось 906 мужчин и 1360 женщин, таким образом, в процентном отношении на 100 лиц мужского пола приходилось 150 женщин⁵⁵. Коллега Рубинова, корреспондент Шацкий в своем очерке констатировал тот факт, что количество женщин в американских университетах к 1913 г. значительно превышало число мужчин⁵⁶. Он объяснял данную закономерность тем обстоятельством, что большинство американских мужчин, придавая большее значение материальной составляющей, минуя университетскую ступень, поступали изначально в Law School, образование в которой отличалось практическим уклоном. Американские женщины, будучи более творческими по своей натуре, предпочитали продолжить свое образование на университетской скамье.

Результатом данной закономерности, по прогнозам русских обозревателей, могло стать преобладание численности лиц женского пола в американских университетах, по сравнению с количеством мужчин. Отечественные наблюдатели называли подобное обстоятельство «фактом, не находящим аналогии в истории европейского воспитания»⁵⁷.

Рассматривая проблемы совместного обучения юношей и девушек в США, Рубинов отмечал, что уже к 1908 г. западными штатами США был решен данный вопрос. «На Западе от Миссисипи, писал он, — нет почти ни одной коллегии, закрывающей свои двери женщинам». Обеспокоенность, по его словам, вызывали решения восточных штатов, так как «там борьба все еще длится»⁵⁸.

Русские обозреватели на страницах периодической печати рубежа XIX—XX вв. не обошли своим вниманием тему женского образования в США. Такие известные печатные издания как «Вестник Европы», «Русская мысль», «Исторический вестник» изобиловали материалами о развитии женского просвещения в США⁵⁹.

Одним из первых русскую общественность с уровнем развития женского образования в США познакомил известный деятель российского просвещения П.Г. Мижуев⁶⁰. Позднее русский автор Л.А. Богданович в своей работе, посвященной анализу университетской системы США, представил характеристику уровня женского образования в Америке⁶¹. Интерес русской публики к проблемам зарубежного образования был вызван революционными событиями 1905 г., когда практически во всех университетах России преподавательские советы приняли решения о допуске женщин-вольнослушательниц в учебные заведения⁶².

Черевкова, описывая деятельность и организацию специализированного женского учебного заведения Wellesley College, подчеркивая практическую направленность дамского образования, писала: «Колледж задался целью выпускать в жизнь людей не только хорошо подготовленных к борьбе за существование, но и физически здоровых женщин, будущих матерей граждан великой республики»⁶³. Русскую журналистку удивляла и одновременно восхищала подобная система, позволявшая наряду с интеллектуальными способностями, развить необходимый физический потенциал. Особого внимания, с точки зрения отечественной корреспондентки, заслуживали результаты гимнастических курсов и физических упражнений. Данное направление американской системы образования было отмечено Витте. «Меня удивило, — писал он, — что во всех учебных заведениях Америки обращают большое внимание на физическое развитие: на гимнастику и гимнастические игры»⁶⁴.

Современный исследователь Аскольдова, рассматривая проблемы просвещения женщин в США в XIX в., пришла к выводу о том, что в изучаемый период времени, образование на всех уровнях развивалось ускоренными темпами. В доказательство данного вывода, она приводит статистические сведения, по которым в конце XIX — начале XX в. среди окончивших полную среднюю школу было больше девушек, чем юношей. Тем не менее, по ее данным, права женщин в области образования были крайне малы, ими пользовался достаточно узкий круг женщин. Единицы получали ученые степени, но и они встречали непреодолимые преграды в получении работы в соответствии с квалификацией⁶⁵. Еще в 1908 г. Рубинов приводил цифровые данные, подтверждающие данный вывод. По его свидетельству, в 1902—1903 гг. число

женщин, претендовавших на получение высшей степени, составляло 1695, мужчин же — 4428, в то время как степень доктора философии получили 272 мужчины и всего 32 женщины ⁶⁶.

По свидетельствам русских обозревателей, американский метод преподавания отличался простотою и сердечностью, о чем свидетельствовал неформальный стиль отношений между педагогами и учащимися, не переходящий, тем не менее, грань уважения. Как отмечал в своем очерке Мартенс, «нет тут ни формально-начальнического отношения, с одной стороны, ни бессмысленного страха или унижительного раболепства, с другой» ⁶⁷. О свободе студентов «в обращении с профессорами, которая соединялась с глубоким к ним уважением» сообщал отечественный обозреватель «Русской мысли» Шацкий. Поразившись свободе нравов в отношениях педагогов и учащихся, корреспондент описывал церемонию завтрака в одном из высших учебных заведений. Он удивлялся некоторой бесцеремонности между преподавателями и студентами, которые, не стесняясь, переговаривались, смеялись и обменивались шутками.

По свидетельству Шацкого, совершенно иным стилем отношений характеризовался ход учебного процесса, где проявлялось «проникновенное отношение» к делу просвещения, как со стороны профессуры, так и студенчества. Характерными для американской педагогической системы являлась практика дискуссий и прений на занятиях, возможность отстаивания собственной точки зрения.

Русскими наблюдателями подчеркивался утилитарный характер преподавания. Данные выводы содержатся в заметках профессора Ковалевского ⁶⁸, а также в работах экономиста, исследователя И.Х. Озерова. По свидетельству Бородина, каждый молодой человек, окончивший школу второго разряда или колледж, был знаком со стенографией, умел печатать на машинке, владел техникой деловой корреспонденции ⁶⁹. Французский журналист И. Гюре в своем очерке, посвященном анализу американской жизни, приводил в доказательство данного вывода следующий пример. В одной из банковских школ США практиковался метод использования реальных чековых книжек и банковских билетов, которые применялись для совершения денежных операций. Подобная наглядность в методике обучения оценивалась корреспондентом положительно, так как, по его мнению, «окончив такую школу, ученики могут на следующий же день поступить в любую контору и занять любое место без предварительного стажа и без выучки» ⁷⁰. «В Америке, — писала Черевкова, — школа не знает высшей цели, как служение жизни, можно сказать даже, что американская школа не знает никакой иной цели» ⁷¹.

Таким образом, теоретическая подготовка будущих выпускников, по мнению отечественных обозревателей, уступала практической. Тем не менее, данное обстоятельство вовсе не являлось минусом, скорее, наоборот, позволяло юным американцам быстрее найти свое место в жизни, сообразуясь с реалиями времени. Святловский, рассуждая по данному вопросу, указывал на то, что европейская система образования, более консервативная по своему содержанию, практикующая беспрекословное подчинение авторитету учителя, порождала «отсутствие здоровой инициативы, смелости, энергии в нашей молодежи, которыми проникнуто все молодое и все старое в Америке» ⁷². Подтверждая предыдущие выводы, Черевкова замечала, что после окончания учебного заведения учащийся должен войти в жизнь вполне законченной единицей, подго-

товленным ко всем трениям и трудностям живой действительности. Задача американской школы, по ее мнению, состояла в формировании «людей с сильной энергией, независимым характером, бодрых духом и телом»⁷³.

Противоположной точки зрения по данному вопросу придерживался немецкий писатель и философ Г. Мюнстернберг. Отмечая практическую направленность американской школы, он, тем не менее, считал очевидным минусом то обстоятельство, что методической основой системы обучения является «слепая практика заучивания наизусть», в ущерб развитию творческого мышления и способностей. «Слишком много цены придается учебнику, слишком мало дается свободным словам учителя», — писал он. Ошибкой американской системы образования он называл «безграничную веру педагогов в типографскую краску», что, по мнению Мюнстерберга, являлось отражением демократического духа американцев, стремящихся к объективности⁷⁴.

Следующей особенностью американской школы, по мнению русских, была ее тесная связь с населением, возможность приспособления под нужды общества, так как большинство учебных заведений являлось очагом распространения разнообразных знаний посредством устройства обучающих курсов по различным специальностям. Недаром Черевкова подчеркивала, что американская система просвещения являлась могущественным средством, способным поднять производительность национального труда⁷⁵. Бородин в своем очерке в качестве примера практического характера американской образовательной системы описывал работу ежегодных ярмарок-выставок, проводимых центральными штатами в осенний период, а также им была освещена деятельность летних курсов высших учебных заведений. Распространению сельскохозяйственных знаний среди местного американского населения способствовала работа подвижных аудиторий в вагонах, аналогом которых в России стала организация агрономического поезда Московско-Казанской железной дороги. Тем не менее, по оценкам русских обозревателей, подобные методы не нашли применения на русской почве, так как финансирование системы образования в России уступало по ряду характеристик деятельности Департамента земледелия США.

Таким образом, подводя итоги, стоит отметить важность и актуальность проблем американской системы образования для русской публики на рубеже XIX—XX веков. Большинство свидетельств отечественных наблюдателей изобиловали положительными, но нередко идеализирующими оценками устройства и функционирования народного просвещения США. Достаточное количество оптимистических оценок русской общественности заслужила методическая база американской школы, формировавшая молодое поколение, отличавшееся индивидуализмом, энергичностью, стремлением ставить и добиваться собственных целей в жизни.

Примечания

1. КУБАНЕВ Н.А. Образ Америки в русской литературе (из истории русско-американских литературных связей к. XIX — 1-й половины XX вв). М. 2000, с. 407.
2. ЧИКАЛОВА И.Р. Женская и гендерная история. Состояние и перспективы развития. <http://www.gender-cent.gyazan.ru/chikalova.htm>.
3. БОРОДИН Н. Американцы и американская культура — Вестник Европы. 1915, № 10, с. 284.

4. СВЯТЛОВСКИЙ В.В. По белу свету. За Атлантическим океаном. Екатеринослав. 1898, с. 108.
5. АСКОЛЬДОВА С.М. Высшее образование женщин в США в XIX в. — Американский ежегодник. М. 1987, с. 178.
6. ПОЛЕНЦ В. Страна будущего. СПб. 1904, с. 169.
7. СОКОЛОВ А.С. Американская тема в научно-литературном наследии М.М. Ковалевского. — Американский ежегодник. М. 1989, с. 158.
8. БОРОДИН Н. Ук. соч., с. 284.
9. МАРТЕНС Ф. Американские впечатления. Очерки и заметки. — Вестник Европы. 1902, № 11, с. 27.
10. ЧЕРЕВКОВА А.А. Бостон и народное образование в Америке. — Русская мысль. 1903, № 8, с. 102; ПОЛЕНЦ В. Ук. соч., с. 168.
11. ТВЕРСКОЙ П.А. Очерки Северо-Американских Соединенных Штатов. СПб. 1895, с. 96.
12. СВЯТЛОВСКИЙ В.В. Ук. соч., с. 108.
13. ЧЕРЕВКОВА А.А. Ук. соч., с. 103.
14. Там же.
15. ТВЕРСКОЙ П.А. Ук. соч., с. 97.
16. МАРТЕНС Ф. Ук. соч., с. 27.
17. ЧЕРЕВКОВА А.А. Ук. соч., с. 103.
18. Б-ИЧ Л.А. Общественные библиотеки в Соединенных Штатах. — Русская мысль. 1901, № 10, с. 19.
19. СОКОЛОВ А.С. Ук. соч., с. 160.
20. Б-ИЧ Л.А. Ук. соч., с. 20, 22.
21. Там же, с. 23.
22. Там же, с. 37.
23. СВЯТЛОВСКИЙ В.В. Ук. соч., с. 108.
24. ЧЕРЕВКОВА А.А. Ук. соч., с. 93.
25. МАРТЕНС Ф. Ук. соч., с. 26.
26. ТВЕРСКОЙ П.А. Ук. соч., с. 97.
27. КНОРРИНГ Ф. Месяц в Америке. — Вестник Европы. 1901, № 11, с. 139.
28. СВЯТЛОВСКИЙ В.В. Ук. соч., с. 110.
29. ЧЕРЕВКОВА А.А. Ук. соч., с. 105.
30. ПОЛЕНЦ В. Ук. соч., с. 171.
31. ШАЦКИЙ Б.Е. Американский университет. — Русская мысль. 1913, № 2, с. 38.
32. МИЛЮКОВ П.Н. Воспоминания. М. 2001, с. 180.
33. Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Рассказы в стенографической записи. Кн. 2. СПб. 2003, с. 709.
34. МАРТЕНС Ф. Ук. соч., с. 26.
35. СВЯТЛОВСКИЙ В.В. Ук. соч., с. 108.
36. ЧЕРЕВКОВА А.А. Ук. соч., с. 96, 103.
37. МАРТЕНС Ф. Ук. соч., с. 26—27.
38. ПОЛЕНЦ В. Ук. соч., с. 168.
39. СОКОЛОВ А.С. Ук. соч., с. 158.
40. МАРТЕНС Ф. Ук. соч., с. 32.
41. СВЯТЛОВСКИЙ В.В. Ук. соч., с. 110.
42. ЧЕРЕВКОВА А.А. Ук. соч., с. 102.
43. ПОЛЕНЦ В. Ук. соч., с. 168—169.
44. БОРОДИН Н. Ук. соч., с. 285.
45. Там же, с. 286.
46. МАРТЕНС Ф. Ук. соч., с. 28.
47. ЧЕРЕВКОВА А.А. Ук. соч., с. 96—97.
48. МАРТЕНС Ф. Ук. соч., с. 36.
49. ЧЕРЕВКОВА А.А. Ук. соч., с. 107.
50. Там же, с. 108.
51. Из архива С.Ю. Витте, с. 716.
52. О. ГЕНРИ. Ук. соч., с. 236—238.
53. Там же, с. 101—102.

54. ПОЛЕНЦ В. Ук. соч., с. 171.
55. РУБИНОВ И. Женщина в американских университетах. — Русская мысль. 1908, № 7, с. 113.
56. ШАЦКИЙ Б.Е. Ук. соч., с. 38.
57. РУБИНОВ И. Ук. соч., с. 113.
58. Там же, с. 110.
59. НЕКАЯ О.Л. Женские медицинские колледжи в Англии и Северной Америке. — Вестник Европы. 1897, № 9, с. 88—99, РУБИНОВ И. Ук. соч., с. 104—122.
60. МИЖУЕВ П.Г. Женское образование и общественная деятельность женщин в Соединенных Штатах Северной Америки. СПб. 1983.
61. Заатлантические университеты. М. 1900.
62. Труды I Всероссийского съезда по образованию женщин. Т. 1. СПб. 1914, с. 32.
63. ЧЕРЕВКОВА А.А. Ук. соч., с. 110.
64. Из архива С.Ю. Витте, с. 716.
65. АСКОЛЬДОВА С.М. Ук. соч., с. 194.
66. РУБИНОВ И. Ук. соч., с. 120.
67. МАРТЕНС Ф. Ук. соч., с. 30.
68. СОКОЛОВ А.С. Ук. соч., с. 158; ОЗЕРОВ И.Х. Что делать? М. 1913, с. 371.
69. Там же, с. 286.
70. HURET I. En Amerique. De New-York à la Nouvelle-Orleans. Paris. 1904, p. 123.
71. ЧЕРЕВКОВА А.А. Ук. соч., с. 102.
72. СВЯТЛОВСКИЙ В.В. Ук. соч., с. 108.
73. ЧЕРЕВКОВА А.А. Ук. соч., с. 97—98.
74. МЮНСТЕРБЕРГ Г. Американцы. Т.1. Политическая и экономическая жизнь. М. 1906, с. 34.
75. ЧЕРЕВКОВА А.А. Ук. соч., с. 111.

Русское дворянство и протестантская религиозная культура в XVIII в.

А.Н. Андреев

Аннотация. В контексте противоречивой духовной жизни XVIII столетия в статье рассматривается отношение русского дворянства к протестантским конфессиям, а также нахождение представителей высшего сословия в пространстве протестантской религиозной культуры. В центре внимания исследования — процессы протестантского влияния на православное общество и случаи религиозных обращений. Автор делает вывод о том, что благодаря взаимодействию с протестантами в России XVIII в. усваивались чуждые традиционному обществу воззрения — такие, как индивидуализм религиозной жизни, рационалистические установки, скепсис в отношении чудес и таинств. Сближение с протестантским миром происходило на фоне распространения рационалистических и секуляризационных идей Просвещения, однако, в свою очередь, оно диалектически само содействовало секуляризации русской дворянской культуры. Лишь в конце века кризис Просвещения привел к росту влияния в России западных морально-мистических сект.

Ключевые слова: русское дворянство, протестантство, протестантская культура, Россия XVIII в.

Abstract. The article considers the attitude of Russian nobility to Protestant faiths in the conflicting context of the spiritual life of the 18-th century. And also the article discusses the existence of the upper class in the space of Protestant religious culture. In the center of author's attention are the processes of Protestant influence on Orthodox society and cases of religious conversions. The author concludes that, owing to intercommunion with Protestants, in Russia in the 18-th century some new opinions took roots, namely an individualism of the religious life, rationalistic principles, skepticism concerning the portents and ordinances. These opinions were alien to the traditional society. Russia's rapprochement with the Protestant world was influenced by the rationalist ideas and secularization of the Enlightenment. However, in turn, this rapprochement itself contributed to the very secularization in Russian noble culture. Only in the end of 18-th century the crisis of the Enlightenment led to the growing influence of Western moral-mystical sects in Russia.

Key words: russian nobility, protestantism, protestant culture, Russia in the 18-th century.

С эпохи Петра Великого усиливался процесс активного ознакомления россиян как с традиционными протестантскими конфессиями (лютеранством и кальви-

Андреев Александр Николаевич — доктор исторических наук, профессор Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета). Челябинск. E-mail: alxand@yandex.ru.

Andreev Alexander N. — doctor of historical sciences, professor of South Ural State University (National Research University). Chelyabinsk. E-mail: alxand@yandex.ru.

низмом), широко представленными в самой России, так и с новейшими реформационными течениями, еще не получившими распространения в «Московии». Знакомство с последними осуществлялось, в основном, в ходе поездок в Европу и было важно тем, что расширяло кругозор наших соотечественников, способствуя детализации их представлений о западном христианстве. Например, будущий канцлер Г.И. Головкин вместе с другими членами Великого посольства в 1697 г. побывал в амстердамской «квакерской церкви» и первым из русских составил описание молитвенных практик квакеров¹. Дневник крупнейшего государственного деятеля кн. Б.И. Куракина, неоднократно совершавшего служебные поездки по странам Западной Европы, демонстрирует знакомство с квакерами, баптистами, диссентерами, пресвитерианами и англиканами-конформистами². Естественно, в начале XVIII в. подобной осведомленностью в области истории и современного положения протестантизма могли похвастаться только избранные сановники и дипломаты, а также немногочисленные приказные и коллежские служители, специализировавшиеся на политических связях с иностранными государствами. Обычные чиновники коллегии иностранных дел в ряде случаев не видели существенной разницы даже между лютеранством и католичеством, называя приезжих римских патеров «служителями люторской веры»³. В провинции тем более не разбирались в вероисповедных градациях западного мира (в 1730-е гг. одна знатная дама утверждала, что «турецкий султан и *царь* французский исповедуют одну и ту же *басурманскую веру*»⁴), однако степень дифференцированного восприятия протестантских конфессий в России неуклонно возрастала.

Близкое знакомство русских дворян с протестантскими вероисповеданиями следует признать состоявшимся уже в начале XVIII в., однако серии обращений, аналогичной волне римско-католического конвертизма, оно не вызвало. С одной стороны, причиной практически полного отсутствия переходов православных в протестантские деноминации послужила относительно слабая (по сравнению с католиками) заинтересованность российских лютеран и реформатов в формальном присоединении русских к своим церковным объединениям. С другой стороны, в период Петровской модернизации и при ближайших преемниках Петра I протестантизм в религиозном плане оставался малопривлекательным для русского общества с несекулярным сознанием. Реформационные учения, сформировавшие на Западе принципы новой буржуазной культуры, в данный период времени еще не находили живого отклика в высшем сословии российского феодального общества, несмотря на то, что ценности буржуазного мира, этот конечный продукт духовного развития протестантских стран, активно и небезуспешно внедрялись властями в российское общественное сознание. В последнем факте проявилось своеобразие модернизационных процессов в России, а именно несоответствие привнесенных с Запада социокультурных принципов традиционным православным духовно-нравственным и социальным установкам.

За весь XVIII в. удалось обнаружить только два факта обращений русских дворян в протестантизм, причем в обоих случаях религиозная мотивация отступления от православия дополнялась политическими соображениями. Так, в 1717 г. переход в лютеранство совершил Дмитрий Иванович Минович, 18-летний учащийся тобольской школы Курта фон Врееха — пленного шведского капитана, организовавшего в «сибирской столице» училище и пропагандировавшего пиелизм⁵. Отец вероотступника, переяславский полковник Иван Ми-

рович, перешел на сторону шведов вместе с Мазепой, в результате чего вся семья оказалась в опале ⁶. Незадолго до своего обращения Дмитрий вместе с матерью и родными братьями был сослан в Тобольск. Очевидно, что принятие Мировичем лютеранства следует рассматривать не только как акт религиозного самоопределения, но и как политический шаг, обусловленный желанием укрепить связи со шведскими подданными и заручиться поддержкой шведского правительства для будущего бегства из России. Данное предположение подкрепляется тем, что один из Мировичей, старший сын переяславского полковника Фёдор Иванович, «изменя с Мазепою отъехал к королю швецкому», и братья рассчитывали в будущем отбыть к нему. В 1715 г. Василий Иванович Мирович через военнопленного шведа Эрика, возвращавшегося по размену в Стокгольм, велел передать брату, чтобы он не возвращался в Россию, поскольку и сами они имеют намерение бежать в Швецию ⁷. Сообщение было перехвачено, в результате Мировичи оказались в Сибири «на вечном житье» и уже не ожидали от государя помилования. В данных обстоятельствах политическая и религиозная ориентация Мировичей на Швецию становится понятной, хотя не следует исключать и фактор прозелитических усилий пиетистов, с радостью принявших в общину православного дворянина.

Руководитель школы Вреех, талантливый педагог, запомнился современникам как личность харизматическая, и Мирович, находившийся в тесном общении с ним, испытывал сильное влияние его деятельной природы ⁸. Так или иначе, отступник был возвращен сибирским митрополитом в лоно православной церкви и наказан епитимией ⁹. Печально известный инициатор «Шлиссельбургской нелепы» Василий Яковлевич Мирович, казненный за попытку возвести на престол Ивана Антоновича, приходился вероотступнику Дмитрию Мировичу внучатым племянником ¹⁰.

В начале царствования Елизаветы Петровны в Гааге состоялся переход в реформатскую веру гр. Александра Гавриловича Головкина (1688—1760), второго сына прославленного Петровского канцлера. Вместе со своими братьями А.Г. Головкин сначала обучался в иезуитской школе в Москве, а затем в гимназии Глюка, готовясь к дипломатическому поприщу. Большую часть жизни он провел за границей: в 1711—1722 и 1723—1727 гг. был посланником в Берлине, в 1728—1731 гг. — в Париже, а с 1731 г. пребывал чрезвычайным и полномочным послом «при Генеральных штатах» в Гааге. Современники считали графа одним из самых образованных людей эпохи, человеком «серьезным и необычайно умным» ¹¹. Головкин был лично знаком со многими светилами европейской науки, проявлял интерес к религиозным вопросам и, благодаря начитанности в области христианской истории и догматики, принял реформатское вероисповедание ¹². Этому также способствовал заключенный еще в Берлине брак Головкина с Екатериной-Генриеттой фон Дон, племянницей прусского фельдмаршала графа Дона-Вартенберга.

Как и в случае с Мировичем, вероотступничество Головкина обуславливалось не столько его религиозными поисками, сколько политическими мотивами. Со вступлением на престол Елизаветы Петровны родной брат Головкина Михаил Гаврилович, вице-канцлер при регентше Анне Брауншвейгской, был отправлен в сибирскую ссылку и скончался при невыясненных обстоятельствах. Оставшиеся в России Головкины впали в немилость, их имущества были конфискованы ¹³. Возвращаться послу на родину было опасно, вместе с тем принятие «голландской веры» становилось залогом успешной интеграции семейства Головкиных в гааг-

ское общество. Когда правительство Елизаветы потребовало возвращения дипломата в Россию, Головкин отказался подчиниться и пожелал остаться «в свободной и просвещенной стране, где уважают собственность и права человека»¹⁴. По мнению внука Головкина, путь на родину деду был заказан по причине вероотступничества, столь сурово караемого в России: Александр Гаврилович до конца своих дней проживал в Гааге на положении частного лица¹⁵.

В Голландии у Головкина родились четыре сына, которые приняли реформатскую веру, поступили на голландскую службу и женились на голландках-протестантках. Внуки бывшего гаагского посла (дети Гавриила Александровича Фёдор, Пётр и Гавриил, а также дети Александра Александровича) с младенчества были воспитаны в кальвинизме¹⁶. Поскольку российское имение посла конфисковали, его потомки не стремились возвратиться на историческую родину. Однако Екатерина II, реабилитируя ссыльных и опальных двух предшествующих царствований, по просьбе вдовы вице-канцлера Екатерины Ивановны Головкиной (урожденной княжны Ромодановской), пригласила гаагских Головкиных вернуться в Россию и приостановила распродажу принадлежавших послу поместий¹⁷. Императрица гарантировала возврат Головкиным их имущества и право свободно исповедовать реформатское учение, проживая в России.

Внуки Головкина воспользовались приглашением и поступили на российскую службу: Гавриил Гаврилович стал полковником егерского полка, Фёдор Гаврилович являлся камергером при Павле I, Пётр занимал должность обергофмаршала при дворе Александра I, их кузен Георгий Александрович служил сенатором¹⁸. Все они сохраняли реформатскую веру, а Пётр Гаврилович в 1790-е гг. являлся старшиной французско-немецкой реформатской церкви в Петербурге. Вместе с пастором Мансбенделем и неогоциантом Иваном Фуерсом П.Г. Головкин усердно отстаивал интересы французских прихожан и даже выступил одним из зачинщиков спора с немецкими старостами прихода. Активно сопротивляясь исполнению предписаний манифеста от 11 мая 1778 г., регулировавшего конфликт в приходе, Головкин требовал, чтобы службы совершались исключительно французским пастором, чтобы за французскими прихожанами было признано право безусловного владения кирочным имуществом, зданием кирки и прилегающей к ней землей¹⁹. На заседаниях церковного совета Головкин заявлял, что «во всем российском государстве не существует немецкой реформатской церкви, и французы единые суть хозяева церкви и дома церковного»²⁰. Юстиц-коллегия Лифляндских и Эстляндских дел постановила вывести Головкина из состава конвента, однако русский «глава реформатов» (по выражению Павла I) не пожелал подчиниться решениям коллегии. После переноса дела о споре на рассмотрение в Сенат Головкин в начале 1797 г. был выслан императором Павлом в свое имение за то, что «он провинился против юстиц-коллегии, которой был подчинен как старшина реформатской церкви»²¹. Примерно через год Павел возвратил Головкина из изгнания, однако поскольку тот явился ко двору с «не в меру торжествующею физиономиею»²², его вновь было повелено отправить в ссылку.

Исключительность фактов дворянско-протестантского конвертизма в XVIII в., тем не менее, не позволяет утверждать, что протестантское влияние мало коснулось данной социальной среды. Наоборот, влияние протестантизма оказалось весьма широким, хотя и не может быть признано в строгом смысле конфессиональным. В первую очередь, наблюдалось воздействие европейских культур-

ных ценностей, возникших на основе протестантских социальных и религиозных принципов. В частности, приобщение российского общества к плодам западной цивилизации ускорило процесс обмирщения русской культуры, в ходе которого православные россияне заимствовали протестантские по своей сути взгляды на церковь и христианское вероучение без смены вероисповедания. Уже при дворе Петра I многие русские вельможи переставали соблюдать посты и вообще «легкомысленно относились к обрядовой стороне религии»²³. Становились возможными духовные преступления против православия, связанные с, условно говоря, «протестантским» отношением к культу. Например, в 1726 г. в «церковных противностях» обвинялся стольник, действительный статский советник Михаил Михайлович Самарин, которому вменялось в вину то, что он «хулил иконы, называя их идолами, и призывал поклоняться мыслию и духом, мощи святых он якобы называл мосолюдами и гнилыми костями, насмехался над чудесами святых»²⁴.

Тем не менее рационализм и религиозный скептицизм прочно укоренились в дворянском обществе только в середине и второй половине XVIII века. В первой же половине столетия, несмотря на явные секуляризационные тенденции, среди русского дворянства еще бытовала религиозность традиционного типа, а рациональные принципы протестантов в ряде случаев продолжали вызывать острую неприязнь²⁵. Католицизм, выражавший, как и протестантство, востребованный в России европейский культурный опыт, в догматическом и культовом отношениях был гораздо ближе к православию, а значит, оказывался понятнее православному человеку. Вероятно, по этой причине некоторые религиозно настроенные аристократы и дворяне, искавшие духовного обновления в русле западной культуры, в первой половине XVIII в. приобщались именно к католической традиции, а не к протестантской. В дальнейшем, в связи с распространением рационалистических и антиклерикальных идей Просвещения, воззрения рационалистов-протестантов на монашество, иконопочитание и чудеса святых оказались близки образованному кругу русского дворянства, однако какой бы ни была церковность, православная, католическая или протестантская, в глазах «просвещенных» дворян она уже была лишена былого блеска и авторитета, что, в свою очередь, обусловило отсутствие случаев протестантского конвертизма.

Сложности приобщения высшего сословия к западноевропейской духовной культуре демонстрируют полемика с протестантскими учениями и конфликты на конфессиональной почве, наблюдавшиеся в первой половине XVIII века. Одним из дворянских идеологов борьбы с протестантским влиянием в Петровское царствование выступил кн. Михаил Кропоткин, происходивший из смоленских Рюриковичей. Князь не мог похвастаться богословскими познаниями и широкой образованностью, однако почел своим долгом вступить «за православных, которым грозит лютерское нечестие»²⁶. В своих сочинениях, представляющих компиляцию из книг польских католических авторов о «лютерской и кальвинской ересьях», а также в собственных или заимствованных у сторонних авторов виршах, обличающих протестантское «зловерие», Кропоткин обрушивал на протестантов потоки угроз, часто перемешанных с бранью: «О злии люторане! Лестно бо зоветесь христиане»²⁷. Следуя за одним польским стихотворцем, Кропоткин именовал Мартина Лютера «скаредной гадиной, паршивой козой, министром диавольским»²⁸. В отношении протестантского присутствия в России князь также высказывался безапелляционно: «Ныне и между

нами, правоверными христианами, / Много в домех пребывают лютораны, / И учат юных детей в российском народе, / Приводя прелестно к своей невзгоде»²⁹.

В критике обучения русских детей протестантами Кропоткин не был одинок. По свидетельству Иоганна Паузе (Пауса), преемника Глюка на посту директора немецкой гимназии в Москве, при всей популярности иноземного образования лютеранин не мог быть полностью застрахован от конфликтов с православными. Сам глава лютеранского учебного заведения подвергался оскорблениям и даже побоям со стороны недовольных работой школы дьяков и подьячих Посольского приказа, лезших в драку и ругавших Паузе «... сукиным сыном и дураком»³⁰.

В первой половине XVIII в. многие русские вельможи не стеснялись в выражении ненависти к иноземцам и прославились как «смертельные враги» всего иностранного. При этом часто «противники иностранцев» в равной степени не терпели католичество и протестантство, и наоборот, религиозная толерантность первых русских «западников» распространялась на целый ряд конфессий. Лишь в правление императрицы Анны «бионовщина» стала фактором складывания негативного отношения старинных русских фамилий именно к немцам и лютеранству. Были замечены случаи религиозных столкновений с протестантами. Так, в 1737 г. Анна Иоанновна получила прошение лютеранина из Ярославля Георга Шустерна, «юристического ученика», который жаловался на ярославского городского судью и асессора, воеводского товарища Ивана Караулова, повелевшего его жестоко избить. Шустерн писал: «Я здесь единственный иноземец во всем городе для пользы народа и российских молодых шляхетных детей и таким безбожным поступком в моей чести и добром звании оскорблен безо всякой причины, кроме спорных слов, потому что он (Караулов) уже давно умершего Лютера очень ругательно бранил, что я его собственными словами опровергал, и для того он призвал своих слуг и жестоко меня бил»³¹. В ходе следствия выяснилось, что Шустерн был в гостях у флотского поручика Милюкова и имел с ним разговор про Мартина Лютера, а присутствовавший там же майор Караулов оскорблял Лютера. Шустерн на то отвечал: «Попробуй, сделай то сам, что Лютер сделал; нам его не судить, за свои дела получит он воздаяние от Бога, а был он честный человек»³². После этих слов Караулов ударил Шустерна по щеке, сорвал с головы парик, бил кулаком, изодрал кафтан, а потом кликнул слуг и приказал бить плетью, после чего истязуемый пролежал в постели восемь дней.

Однако в ходе упрочения социокультурных связей между россиянами и западноевропейцами подобные конфликты становились не более чем исключением из правил. Современники утверждали, что к середине XVIII в. позитивное отношение дворянства к западным христианским конфессиям заметно укрепилось. Наряду с оказанием помощи латинским общинам, дворянство материально поддерживало протестантов. По свидетельству крупнейшего публициста и статистика XVIII в. А. Гупеля, «при сооружении новых церквей в Санкт-Петербурге, при дворе, например, некоторые русские аристократы посредством крупных пожертвований доказали свою достославную веротерпимость и щедрость»³³. Среди русских вельмож появлялись защитники протестантских интересов. Например, вице-канцлер А.П. Бестужев-Рюмин, окончивший гимназию Глюка и женившийся на лютеранке фон Беттингер, встал на защиту петербургской лютеранской кирки св. Петра, когда синодальные члены потребовали от императрицы Елизаветы Петровны упразднить евангелическую

общину, а церковное здание передать РПЦ. Благодаря усилиям Бестужева-Рюмина, в 1756 г. Петрикирхе была дарована грамота, гарантирующая неприкосновенность церковного имущества лютеран в будущем. Содействуя подписанию данного документа, вице-канцлер «рассказывал и православным, и лютеранам, что ему являлся образ Девы Марии, просящей оставить кирку ее хозяевам»³⁴. В дальнейшем, находясь в ссылке в имении Горетово, Бестужев-Рюмин написал книгу «Избранные из Священного Писания изречения во утешение всякого невинно претерпевающего христианина», весьма востребованную в протестантских кругах в качестве полезного чтения и переведенную на немецкий, французский и шведский языки³⁵.

С Петровских времен началось активное приобщение русских людей к протестантской книжности. Хотя произведения протестантских мыслителей и «очищались» публикаторами от видимых несоответствий православному вероучению, они способствовали замещению веками накопленной православной мудрости плодами религиозной рефлексии инославных христиан. Существенную роль в развитии российской науки и образовательной системы сыграли сочинения протестантских богословов и историков, многие из которых были переведены на русский язык по приказу Петра I³⁶. В качестве учебного пособия по всеобщей истории, например, в России широко использовалась книга Вильгельма Стратемана «Феатрон, или Позор исторический», содержащая резкую критику папства и восхваляющая реформы Мартина Лютера³⁷. В том же качестве пользовалась популярностью книга С. Пуффендорфа «Введение в историю европейскую», широкое признание получили «Библейская история» Хюбнера, «Краузова историческая библия с картинками», «Фандалова (Van Dale) сражения о чудесах старых идолопоклонников» и др. издания³⁸. Поэтому не вызывает удивления случай, произошедший с пастором А.Ф. Бюшингом во время его первого приезда в Петербург в 1750 г.: в автобиографии пастор поведал, что однажды после проповеди к нему подошел русский «наборщик» из Академии наук, не раз и до того посещавший лютеранские богослужения, и попросил «наставить его в делах веры»³⁹. Существует предположение, что этим «наборщиком» мог быть ученый библиограф и историк А.И. Богданов⁴⁰.

В просвещенных кругах русского общества XVIII в. протестантские служители часто воспринимались в качестве ученых мужей и носителей передовой мысли. Просветительская и исследовательская работа пасторов издавна ценилась в России — к ним обращались за педагогическим опытом и новейшими книгами. П.Д. Апостол, сын знаменитого гетмана, в 1726—1728 гг. не раз навещался за иностранными книгами к пастору Р. Дюнану в церковь французских реформатов в Петербурге (точнее, в дом старшины Ж. Пеллотье, где до 1728 г. проводились реформатские богослужения)⁴¹. Обучавшиеся за границей у кальвинистских пасторов дети русских вельмож были очень признательны своим педагогам, знакомившим их с книгами А. Смита и Дж. Бентама⁴². Нашел поддержку среди аристократии и печально известный лютеранский пастор Ф.-С. Зейдер, сосланный в Сибирь за хранение запрещенной литературы⁴³. Пастор англиканской общины Петербурга Д. Дюмареск, почетный член Петербургской академии наук и приятель А.С. Строганова, был специально приглашен к великому князю Павлу Петровичу для просветительских бесед, часто приносил наследнику книги и географические карты⁴⁴.

Во второй половине XVIII в. протестантские воззрения стали в большей степени соответствовать культурному облику дворянства, во многом утратив-

шему традиционные религиозные понятия. Руководствуясь мыслью, что «за внешним благочестием не всегда стоит внутреннее», столичная знать резко сократила в XVIII столетии количество икон в своих домах⁴⁵. На селе помещики еще старались сохранить традиционные православные порядки⁴⁶, однако в целом благочестивые (в традиционном понимании благочестия) дворяне «составляли явное меньшинство внутри сословия»⁴⁷. Даже известный своим православным усердием кн. И.М. Долгоруков, талантливый русский писатель и мемуарист рубежа XVIII—XIX вв., глубоко чтивший таинства, с верою участвовавший в крестных ходах и специально приезжавший на поклонение святым мощам⁴⁸, не считал большим грехом в Великий пост присутствовать на представлении французских комедиантов⁴⁹. Несмотря на то, что протестантский конвертизм в России продолжал отсутствовать, некоторые рационалистические идеи, имевшиеся в протестантстве, оказались созвучными духовным запросам русских людей с новым секулярным сознанием. Россияне, воспитанные в духе рационализма и антиклерикализма Просвещения, практически приблизились к протестантскому пониманию сущности христианской церкви и духовного служения, заключенной не в церковной организации и следовании ее канонам, а в живой вере в Иисуса Христа. Рационалистическая трактовка христианства, неприятие церковного фанатизма и средневековых форм религиозности отличали воззрения величайших умов России XVIII столетия — В.Н. Татищева, Н.М. Карамзина, А.Н. Радищева и многих других⁵⁰. Не случайно антиклерикальные сатиры А.Д. Кантемира, обращенные против стяжательства, властолюбия и суеверий духовенства православной церкви (как, впрочем, и иных церквей) сразу же нашли живой отклик в антикатолических кругах Голландии и Германии: протестанты активно переводили сатиры Кантемира на европейские языки и использовали их в литературной борьбе с католицизмом⁵¹. В знаменитой оде «Вольность» Радищев писал: «Подъял луч Лютер просвещенья, / С землею небо помирил».

Однако рационализм и материалистическая этика Просвещения так и не смогли окончательно вытеснить на периферию культуры живой, не подмененный логическими конструкциями, религиозный опыт. В Западной Европе уже с середины XVIII в. происходил пересмотр рационалистической традиции, которая, как оказалось, не только не была в состоянии порвать с «теологическими предрассудками», но и благодаря своей ограниченности сама стимулировала религиозно-мистические поиски янсенистов, пиетистов и сектантов новой генерации⁵². В последней трети XVIII и начале XIX в. аналогичная тенденция была отмечена и в России: все чаще образованных представителей русского общества привлекали мистические религиозные учения, как конфессиональные, так и внеконфессиональные (масонство). На волне разочарования в просветительских идеалах усилился интерес к католической церкви, мистический компонент вероучения которой обрел в России своих новых адептов⁵³. Возросло также влияние европейских христианских сект. При этом важно, что потребность русских дворян в мистическом богооткровении в конце XVIII в. зачастую удовлетворялась в ходе миссионерской работы сектантов Запада, а развитие новых форм религиозности происходило в тесной связи с генезисом новых протестантских учений в Европе. Таким образом, уже к началу XIX столетия Россия приблизилась к европейским странам по уровню своих духовно-нравственных и религиозных запросов.

Интерес дворянства к западной духовности был вызван не только миссионерской работой инославных, тяготением русской науки и образования к ев-

ропейским достижениям и стандартам, но и частой неспособностью Русской Православной Церкви утолить жажду новых религиозных исканий. Секуляризация века Просвещения значительно отдалила русское дворянство от обрядовой жизни РПЦ, а сопряженная с догматизмом православная мистика мало могла заинтересовать ищущих духовного обновления людей. Кроме того, социальный статус православного клира в XVIII в. неуклонно понижался, в результате чего духовные потребности высшего сословия в ряде случаев не могли быть удовлетворены мало уважаемым православным духовенством. Иное отношение формировалось к иностранным духовным персонам. Мемуарист А.М. Тургенев, который (по собственному признанию) любил Русь «без ограничения», писал: «В пасторе лютеранском вы видите человека образованного, человека высокой учености и примерного благонравия; его всегда принимают с отличным уважением в лучшем обществе; пастор всегдашний собеседник дворянина. У нас сельский поп в обществе дворянского сословия принимается по долгу его звания, для исправления треб в дни праздничные со крестом и священною водою; он никогда не бывает собеседником дворянину. У дворян молодых, даже и пожилых, беловолосых, сельский поп занимает неподобающее для духовного лица место»⁵⁴.

Тем не менее, в феодальном сознании русского общества XVIII в. пасторский сан воспринимался как менее престижный по сравнению со званием латинского прелата. Несмотря на то, что сами потомственные служители протестантских церквей причисляли себя к «господскому сословию»⁵⁵ и были «уважаемы от всей российской публики»⁵⁶, русская аристократия не считала их себе ровней. Так, потомков А.И. Остермана, отец которого был пастором, русская знать презрительно именовала «поповичами», хотя знаменитый аннинский министр был женат на представительнице боярского рода Стрешневых⁵⁷. В XVIII в. римский священник, благодаря своим связям в высшем свете, в глазах дворянства обладал большим моральным правом на духовное руководство, нежели протестантский пастор, что делало возможным даже обретение дворянином священнического сана Римской церкви. Сословный характер русского общества затруднял духовное служение тех дворян, которые в силу глубоких религиозных переживаний желали принять на себя обязанности священника, поскольку переход дворянина в духовное сословие сопровождался существенным понижением его социального статуса и требовал разрешения императора. Но, как подчеркивает профессор-социолог В.А. Бачинин, «то, что было невозможно применительно к православной церкви, оказалось реальностью в неправославном христианстве»⁵⁸. Неслучайно уже в XIX в., на новом витке российской модернизации, стали возникать прецеденты принятия русскими аристократами баптистского пасторства, а пасторский сан уже признавался достойным выбора⁵⁹.

Духовная жажда русского дворянства, не приемлющего традиционных форм церковной жизни, в последней трети XVIII в. способствовала поиску религиозной истины в масонстве и так называемом «духовном христианстве». Это в ряде случаев определяло прозелитические успехи протестантов морально-мистического направления. Пиетисты и гернгутеры, наиболее многочисленные представители данного направления в России, не придавали существенного значения догматам и внешним формам организации общения с Богом, поэтому итогом их миссионерских усилий являлись не переходы русских в «аугсбургское исповедание», а усвоение ими особого протестантского взгляда на христианство.

Особыми успехами на ниве прозелитической работы мог похвастаться Иоханнес Виганд, член секты «унитарианцев», видный гернгутерский пастор в России

конца XVIII века. Выпускник Галльского университета, воспитанный на творческом наследии И. Арндта, Виганд в 1767 г. поступил учителем в дом харьковского прокурора и крупного землевладельца Петра Андреевича Щербинина. В течение многих лет состоя не только учителем, но и являясь другом дома, Виганд сумел сильно повлиять на религиозность старшего Щербинина, его детей, а также их ближайших родственников. В 1775—1780 гг. Виганд вместе со своими воспитанниками посетил ряд европейских стран, где дети Щербинина знакомились с богослужением и бытом местных гернгутерских обществ. Старший сын харьковского прокурора не раз посещал собрания и «братские трапезы» в Голландии и Англии⁶⁰. В итоге между Щербиниными и «унитарянами» Берлина, Лондона и других европейских городов установились тесные связи.

В круг влияния Виганда попали также и Хомутовы, родственники Щербининых со стороны княжны Кропоткиной, жены Петра Андреевича. В 1780 г. Виганд пожелал «выпестовать» разбитого параличом молодого Хомутова, племянника смоленского вице-губернатора Козодавлева. Больной ребенок скончался на руках гернгутера, хотя и принял накануне смерти православное причастие. Вообще воспитанники Виганда сохраняли формальную приверженность к Русской Православной Церкви, и пастор, по-видимому, не придавал этому большого значения. Во всяком случае, когда Хомутов, принимая из рук православного священника Тело и Кровь Христову, вдохновенно прочитал молитву ко святому причащению, Виганд испытал большое удовлетворение от душевного порыва своего питомца⁶¹.

Согласно сообщению Виганда, в русском обществе 80-х и 90-х гг. XVIII столетия было немало лиц, сочувствовавших гернгутерам и их учению. Среди них можно обнаружить и членов масонских лож. Например, к гернгутерским кругам был близок куратор Московского университета И.И. Мелиссино, бывший синодский обер-прокурор. Показательно, что, возглавляя духовное управление, Мелиссино представил на высочайшее рассмотрение проект модернизации РПЦ, в котором он доказывал необходимость сокращения количества постов и времени богослужений, отмены обычая «поднимать» иконы на дом, высказывался за исправление Кормчей книги и дарование белому духовенству права принимать архиерейский сан⁶². Московский университет при Мелиссино стал фактически рассадником гернгутерства — многие представители этого религиозного направления (в том числе и сам Виганд) пополнили состав профессуры. Проповеди Виганда в лютеранских кирках Москвы и занятия по подготовке молодых людей из лютеранских приходов к конфирмации пользовались такой популярностью, что на них присутствовало «зачастую многочисленное русское общество»⁶³. Уже являясь петербургским пастором, Виганд давал частные уроки гр. Н.П. Панину и П.А. Галахову, пользовался дружеским расположением очень «набожных», по собственному выражению пастора, петербургских чиновников — губернатора П.П. Коновницына, обер-полицмейстера П.М. Глазова, вице-адмирала С.И. Плещеева, тайного советника И.В. Лопухина и других⁶⁴. Некоторым православным общественным деятелям особенно импонировали гернгутерские нравы и обычаи. Например, писатель А.Е. Измайлов восторженно описывал быт и моральный облик жителей гернгутерской колонии Сарепта, расположенной вблизи Царицына, которую он посетил в 1802 году⁶⁵. Между тем, на светских молодых людей, сохранявших скептицизм Просвещения, тот же порядок мог производить тяжелое и неприятное впечатление. Так, А.В. Салтыков, в 1797 г. отправившийся на юг России лечиться водами, составил безрадостное описание Сарепты, назвав колонию «могилой пятисот мерт-

вещей, еще живущих»⁶⁶. Нравственный ригоризм гернгутеров оказался мало-привлекательным молодому путешественнику, а фигура основателя Сарепты, духовного лидера местных сектантов Фига, показалась ему весьма комичной⁶⁷.

Протестантская религиозная культура в самых разных ее проявлениях — от нравственно-богословских и ученых сочинений пасторов до богослужебных практик — вызывала немалый интерес и пользовалась большим уважением в среде русского дворянства XVIII столетия. В ходе приобщения к плодам этой культуры русские дворяне (и вообще светские образованные люди, ближе всех стоявшие к «вратам» европейской учености) крайне редко совершали переходы в протестантские вероисповедания. Однако, оставаясь православными, в процессе взаимодействия с протестантами многие из них укоренялись в новых, чуждых традиционному обществу, религиозных взглядах — разделяли индивидуализм религиозной жизни, рационалистические или даже скептические установки (например, в отношении чудес и таинств), этические и бытовые нормы протестантов. Протестантское влияние содействовало секуляризации русской культуры, которая, в свою очередь, диалектически способствовала укреплению связей с протестантскими общинами и учениями. Влияние усилилось к концу XVIII столетия в связи с обострившимися духовными исканиями части российского дворянства, либо симпатизировавшего реформационным идеям по причине дальнейшей секуляризации сознания, либо, наоборот, увлекавшегося мистическими градациями протестантства вследствие преодоления ограниченности просветительской идеологии.

Примечания

1. Журнал путешествия по Германии, Голландии и Италии в 1697—1699 гг., веденный состоявшим при Великом посольстве русском к владетелям разных стран Европы. В кн.: Россия и Запад: горизонты взаимопознания. М. 2000, с. 187.
2. КУРАКИН Б.И. Дневник и путевые заметки (1705—1708). В кн.: Россия и Запад: горизонты взаимопознания. М. 2000, с. 232, 243.
3. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 152, оп. 1 (1712 г.), д. 2, л. 2.
4. Записки князя Петра Долгорукова. СПб. 2007, с. 330.
5. WREESCH C.F. Wahrhaftige und umständliche Historie von denen schwedischen Gefangenen in Russland und Sibirien. Sorau. 1728, S. 545—546, 890; ЧЕРКАЗЬЯНОВА И.В. Школа шведских пленных в Тобольске: опыт взаимодействия немецкой и русской культуры начала XVIII в. В кн.: Немцы на Урале и в Сибири. Екатеринбург. 2001, с. 211.
6. БИЛЬБАСОВ В.А. История Екатерины Второй. Т. 2. Берлин. 1900, с. 350.
7. Там же.
8. WREESCH C.F. Op. cit., S. 890—891.
9. ЧЕРКАЗЬЯНОВА И.В. Ук. соч., с. 211.
10. БИЛЬБАСОВ В.А. Иоанн Антонович и Мирович. М. 1908, с. 24—26.
11. Записки князя Петра Долгорукова, с. 168.
12. УСПЕНСКИЙ Б.А., ШИШКИН А.Б. Триадиакровский и янсенисты. — Символ. 1990, № 23, с. 127.
13. Записки князя Петра Долгорукова, с. 166—168.
14. Там же, с. 169.
15. ГОЛОВКИН Ф.Г. Двор в царствование Павла I. М. 1912, с. 45.
16. Записки князя Петра Долгорукова, с. 169.
17. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ), ф. 2, оп. 2/1, д. 695, л. 2—9.
18. Записки князя Петра Долгорукова, с. 169.

19. РГАДА, ф. 284, оп. 1, ч. 4, д. 7875, л. 1об.
20. Там же, л. 1.
21. ГЕЙКИНГ К.-Г. Император Павел и его время. — Русская старина. 1887, т. 56, с. 391.
22. Там же, с. 793.
23. ИЗВЕКОВ Д.Г. Отношение русского правительства в первой половине XVIII столетия к протестантским идеям. — Журнал министерства народного просвещения. 1867, № 10, с. 60.
24. СМИЛЯНСКАЯ Е.Б. Суеверия и народное религиозное вольнодумство в России XVIII в. Дисс. докт. ист. наук. М. 2004, с. 456—457.
25. ГОЛОВИН В.В. Записки о бедной и суетной жизни человеческой. В кн.: Родословная Головиных, владельцев села Новоспасского. М. 1847, с. 44—57; О противоречиях между православием и протестантизмом см.: АМВРОСИЙ (Юрасов), архим. Православие и протестантизм: сопоставительный богословский анализ. Иваново. 1994.
26. ПОКРОВСКИЙ Н. Борьба с протестантскими идеями в петровское время и кн. Михаил Кропоткин. — Русский вестник. 1872, т. 101, с. 226.
27. РГАДА, ф. 364, оп. 1, д. 107, л. 22.
28. ПОКРОВСКИЙ Н. Ук. соч., с. 232.
29. Там же, с. 229.
30. РГАДА, ф. 364, оп. 1, д. 108, л. 30—37.
31. СОЛОВЬЁВ С.М. История России с древнейших времен. Кн. 10. М. 2002, с. 757—758.
32. Там же, с. 758.
33. HUPEL A.W. Die kirchliche Statistik von Russland nebst andern kürzern Aufätzten. Riga. 1786, S. 309.
34. АЛАКШИН А.Э. Протестантские общины в Петербурге в XVIII в. Челябинск. 2006, с. 97.
35. СУХАРЕВА О.В. Кто был кто в России от Петра I до Павла I. М. 2005, с. 71.
36. ИЗВЕКОВ Д.Г. Ук. соч., с. 62.
37. БЕЛОБОРОДОВ С.А., САФРОНОВА А.М. В.Н. Татищев как заказчик литературы для екатеринбургского духовенства и горнозаводских школ (1735 г.). В кн.: Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. трудов. Вып. 4. Екатеринбург. 2004, с. 115; САФРОНОВА А.М. Использование книг В.Н. Татищева и казенной библиотеки Екатеринбурга в 30-е гг. XVIII в. Там же. Вып. 1. Екатеринбург. 2001, с. 297.
38. САФРОНОВА А.М. Поступления книг на иностранных языках в Екатеринбургскую библиотеку горного ведомства в 1735—1739 гг. Публикация документов. В кн.: Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. трудов. Вып. 2. Екатеринбург. 2002, с. 354—361; Государственный архив Свердловской области (ГА СО), ф. 24, оп. 1, д. 691, л. 406—411.
39. АЛАКШИН А.Э. Иностранцы в Петербурге XVIII века. Опыт историографического исследования. СПб. 2014, с. 30.
40. Там же.
41. Дневник Петра Даниловича Апостола (май 1725 г. — май 1727 г.). — Киевская старина. 1895, т. 50, № 7—8, с. 145, 150.
42. Дневник Этьена Дюмона об его приезде в Россию в 1803 г. (Изложение и отрывки С.М. Горяинова). — Голос минувшего. 1913, № 2, с. 160.
43. Записки Александра Михайловича Тургенева. 1772—1863. — Русская старина. 1885, т. 48, с. 485—486; Записки Августа Коцебу. Неизданное сочинение Августа Коцебу об императоре Павле I. В кн.: Цареубийство 11 марта 1801 г. Записки участников и современников. СПб. 1908, с. 339.
44. ПОРОШИН С.А. Записки, служащие к истории великого князя Павла Петровича. В кн.: Русский Гамлет. М. 2004, с. 87, 109—114, 119, 127, 136, 144, 155, 157, 202, 222, 271.
45. КИРИЧЕНКО О.В. Почитание святых русскими дворянами (XVIII столетие). В кн.: Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII—XX вв. М. 2002, с. 35.
46. Напр., см.: СИВКОВ К. Полгода из жизни провинциального помещика конца XVIII в. — Голос минувшего. 1915, № 9, с. 274—275.
47. КИРИЧЕНКО О.В. Ук. соч., с. 9.
48. Его сочинения на духовные темы см.: ДОЛГОРУКОВ И.М. Сочинения Долгорукаго (князя Ивана Михайловича). Т. 1. СПб. 1849, с. 17—26; Т. 2. СПб. 1849, с. 488, 492.

49. ДОЛГОРУКОВ И.М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году от рождения моего. Т. 1. СПб. 2004, с. 603.
50. ТАТИЩЕВ В.Н. Духовная. В кн.: ТАТИЩЕВ В.Н. Избранные произведения. Л. 1979, с. 137; ЕГО ЖЕ. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах. Там же, с. 76—79; КАРАМЗИН Н.М. Письма русского путешественника. М. 1988, с. 126—128, 294; РАДИЩЕВ А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву: Очерки. Стихотворения. М. 2006, с. 168.
51. ГРАССГОФ Х. Первые переводы сатир А.Д. Кантемира. В кн.: Международные связи русской литературы. М.-Л. 1963, с. 104—107.
52. СМИЛЯНСКАЯ Е.Б. Ук. соч., с. 120.
53. БАХМЕТЬЕВА Т. Русский католицизм первой четверти XIX в.: новый взгляд. — Религиоведение. 2005, № 4, с. 30—41.
54. Записки Александра Михайловича Тургенева. — Русская старина. 1885, т. 48, с. 484.
55. Напр., на своей принадлежности к «благородным господам» и необходимости сообразовываться с кодеком дворянской чести настаивал шведский пастор Эрик Ганандер, вступивший в 1797 г. в поединок с неким армейским капитаном и вынужденный по этой причине бежать в Россию. См.: РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 3184, л. 2.
56. ГЕОРГИ И.Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оногo. СПб. 1794, с. 279.
57. См. примечания к публикации: Из записок Фридриха Великого о России в первой половине XVIII в. — Русский архив. 1877, вып. 1, с. 7.
58. БАЧИНИН В.А. У истоков российского протестантизма. — Вопросы истории. 2007, № 3, с. 21.
59. Там же, с. 21—30.
60. Пастор Виганд. Его жизнь и деятельность в России. 1764—1808 гг. — Русская старина. 1892, т. 74, с. 558.
61. Там же, с. 559.
62. СУХАРЕВА О.В. Ук. соч., с. 304.
63. Пастор Виганд. Его жизнь и деятельность в России, с. 563.
64. Там же, с. 563, 566—567.
65. GERMAN A.A., ИЛАРИОНОВА Т.С., ПЛЕВЕ И.Р. История немцев России. Хрестоматия. М. 2005, с. 30.
66. Записки путешественника в Сарепту (Журнал графа С-ва). В кн.: Памятник отечественных муз. СПб. 1827, с. 66.
67. Там же, с. 68—76.

Отражение событий 1917—1920 гг. в Северном Азербайджане в современной российской историографии

В. Абышов

Аннотация. В представленной работе основное внимание уделяется анализу научно-исследовательских трудов, посвященных политическим событиям 1917—1920 гг. в Северном Азербайджане, написанных и опубликованных историками России в начале XXI столетия. Устранение политико-идеологических ограничений, отмена цензуры, исчезновение других препятствий после распада Советского Союза оказали положительное влияние на развитие исторической науки.

Ключевые слова: И.Х. Дамения, А.Ю. Безугольный, А.А. Чичкин, Россия, Северный Азербайджан, Турция.

Abstract. In the article mainly was focused on the analyses of research papers on the political events of 1917—1920 in Northern Azerbaijan, and written and published by Russian historians in early XXI century. Elimination of political and ideological restrictions, the lifting of censorship, the disappearance of other obstacles after the disintegration of the Soviet Union had a positive impact on the development of historical science.

Key words: I.KH. Dameniya, A.YU. Bezugolny, A.A. Chichkin, Russia, Northern Azerbaijan, Turkey.

В представленном исследовании анализируется подход некоторых современных историков России к политическим событиям, происходившим в 1917—1920 гг. в Северном Азербайджане.

Историческая наука России и Советского Союза являлась в 1918—1980 гг. ведущей составной частью идеологической линии большевистской (коммунистической) партии, сформированной в соответствии с требованиями марксистско-ленинской методологии на основе исторического материализма. Турецкий исследователь Зеки Велиди Тоган отмечал, что, по мнению сторонников исторического материализма, мир подчиняется законам материальной природы, и история станет истинно научной лишь в том случае, если сможет изучить законы материи и природы и определить их роль в процессе эволюции человеческого общества¹.

Подход советских ученых к определенным научным проблемам ограничивался рамками официальной советской идеологии. Большая часть исследователей, выходящих за пределы

Абышов Вагиф — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Истории им. А.А. Бакиханова НАН Азербайджана. E-mail: www.vagif.abishov1955@gmail.com.

Abishov Vagif — candidate of historical sciences, leading researcher at the Institute of History named after A.A. Bakikhanov of ANAS. E-mail: www.vagif.abishov1955@gmail.com.

этих рамок, подвергалась репрессиям или же была вынуждена эмигрировать. Однако следует признать, что историческая наука современной России успешно развивается во многом благодаря достижениям предшествующих поколений историков.

После развала Советского Союза отношение к исторической науке изменилось. Русский историк А.С. Соколов отмечал: «На развитие исторической науки в нынешней России оказали влияние снятие политико-идеологических ограничений и цензуры; расширение доступа к источникам; открытие, пусть далеко не полное, архивов; расширение возможностей работы за рубежом; повышение интенсивности научных связей, в том числе между государствами, расширение прямых и косвенных международных контактов ученых, открытие доступа к зарубежной литературе; улучшение технологической базы научных исследований и коммуникаций, в том числе на основе бурного развития информационных технологий; рост возможностей публикации научных результатов»².

Можно отметить, что в 1991 г. историческая наука России вступила в качественно новый этап своего развития, и такие темы, как история установления Советской власти в Северном Азербайджане, начали постепенно выходить из круга интересов современных российских историков. Научно-исследовательские труды, написанные и опубликованные историками России в течение последних 15—20 лет, посвящены или общекавказским проблемам, или политическим событиям, происходившим на Северном Кавказе в целом.

С 1991 г. ни в Азербайджанской Республике, ни в Российской Федерации не была проведена ни одна научная конференция, посвященная проблемам «революционной борьбы» большевиков и их сподвижников, вопросам установления Советской власти в различных регионах Южного Кавказа в 1917—1920 годах.

Уменьшение внимания современных историков к этим событиям связано с некоторыми обстоятельствами. Во-первых, социалистическая система распалась, и ныне историки России свободны в выборе методов изучения, освещения, исследования, представления исторических фактов и событий. Во-вторых, ученых постсоветских стран уже меньше интересуют исторические события, связанные с «социалистической революцией». Однако, несмотря на эти обстоятельства, некоторые современные историки России создают и публикуют определенные научно-исследовательские труды, связанные с указанной темой³.

Книга И.Х. Дамения⁴ непосредственно не связана с предметом нашего исследования, но она дает определенное представление о подходе современных историков России к политическим событиям, происходившим в 1917—1920 гг. на Кавказе, в том числе в Северном Азербайджане. Во второй главе этого труда автор пытается определить степень изученности истории народов Кавказа этого периода и отмечает необходимость проведения новых исследований в этом направлении.

Дамения отмечает, что историография дореволюционного периода создала серьезную научную базу, однако с утверждением марксизма в исторической литературе были окончательно отброшены теоретические, методологические и концептуальные разработки XIX — начала XX века⁵.

Автор исследования, в частности, отмечает, что в 1917—1920 гг. Закавказье превратилось в арену борьбы таких крупных государств, как Германия, Турция, Англия, Франция и США⁶.

В монографии А.Ю. Безугольного речь идет в основном о народах Кавказа и о военно-политической деятельности Красной Армии в 1918—1945 годах. IV и V главы этого исследования («Армия Бакинской Коммуны» и «Советская Армия и ее закавказский образец») связаны с нашей темой и представляют для нас определенное значение⁷. По мнению автора монографии, после февральской революции 1917 г. на окраинах государства более ярко проявился национализм, одновременно ослабили органы государственной власти, и завершился процесс развала армии⁸. Безугольный отмечает, что история Бакинской коммуны доведена до уровня вымысла и сильно искажена. Автор связывает это обстоятельство с тем, что этническое противостояние в Закавказье (на Южном Кавказе), в том числе в Северном Азербайджане, особенно в Баку, дошло в исследуемый период до критического уровня, а коммунары ради сохранения власти

были готовы сотрудничать с любой политической силой⁹. С такими соображениями мы встречаемся и в трудах советских историков. Например, С.Е. Сеф, посвятивший несколько своих трудов изучению политических событий, происходивших в 1917—1918 гг. в Баку, в книге «Как большевики пришли к власти в 1917—1918 гг. в Бакинском районе»¹⁰ отмечает, что в борьбе за власть большевики с октября 1917 по март 1918 г. старались пользоваться услугами армянской националистической партии «Дашнакцупон», носителя тюркской национальной мысли партии «Мусават» и организации правых эсеров, выражавшей национальные чаяния русских. Они «в определенные моменты натравляли одну группу на другую» и пользовались благоприятной ситуацией¹¹.

В книге Безугольного упоминается также об усилении этнического противостояния на огромном пространстве государства после свержения Временного правительства, о конфликте, происходившем в Муганском регионе Азербайджана между русскими и азербайджанцами через неделю после Октябрьского переворота 1917 г. и о пострадавших в результате этого межнационального конфликта, о «Шамхорских событиях» (ныне этот город называется Шемкир), происходивших в январе 1918 года. Безугольный считает, что Советская власть была объявлена в Баку 2 ноября 1917 года¹². Автор отмечает, что начало 1918 г. было «самым романтичным периодом большевистской революции», когда можно было очень легко достичь определенных целей, а трудности казались временными и преодолимыми¹³.

В совместной монографии М.Э. Волхонского и В.М. Муханова¹⁴ анализируются процессы, происходившие на Южном Кавказе в исследуемый период, столкновение интересов различных государств в регионе, деятельность Азербайджанской Республики в 1918—1920 годы. В книге вниманию читателей представлены сведения о политической жизни мусульман Южного Кавказа, о движении мусульман России, о мероприятиях, связанных с национальной автономией народов Южного Кавказа. Авторы труда назвали выход партии «Мусават» на лидирующие позиции на повторных выборах в Советы рабочих и солдатских депутатов, проведенных в 1917 г. в Баку и в двух мусульманских губерниях, «вершиной политической борьбы в регионе»¹⁵. Волхонский и Муханов считают, что причиной раскола Всероссийского мусульманского движения стали «Декларация о правах народов России» и обращение Совета Народных Комиссаров России «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». По мнению авторов монографии, в начале 1918 г. единый политический фронт мусульман России окончательно раскололся¹⁶.

Анализируя социально-политические процессы, происходившие в тот период на Южном Кавказе, авторы отмечают, что большевистский переворот, совершенный в октябре 1917 г. в Петрограде, не был признан в Закавказье, и большевистская опасность объединила основные политические силы Закавказья¹⁷. 24 ноября, по инициативе Комитета общественной безопасности, в Тифлисе было созвано совещание всех общественно-политических сил региона с участием консула США, союзников и специально приглашенных представителей командования Кавказского фронта, и «среди этих сил особое внимание привлекали Грузинская социал-демократическая партия (меньшевики), «Мусават», «Дашнакцупон», а также правые эсеры. Отметим, что на этом историческом совещании было принято решение о непризнании власти Совета Народных Комиссаров России во главе с В.И. Лениным и о создании независимого регионального правительства в регионе»¹⁸.

Волхонский и Муханов, проанализировав политическую ситуацию, сложившуюся в Баку после Октябрьского переворота 1917 г., показывают, что на расширенном заседании Бакинского Совета рабочих и солдатских депутатов, проведенном 27 октября 1917 г., острой критике подверглись «недавние события в Петрограде», здесь была принята резолюция о немедленной передаче всей власти Учредительному Собранию, кроме того, в резолюции отмечалась «важность мирной ликвидации результатов большевистского восстания»¹⁹.

Волхонский и Муханов связывают принятие вышеуказанной резолюции с тем, что до этого заседания в Баку были привлечены дополнительные рабочие силы из других регионов России, и в результате переговоров с представителями «Мусават» было достигнуто соглашение о союзе (хоть и временном). Далее в монографии речь идет о роспуске Комитета Общественной

Безопасности, созданного ранее для борьбы с большевистским восстанием, о приостановлении деятельности Бакинской городской Думы, о переходе в конце 1917 г. всех промышленных районов Баку под контроль большевиков и о том, что они были не в состоянии распространить свою власть на весь Южный Кавказ.

В исследуемый период территория, стратегическое и географическое положение, экономический потенциал, особенно нефть Северного Азербайджана, привлекали интерес многих государств. Южный Кавказ превратился в арену ожесточенной борьбы соперничавших государств, в том числе Османской империи (Турции). В июне 1918 г. три независимых государства Кавказа заключили с Османской Турцией Батумский договор, и это событие привело к укреплению позиции Турции в кавказском регионе. Однако участие в первой мировой войне (1914—1918) закончилось для нее тяжелыми последствиями. Южный Кавказ перешел под контроль государств, входивших в Антанту.

Монография А.Г. Ложкина²⁰, состоящая из шести глав, только в главе под названием «Советизация Закавказья» освещает события, происходившие в 1917—1920 гг. в Северном Азербайджане. Автор отмечает, что «на заключительном этапе Гражданской войны Советская Россия предприняла ряд военных интервенций, чтобы установить свой контроль над территориями, ранее входившими в состав или в сферу влияния Российской империи»²¹. Историк пишет: «Сразу после разгрома Красной Армией вооруженных сил Юга России под командованием генерала А.И. Деникина последовала советизация Азербайджана»²². «Документы, опубликованные в последние годы перестройки, а также в постсоветское время, ясно свидетельствуют, что никакой революции в Азербайджане, а также в Армении и Грузии, вопреки утверждениям советской историографии, не было, а была интервенция Красной Армии с целью установления там советской (коммунистической) власти и присоединения этих стран к Советской России»²³. Поясняя свою мысль, автор уточняет: «В качестве предлога на этот раз использовали не восстание созданного с советской помощью Ревкома, а начавшееся 22—23 марта восстание армян Карабаха. В результате почти все войска азербайджанского правительства... были отвлечены в Карабах, чем не преминула воспользоваться Красная Армия»²⁴.

Таким образом, научно-исследовательские труды некоторых современных историков России дают нам определенную возможность «восстановить» социально-политическую картину и понять суть событий, происходивших в 1917—1920 гг. в Северном Азербайджане.

Примечания

1. ТОГАН З.В. Метод в истории. Стамбул. 1981, с. 137. (на турецком языке).
2. СОКОЛОВ А.К. Основные тенденции современной российской историографии в изучении новейшей истории страны. В кн.: Идеи академика И.Д. Ковальченко в XXI веке. Материалы IV научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М. 2009, с. 187—193.
3. ДАМЕНИЯ И.Х. Историография истории народов Кавказа. XIX — начало XX вв. Санкт-Петербург. 1996; БЕЗУГОЛЬНЫЙ А.Ю. Народы Кавказа и Красная армия. 1918—1945 г. М. 2007; ВОЛХОНСКИЙ М.Э., МУХАНОВ В.М. По следам Азербайджанской Демократической Республики. М. 2007; БОРДЮГОВ Г.А., БУХАРАЕВ В.М. Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. М. 2011; ЛОЖКИН А.Г. Интервенция, аннексия и советизация во внешней политике СССР: Историко-правовые аспекты новейших исследований. М. 2012; ЧИЧКИН А.А. Друзья и враги за кавказским хребтом. М. 2013; Советские нации и национальная политика в 1920—1950-е годы. Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10—12 октября 2013 г. М. 2014.
4. ДАМЕНИЯ И.Х. Ук. соч.
5. Там же, с. 35
6. Там же, с. 103.
7. БЕЗУГОЛЬНЫЙ А.Ю. Ук. соч.
8. Там же, с. 85.
9. Там же, с. 86.

10. СЕФ С.Е. Как большевики пришли к власти в 1917—18 гг. в Бакинском районе. Баку. 1927.
11. Там же, с. 5.
12. БЕЗУГОЛЬНЫЙ А.Ю. Ук. соч., с. 88.
13. Там же, с. 91.
14. ВОЛХОНСКИЙ М., МУХАНОВ В. Ук. соч.
15. Там же, с. 48.
16. Там же, с. 56.
17. Там же.
18. Там же, с. 57.
19. Там же, с. 66.
20. ЛОЖКИН А.Г. Ук. соч.
21. Там же, с. 84.
22. Там же, с. 102.
23. Там же.
24. Там же, с.104—105.

П.Н. БАЗАНОВ. *Братство русской правды: самая загадочная организация русского Зарубежья*. М. Посев. 2013. 419 с.;

П.Н. БАЗАНОВ. *Очерки истории русской эмиграции на Карельском перешейке (1917—1939 гг.)*. СПб.

Культурно-просветительское товарищество. 2015. 182 с., илл.

Профессор Пётр Николаевич Базанов давно известен не только в Санкт-Петербурге и в целом в России, но и за рубежом как виднейший современный исследователь эмиграции. Он обратил на себя внимание профессионального клуба историков своей монографией о книгоиздательской деятельности русского Зарубежья, которая не только выдержала два издания, но и стала во многом классической.

Вопреки существующей традиции, авторы рецензии сочли возможным подвергнуть суду не одну монографию уважаемого исследователя, а две, воспринимая их как единое смысловое целое. Безусловно, что перед нами не диалогия, а две книги, неразрывно связанные между собою целым рядом общих сюжетов.

Первая из рецензируемых книг профессора Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств подробно рассказывает о самой таинственной организации русской эмиграции — «Братстве русской правды». Как и все работы Базанова, данная книга радуется проработанностью сюжетов и большим количеством нового фактического материала.

Особое внимание автор уделяет издательской деятельности «Братства русской правды». Наиболее интересный раздел посвящен про-

дукции берлинского издательства «Медный всадник». Некоторые сюжеты книги читаются, как увлекательный роман. Например, история, связанная с катапультой, метавшей листовки на станции Белоостров.

В то время, как в СССР в течение более 70 лет господствовала одна идеология, русское Зарубежье являлось своеобразным «полигоном свободной русской мысли». Действительно, в существовавшем идеологическом спектре учений русской эмиграции можно найти любые актуальные концепции и идеи для обоснования проблем современности. «Россия вне России» усиленно разрабатывала альтернативные способы переустройства страны после свержения большевизма. Поэтому, на взгляд рецензентов, совсем не удивительно, что Базанов из огромного политического спектра — от анархистов и троцкистов до черносотенцев и фашистов — выбрал именно БРП, как наиболее интересную для него организацию.

Отдельно нужно сказать и о главном герое книг Базанова — Сергее Алексеевиче Соколове-Кречетове. Как и все русские эмигранты первой «волны», это типичный и одновременно колоритный представитель «Серебряного века». С.А. Соколов пережил

характерное для интеллигенции конца XIX — начала XX в. увлечение оппозиционностью царскому режиму, но в годы первой мировой войны стал «ура-патриотом», уйдя добровольцем на фронт. Его жизнь похожа на авантюрный приключенческий роман с трагическим концом.

В монографии проанализирована практически вся новейшая литература по выбранной теме, что можно назвать редким явлением в наши дни. В книге «Братство русской правды: самая загадочная организация русского Зарубежья» выполнены все формальные и неформальные требования, предъявляемые к изданиям подобного плана. Можно не сомневаться, что она вызовет у читателя, интересующегося историей России XX в. и эмиграции, подлинный интерес.

Неоспоримым достоинством второй книги служит то, что исследователь обратил пристальное внимание как на широко известных деятелей российской эмиграции на Карельском перешейке, так и на тех из них, чьи имена практически неизвестны широкому читателю: внука знаменитого художника И.Е. Репина Дия Репина, одного из первых российских профессиональных футболистов Петра Соколов и многих других. Автору книги удалось перекинуть мостик от глубокой, казалось бы, периферии — Карельского перешейка, к общероссийским событиям — революции, Гражданской войне. Также рецензентам кажется важным, что Базанов посвятил отдельную главу своей монографии быту, а также политической и общественной жизни поселка Келломяки (Комарово), характерной и для всего русского северо-запада. При этом автору, жителю Комарово уже в третьем поколении, удалось показать «дачников» — людей крайне деятельных и активных — как в житейском, так и в политическом плане, убежденных в значительности всего, чем они занимаются. Активность «дачников» объяснялась твердой уверенностью в скором падении власти большевиков и в том, что народ России призвет их и их единомышленников к тому, чтобы стать у кормила власти. И к этому моменту идеологическая программа действий будущей политической элиты должна быть разработана до мелочей. Отсюда и пресловутая, подчас немного комичная, графоманская продуктивность

представителей первой волны эмиграции, стремившихся «обскакать» друг друга на ниве политической футурологии. «Те из бывших дачников, кто остался пережить Революцию 1917 г. и Гражданскую войну, были твердо уверены — скоро все кончится. Несколько месяцев или максимум год, и большевики падут, и через час мы будем дома в Петрограде», — пишет Базанов, добавляя еще одну классическую подробность, прекрасно иллюстрирующую психологию поколения «Раневских» из «Вишневого сада»: «Поэтому в прямом смысле проедались последние сбережения или продавалась за бесценок любая недвижимость» (с. 138).

Обоснование необходимости создания «Очерков» сделано автором в послесловии к книге: «Близость к Петербургу делала Карельский перешеек идеальным местом для легальной и нелегальной эмиграции. Граница между Финляндией и Советской Россией была в первые годы чисто символической. Поэтому многие деятели науки, культуры и литературы и просто обыватели бежали именно через этот участок границы. С другой стороны, все политические организации русского Зарубежья не могли устоять перед соблазном близости Петрограда и засылали своих агентов в «колыбель революции» (с. 164). Прекрасной иллюстрацией «символичности» границы между Финляндией и СССР в 1920-е гг. может служить знаменитая «боевая вылазка» группы Виктора Ларионова, пробиравшейся в Союз при помощи финского проводника через реку Сестру и сумевшей осуществить взрыв в парке на Мойке в 1927 году.

Исследователь, специализирующийся на истории книжного дела и печати, использовал впечатляющий массив архивных документов не только из хранилищ Российской Федерации, но и Соединенных Штатов Америки и Финляндии. У авторов этих строк особый интерес вызвал биографический очерк, посвященный генералу Северину Добровольскому, целиком основанный на материалах личного дела Северина Цезаревича из УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Украшением и первой, и второй книги является богатый иллюстративный и фотоматериал. Вместе с тем, он вызывает своего рода сочувствие по отношению к автору: дело в том,

что две высокопрофессиональные монографии Базанова изданы, на взгляд рецензентов, не наилучшим образом — как с точки зрения полиграфии, так и с точки зрения работы редакторов. В «Очерках истории русской эмиграции на Карельском перешейке (1917—1939 гг.)» встречаются досадные ляпы, опечатки, смысловые повторения. К тому же и «Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции», и «Братство русской правды», и «Очерки истории русской эмиграции на Карельском перешейке» изданы в мягком переплете, что существенно снижает долговечность физического состояния книги, а также сокращает количество ее потенциальных покупателей, зачастую ориентирующихся больше не на содержание, а на красивый внешний вид издания. Остается высказать пожелание, чтобы следующая монография или же переиздание предыдущих книг профессора Базанова были лишены подобных недочетов, и труды исследователя вышли бы в достойном качестве его работ оформлению.

Символично, что книга Базанова появилась в известнейшем эмигрантском издательстве «Посев», долгое время специализировавшемся на публикации резко антикоммунистической литературы и являющимся в какой-то степени идейным продолжателем Братства Русской Правды. Важно отметить, что в связи с этим фактом, книга лишена всякой цензуры, виден

свободный и полностью независимый взгляд исследователя на столь сложный и многогранный процесс как деятельность довольно радикальной эмигрантской организации.

В своей книге Базанов оставил своим читателям довольно большой простор для раздумий. В первую очередь, читатель может задуматься о том, кем стали деятели БРП в дальнейшем? Отнюдь не является секретом тот факт, что некоторые сторонники и члены данной организации впоследствии приняли самое деятельное участие в борьбе с Советским Союзом на стороне Третьего Рейха в годы Великой Отечественной войны. Также важно отметить, что принятая Братством Русской Правды тактика борьбы с большевизмом получила свое распространение и в других антисоветских эмигрантских организациях и, прежде всего, в Национально-Трудовом союзе нового поколения (НТСНП), члены которого в дальнейшем будут активно пытаться проникнуть на советскую территорию, вести в СССР подрывную деятельность и даже сотрудничать с разведывательными службами западных держав.

Хочется надеяться, что в дальнейшем именно Базанов отдельно рассмотрит историю НТС и других крайне правых организаций для создания наиболее полной картины политической и идеологической жизни эмиграции.

О.А. ГАВРИЛОВА, И.В. ПЕТРОВ, А.С. ПУЧЕНКОВ

С.А. РОГАТКО. *История продовольствия России с древних времен до 1917 г. Историко-экономический взгляд на агропромышленное развитие Российской империи.* Т. 1. М. Русская панорама. 2014. 1024 с., 80 вкл.

Рецензируемая книга представляет собой добротный изданный том увеличенного формата (почти 90 печатных листов). Сразу же привлекает внимание необычное заглавие — история продовольствия. В таком виде эта тема, кажется, еще не становилась предметом изучения в отечественной историографии.

Как сам автор определяет свой предмет и в чем видит свои задачи? «Говоря об объектах и предметах исследования, — пишет он во введении, — хотелось бы остановиться на ос-

новном принципе, который лег в основу данной исследовательской работы. Это в первую очередь регионально-отраслевой подход к развитию всех агропромышленных и продовольственных проблем, которые волновали наш народ на протяжении более чем тысячелетней истории развития Российского государства» (с. 10). Далее автор еще раз говорит о своем стремлении к всеобъемлющему охвату всех аспектов истории сельского хозяйства и пищевой промышленности: «В данном труде

(впервые в исторической науке) осуществлена попытка осветить все проблемы, касающиеся продовольственной тематики» (с. 11), «...начиная от вопросов землевладения и землепользования, государственного участия и регулирования в решении многих законодательных и структурных проблем до торговых отношений с готовыми пищевыми продуктами общественного и индивидуального питания населения» (с. 12). Определенную исследовательскую задачу автор не формулирует. Он перечисляет ряд своих предшественников — специалистов разных отраслей знания, писавших, в основном, в конце XIX — начале XX в., чьи труды он использовал. Как можно понять, автор видит новизну своей работы, главным образом, в ее обобщающем характере.

Кроме краткого введения книга содержит 12 глав, заключение, приложения (статистические таблицы) и вклады с иллюстрациями на мелованной бумаге (64 страницы черно-белых и 16 цветных). Каждая глава посвящена истории определенной отрасли пищевой промышленности и соответствующей отрасли сельского хозяйства (если таковая имела) на территории Российской империи за максимально продолжительный период (до 1917 г.).

Работа, сделанная автором, несомненно, очень объемна и заняла не один год. Книга насыщена и даже порой пересыщена различным фактическим материалом. Общие сведения из истории сельского хозяйства, техники, права, экономической истории чередуются с описаниями технологических процессов производства и переработки продуктов, со статистическими выкладками, цитатами из законодательных актов и разного рода официальных документов, изложением частных историй бизнеса различных лиц и фирм, возникавших между ними конфликтных ситуаций и тяжб и т.п. По своему характеру книга представляет собой компиляцию из большого числа работ предшественников и найденных автором архивных материалов. Метод историка, по существу, тот же, что и средневековых летописцев. При этом все заимствования корректно отмечены ссылками, число которых достигает нескольких сотен на каждую главу.

Чрезвычайная широта темы, практически неподъемная для одного исследователя, и использование преимущественно старой лите-

ратуры приводит к тому, что книга С.А. Рогатко в ряде случаев воспроизводит чужие ошибки или давно устаревшие сведения.

Например, уже в самом начале 1-ой главы читатель встречает странное утверждение, что «пшеница, кукуруза, рожь, рис и другие виды злаков распространились по всему свету из процветающих государств в Средней Азии» (с. 17). На самом деле, родиной кукурузы является Америка, происхождение ржи до сих пор спорно, ареал одомашнивания пшеницы и ячменя современные специалисты находят в районах так называемого «плодородного полумесяца», простирающегося вдоль восточного берега Средиземного моря через горы северной Сирии и Ирака на юг, по долине Тигра и Евфрата до Персидского залива. Датируется этот процесс периодом неолита, когда «процветающих государств в Средней Азии» и в помине не было. Ошибка автора объясняется просто: он в данном случае взял абзац из книги, вышедшей в 1890 г., добавив зачем-то от себя слова «процветающих государств...». Между тем, о распространении сельскохозяйственных культур на территории Древней и Средневековой Руси существуют специальные исследования археологов, работающих по данной проблеме особенно активно со второй половины XX в., которые, кажется, не известны автору рецензируемой книги. Столь же странно выглядят и ссылки на материалы раскопок лишь «первой половины XIX века» в разделе по древней истории скотоводства (с. 132).

Из авторской трактовки «Русской правды» читатель может узнать, что в Древней Руси «существовали “межи ролейные”, то есть межи, произведенные опаливанием для отделения землевладений одной семьи от другой, а также “дуб знаменный”, т.е. межа, сделанная зачирчиванием или зачирчиванием» (с. 18). Здесь все перепутано так, что без комментария читателю не разобраться: «межой ролейной» в древности называли границу земельного участка, обозначенную пропаханной бороздой, а «дуб знаменный» — это именно дуб, выбранный, как самое долговечное дерево, в качестве пограничного знака, на который, очевидно, наносились некие соответствующие отметки. Вызывает недоумение, что для составления страниц по землевладению и земледелию Киевской Руси автор использовал ди-

ковинный источник — текст ранних лекций Н.А. Рожкова, литографированных еще в 1904 г., в то время, как по этому вопросу существует огромная специальная литература.

На странице 23 обращает на себя внимание странная фраза: «В 1830-х годах завершился процесс общинного землепользования среди крепостных крестьян» (с. 23). Возможно, в этой фразе пропущено ключевое слово?

Там, где автор отходит от компилирования и пытается дать собственную трактовку описываемым процессам, можно заметить, что он склонен преувеличивать прогрессивность российского земледелия. Так, внедрение в практику плодосменной системы он относит к 1830-м гг., говоря, что она «особенно распространилась в центре России», правда, в качестве примера приводит лишь фамилии четырех использовавших ее помещиков (с. 23). В действительности, всплеск интереса к этой системе в 1830-е гг. был не более чем модным поветрием, которое охватило «просвещенных» землевладельцев, надеявшихся увеличить свои доходы, но, за редким исключением, понесших убытки на экспериментах, так что никакого подлинного распространения плодосменной системы в России не произошло.

Рогатко утверждает: «В России, начиная с первой половины XIX в., для уборки травы и хлебов были распространены косилки (ручные и конные), жнеи-косилки, жнеи с ручным (лобогрейки) и механическим сбрасыванием, жнеи-сноповязалки, гидеры (колосоуборки) и стриперы (жнеи-молотилки)» (с. 73). На самом деле в первой половине XIX в. эти орудия были не только не распространены, а большей частью еще и не изобретены. «С появлением волостного земства стали также быстрее решаться вопросы покупки машин и мелкими крестьянскими хозяйствами» (с. 78), — продолжает историк, говоря о 1880-х гг., видимо, не зная, что волостного земства в царской России не существовало. Земства были на уровне губерний и уездов, вопрос о создании волостных земств не раз поднимался, но отклонялся царским правительством.

Столь масштабный труд не может быть свободным от досадных частных погрешностей, и их наличие не является мерой оценки всего труда. Однако возникает вопрос: воз-

можно автору следовало сделать более качественную работу, хоть и меньшего масштаба.

Сводится ли вся книга только к компиляции, есть ли самостоятельная авторская работа, новая информация? Есть. Во-первых, это вставки из архивных материалов. Однако архивный материал использован без должного анализа, в качестве пространных иллюстраций. То же относится и к статистическим таблицам в примечаниях — отрывочные цифровые сведения за отдельные годы, извлеченные из отдельных дел Российского государственного исторического архива и Центрального государственного архива Москвы, не привязаны к тексту и не «работают» в нем. Замечу, что некоторые из этих данных, например, по статистике скотоводства начала XX в., тогда же были опубликованы в статистических ежегодниках, и нет необходимости ссылаться на архив.

Во-вторых, это авторские периодизации. На них стоит остановиться. Каждая глава завершается краткой «исторической периодизацией отрасли». Причем материал в тексте не группируется по этим периодам, они даются в конце, как некий итог «исследования». В наименованиях периодов используется традиционная для советской историографии терминология «формационного подхода», однако, в специфической интерпретации. Так, история хлебной и мукомольной промышленности делится на 5 периодов: древнерусский (с V—VI вв. до XII в.); феодальный (с XII—XIII вв. до конца XVII в.); капиталистический (с начала XVIII в. до 1860-х гг.); промышленно-капиталистический (1860-е — 1905—1906 гг.); индустриальный или «2-й промышленно-капиталистический» (с 1905—1906 до 1917 г.) (с. 117). Из текста невозможно понять, что автор подразумевает под «феодализмом» и «капитализмом», на каком основании относит к капитализму эпоху расцвета крепостного права, почему капиталистических периодов здесь целых три и чем отличается 2-й промышленно-капиталистический период от первого, если в нем лишь продолжались те же тенденции?

Примечательно, что история мясной промышленности периодизируется иначе: феодальный период (с X—XI вв. до начала XVIII в.); капиталистический (с начала XVIII в. до 1861—1882 гг.); финансово-промышленный (с 1861—1882 до 1913—1914 гг.) (с. 205). Число перио-

дов сократилось, исчез древнерусский, появился новый термин «финансово-промышленный», верхняя граница «капиталистического» периода стала размытой.

История молочной промышленности снова демонстрирует теоретические новации автора: период натурального хозяйствования («с первых веков древней Руси до конца XVIII в.»); капиталистический (с конца XVIII в. до 1890—1894 гг.); кооперативно-промышленный (с 1894 по 1920-е гг.) (с. 265). Как видим, здесь феодализм как таковой исчез, капитализм начался почти на век позже, чем в мясной промышленности, и затем был, очевидно, преодолен кооперацией.

В следующих главах число периодов варьируется от трех до пяти, их названия видоизменяются. Любопытна терминология периодизации солеваренной отрасли: древний/раннефеодальный (XI—XV вв.); феодальный (XVI—XVII вв.); государственно-капиталистический (начало XVIII в. — 1863 г.); капиталистический (1863 г. — конец XIX в.); индустриальный (конец XIX в. — 1917 г.) (с. 781—782). Здесь, как видим, феодализм чрезвычайно задержался в своем формировании, но прошел быстро, государственный капитализм почему-то предшествовал просто капитализму, а индустриальный период оказался как бы уже не капиталистическим.

Допустим, хронологические границы периодов в каждом отдельном случае имеют основания в эмпирическом материале, однако жонглирование терминами, думается, свидетельствует об отсутствии у автора внятной методологии.

В-третьих, книгу венчает заключение. Здесь видны характерные приметы собственного авторского стиля: довольно тяжелый язык и некоторая невнятность мысли. «Экономическая основа товарно-денежного отношения в древней феодальной агропромышленной интеграции базировалась на производстве сельскохозяйственного сырья, как главного пищевого рыночного продукта» (с. 987). О какой агропромышленной интеграции идет речь в эпоху, когда не существовало индустрии? Почему «сельскохозяйственное сырье» называется «пищевым рыночным продуктом»? Почему «товарно-денежное отношение» в единственном числе?

Далее в том же духе. Автор явно склонен наделять общепринятые термины, такие как «агропромышленная интеграция», «продовольственная корпорация», «рыночное предложение» и др., некими собственными смыслами, проникнуть в которые читателю сложно. Более или менее ясно только, что понятие «агропромышленная интеграция», возникшее во второй половине XX в., обозначает у него не процесс сближения сельскохозяйственного производства с перерабатывающей промышленностью, характерный для определенного этапа развития производства и рынка, а скорее некий извечно существующий институт.

Итоговый тезис выражен таким образом: «Огромный, возможно, самый богатый в мире агропромышленный потенциал России никогда, ни в какие этапы российской истории, начиная с древних времен до 1917 г., полностью не был использован» (с. 998). И вывод, и его формулировка также порождают вопросы. Что есть «агропромышленный потенциал», какими объективными показателями определяется мера его использования, каким образом можно сравнивать его применение в разные исторические периоды или в разных странах? Ответов на них в работе нет. Неопределенность выдвигаемых утверждений не дает возможности ни согласиться с ними, ни оспорить их.

С большей ясностью высказана авторская позиция в вопросе о цивилизационных особенностях России и русских (славян, евразийцев). Автор убежден, что им присуща особая система ценностей: «К концу XIX — началу XX в. эти ценности можно было поставить примерно в такой ряд: служение царю, государству при определенной социальной справедливости, православной вере, а также наличие семейного благополучия, которое вмещало в себя кроме нравственной категории — семейного счастья, также и материальный фактор — семейный достаток. В свою очередь семейный достаток слагался из жилищного благополучия и других материальных благ, где питание семьи занимало пожалуй одно из последних мест» (с. 996).

Отметим, что данные заключения не являются выводом из проведенного автором исследования, а представляют лишь проекцию его собственных мировоззренческих установок. С их помощью он, в частности, пытается

объяснить недостаточность и невысокое качество питания в России: «...Скорее всего, благодаря влиянию религиозно-этнических традиций на развитие евразийского населения вообще вопросы питания уходили как бы на задний план. Или по крайней мере так было принято их воспринимать в обществе» (с. 996). Ниже мысль развивается: «...у славянских народов было все иначе. Так как в системе ценностей материальное благополучие, а значит и питание у них было на последнем месте, то и отношение к продовольствию в государстве у ее (так в тексте. — И.К.) граждан и властей было, если можно так выразиться, «особенное». Эта особенность заключалась в небрежении ко всему материальному вообще, в противовес к духовно-нравственным ценностям» (с. 997). Из особых ценностей россиян автор выводит и преобладание в России посевов «дешевых сортов ржи и ячменя», которые русские просто «любили сеять»

(с. 996), и даже такое отмеченное им явление: «Также если немецкая свинина или курятина на лондонском рынке в конце XIX — начале XX в. славилась своим внешним товарным видом, то русская была безобразная на вид, но откормленная на натуральном зерне» (с. 996). Думается, дальнейшие комментарии излишни.

Нет сомнений, что автор рецензируемой книги — человек равнодушный к проблемам современной России и увлеченный ее историей, вложивший в свою работу много времени и сил. Однако книга имеет не исследовательский или обобщающий, а скорее компилятивный характер. Поскольку в ней добросовестно воспроизводятся материалы источников, она может использоваться в качестве своеобразного исторического справочника, может быть, даже энциклопедии, но вряд ли более того.

И.А. КУЗНЕЦОВ

Формирование территории Российского государства. XVI — начало XX в. (границы и геополитика).

М. Институт российской истории РАН; Русский фонд содействия образованию и науке. 2015. 264 с.

Вопросы геополитики в последние годы достаточно активно рассматриваются в современной историографии. Рецензируемый сборник посвящен одной из сторон геополитических проблем, до сих пор практически остававшейся за рамками изучения. Это проблема взаимозависимости и взаимообусловленности процесса складывания национальной территории нашей страны и решения геополитических проблем, возникающих в связи с изменением международной ситуации.

Выход сборника является актуальным и даже в чем-то опередившим запросы общества, появившиеся в связи с обострением ситуации в мире в последнее время. Эта книга не только представляет научный интерес для историков, но и, несомненно, привлечет внимание всех читателей, интересующихся соответствующей проблематикой.

Статьи для сборника подготовлены авторитетными учеными, специалистами, серьезно занимающимися проблемами внешней по-

литики России. Не представляется возможным выделить какую-то одну статью. В разных материалах, с разных точек зрения речь идет о складывании границ на наиболее спорных участках, затрагивавших геополитические интересы разных государств. Каждый автор идет своим исследовательским путем, использует собственные приемы анализа — одни основываются на достижениях историографии (как, например, Н.И. Никитин) другие (как например, И.С. Рыбачёнок) проводят детальный источниковедческий анализ архивных документов, но задачи и цели у них общие — проследить формирование национальных границ нашей страны, оценить происходившие изменения с точки зрения геополитической ситуации того времени и выяснить значимость тех событий для новейшего периода истории России и современной геополитической ситуации. Понятно, что было невозможно затронуть абсолютно все вопросы, поэтому коллектив авторов остановился лишь на ключевых момен-

тах. В каждой статье присутствует свой аспект, свой регион, свой временной отрезок, свое главное направление геополитики. Это, в частности, борьба с кочевой степью, установление границ с Великим княжеством Литовским, Речью Посполитой, присоединение к России Украины и Белоруссии, выход к Балтийскому и Черному морям, продвижение на восток, за Урал и т.д. Воссоединение русских, украинских и белорусских земель, проблемы Крыма, проливов, Кавказа, Закавказья и др. — все темы, востребованные сегодня как никогда раньше российским обществом и научным сообществом, в том числе, нашли достойное отражение в статьях коллектива авторов из Института российской истории РАН. В результате складывается комплексный взгляд на взаимосвязь формирования территории России и эволюции ее геополитических проблем на протяжении более чем четырех веков, на формирование России как сильной и влиятельной мировой державы, без учета интересов которой не могли уже решаться внешнеполитические вопросы.

Авторы статей, вошедших в сборник, опираются на обширную историографическую базу, дают обзор литературы по дискуссионным вопросам, проводят тщательный анализ и сопоставление источников, вводят в научный оборот документы из известных и малоизвестных публикаций и архивные материалы из ГА РФ, РГАДА, АВР РИ, РГАВМФ и др.

Отдельного упоминания заслуживает «Предисловие», написанное Г.А. Саниным, членом редколлегии сборника и автором одной из статей. В предисловии удачно увязаны в единое целое разные по рассматриваемым проблемам, географической направленности и хронологии «узловые» события, проанализированные в статьях рецензируемого издания. Высокий профессионализм автора, который неоднократно писал о проблемах внешней политики России и связи с геополитической ситуацией в мире, позволяет понять общую картину взаимовлияния формирования территории страны и геополитических проблем, стоявших перед ней на протяжении длительного периода.

В статье А.В. Виноградова «Формирование границ Великого Княжества Литовского и Московского государства в свете геополитических изменений в Восточной Европе. 90-е г.

XV в. — 80-е гг. XVI в.» исследован как составляющая геополитической истории Восточной Европы один из этапов долгой борьбы за перераспределение территорий древнерусского государства, который привел к появлению нового направления в геополитике России. В работе дан анализ русско-литовских договоров, определявших государственную границу между ВКЛ и Русским государством, хронологический перечень которых, представляющий самостоятельный научный интерес, приведен в приложении.

В статье Е.И. Кобзаревой «Россия и Швеция: проблема разграничения спорных территорий в Прибалтике и Западной России в XVII в.», вышедшей, к прискорбию, уже после смерти Елены Игоревны, речь идет о проблеме северо-западных границ, соперничестве за господство на Балтике, в частности о разграничении Россией и Швецией земель в ВКЛ во время Первой северной войны 1656—1661 годов. Неудача России на этом направлении была, по мнению автора, определена несвоевременностью, столкновением двух геополитических целей, из которых наиболее приоритетным было возвращение западно-русских земель и воссоединение украинских и белорусских земель с Россией.

Содержание статьи Г.А. Санина «Формирование южной границы и геополитические проблемы России (2-я половина XVII — 1-я половина XVIII вв.)» выходит за рамки названия. Она содержит анализ положения страны в системе международных отношений в рассматриваемое время и стоявших перед ней геополитических проблем, их истоков, эволюции, решения старых геополитических проблем в новых условиях и трансформации самих этих проблем. Формирование и обеспечение безопасности стратегически важной границы, считает ученый, тесно увязывалось с решением важных геополитических проблем — защиты от кочевников и воссоединения Украины с Россией. Постепенно от охраны южной границы, которая была организована посредством оборонительных черт, происходит переход к решению геополитической проблемы выхода к Черному морю. Останавливается автор и на ряде дискуссионных вопросов, в частности о русской и польской системах обороны, которые, по его мнению, были однотипными.

Статья М.Ю. Анисимова «Западная граница России в 1686—1772 гг.» посвящена состоянию русско-польской границы, установленной по Вечному миру 1686 г. вплоть до Первого раздела Речи Посполитой. Автор прослеживает изменение планов демаркации границы, состояние дел вдоль границы, ее охрану, заселение приграничных территорий, рассматривает варианты решения проблемы русско-польского приграничья и т.п. Развитие событий, по его мнению, нельзя односторонне объяснять якобы агрессивностью внешней политики и стремлением увеличить территории России. Оно было обусловлено многими факторами и, не в последнюю очередь, стремлением соблюсти национально-государственные интересы страны, необходимостью ее закрепления в системе международных отношений и поддержания репутации среди ведущих европейских стран.

В.Я. Гросул, учитывая работы предшественников, рассматривает основные этапы разрешения русско-турецких противоречий по вопросу границы, прослеживает общую геополитическую ситуацию в регионе и позиции третьих стран, прежде всего Франции. В его статье «Бухарестский мир 1812 г. и формирование новой юго-западной границы России» проанализировано значение присоединения новых земель в этом важном районе, а также развитие присоединенных территорий, получивших название Бессарабия.

Тема статьи Е.П. Кудрявцевой — «Кавказская черноморская линия и проблемы судоходства после заключения Адрианопольского мира 1829 г.». Речь идет о завершающем этапе процесса вхождения Кавказа в состав России. На основе документов АВП РИ автор рассматривает вопросы освоения Черноморского побережья, укрепления в этом стратегически значимом для страны районе, столкновения геополитических интересов России, Англии и Турции, торговли и свободы судоходства, борьбы с контрабандой и работоторговлей в этом регионе. Важное место отведено значению присоединения закавказских территорий к России для местного населения, для развития государственности и защиты его от внешних вторжений.

Проблема проливов постоянно находится в поле зрения исследователей, так как выходит далеко за рамки интересов России и ее

безопасности и носит международный характер. Рыбачёнок в статье «Черноморские проливы — зона геополитического напряжения» исследует подходы к решению этого вопроса в наименее изученный период — на рубеже XIX—XX вв. в географическом и политическом аспектах. В центре ее внимания — планы силового изменения режима судоходства в проливах и варианты дипломатического решения вопроса. Прослеживаются их эволюция, ход обсуждения, возникновение новых геополитических обстоятельств, политика западных держав в отношении России по проблеме проливов, выясняются причины того, почему они оказались неосуществимыми в то время. Автор свободно ориентируется в имеющейся историографии темы, сама неоднократно писала статьи по данной проблематике, она развивает результаты, достигнутые ранее в исторической литературе, в некоторых случаях вступает в полемику с другими исследователями. Особо хотелось бы отметить источниковедческий анализ использованных документов, проведенный на высоком уровне. Рыбачёнок анализирует различные экземпляры документов, которые хранятся в разных архивах, отмечает их подлинники и варианты, сопоставляет тексты, что позволяет получить дополнительную информацию и интересные научные результаты.

Н.И. Никитин в статье «Формирование восточных границ России (конец XVI — начало XX вв.)» рассматривает ход и историческое значение территориальных присоединений России на востоке на протяжении почти четырех веков: причины российской экспансии, присоединение восточносибирских и дальневосточных земель, укрепление российских рубежей на юге Урала и Западной Сибири, присоединение к России Казахстана и Средней Азии, территориальные размежевания с Китаем и Японией. Национально-государственные интересы России, по мнению автора, требовали продвижения в эти регионы. Само же продвижение хотя и имело некоторые негативные последствия, в целом было позитивным и для России (приобретение богатейших природных ресурсов, повышение международного авторитета и т.д.) и для присоединенных к ней народов (переход к более высокому уровню хозяйственной и культурной жизни).

Материал статей интересен не только с научной, но и с познавательной точки зрения. В нем рассказывается о списке товаров, запрещенных к вывозу в черноморские порты, о борьбе с бегством русских за границу, об активной работоторговле в середине XIX в., о ходе железнодорожного строительства на осваиваемых территориях, приводятся сведения о симпатиях к России населения присоединенных территорий и сопротивлении его новым властям, пример «дипломатического казуса», допущенного в дипломатических бумагах и т.д.

Сборник богато иллюстрирован. Он содержит репродукции картин, портретов, старинных карт, гравюр, литографий, снабжен картами, специально подготовленными картографом для этой книги, что нечасто встречается в последнее время в подобных изданиях и существенно повышает смысловую отдачу научных текстов, позволяет увидеть географическую привязку событий, наглядно представить себе действовавших исторических личностей. К большому сожалению, в книге присутствуют технические огрехи и даже иногда смысловые опечатки,

что, безусловно, не умаляет ее научного значения.

В одной из статей сборника приводятся очень актуальные и сегодня слова из хранящейся в РГАВМФ записки 1901 г. о путях решения проблемы проливов тогдашнего Начальника штаба Одесского военного округа генерал-лейтенанта А.П. Протопопова о том, что интересы держав теперь столь тесно переплелись по всему миру, что любой региональный конфликт мог перерасти в мировой (с. 177). Чтобы этого не произошло сегодня, спустя столетие, когда ситуация в мире по-прежнему непростая, ученые и изучают исторический опыт. Авторы рецензируемого сборника с большим профессионализмом решили сформулированную в предисловии задачу — определить узловые моменты формирования границ России и Российской империи в связи с эволюцией геополитики России и определить направление дальнейших исследований (с. 6). Сборник отражает современные достижения и тенденции развития исторической науки, его содержание очень актуально.

Н.Г. АБРАМОВА

Кризис и трагедия континента. Тридцатилетняя война (1618—1648) в событиях и коллективной памяти Европы. М. Транслит. 2015. 564 с.

Тридцатилетняя война стала первым, по сути, общеевропейским конфликтом (если не считать Итальянские войны 1494—1559 гг., не имевшие, впрочем, столь долговременных последствий), который в значительной мере сформировал систему международных отношений в Европе в раннее Новое время, сохранявшуюся на протяжении почти двух столетий.

В отечественной исторической науке после книг В.М. Алексеева и Б.Ф. Поршнева, изданных в 60—70-х гг. XX в., отсутствовали специальные комплексные исследования, посвященные этому событию. Оно рассматривалось в основном в обобщающих трудах по всемирной истории или истории Германии, либо в отдельных статьях. Рецензируемое издание, будучи плодом совместных усилий российских и германских историков, представляет со-

бой собрание очерков, в которых затронуты разнообразные сюжеты, связанные с Тридцатилетней войной. Общее руководство этим проектом осуществили известные специалисты по истории международных отношений профессора Смоленского государственного университета Ю.Е. Ивонин и Л.И. Ивонина.

В разделе, открывающем книгу («Историка о Тридцатилетней войне») дается обзор новейшей зарубежной историографии войны (Ивонин), в частности, показано освещение современными немецкими историками роли в ней России (профессор Вюрцбургского университета А. Тишер) (с. 6—43). В многочисленных публикациях, появившихся к 350-летию юбилею Вестфальского мира, который праздновался в 1998 г., и к грядущему в 2018 г. 400-летию юбилею начала войны были рассмотре-

ны различные ее аспекты: кризис политических структур Священной Римской империи, противостояние Испании и Франции, конфессиональные конфликты в Германии и т.д. Россия, не принимавшая непосредственного участия в военных столкновениях между западноевропейскими державами, все же сыграла определенную роль в этих событиях, прежде всего в балтийском регионе. Русско-польская (Смоленская или Московская) война 1632—1634 гг. ослабила обоих противников и способствовала усилению Швеции, что, в конечном счете, облегчило вступление последней в войну. Кроме того, поиск потенциальных союзников обострил интерес к России в Европе и содействовал взаимному политическому и дипломатическому сближению. Например, в 1631 г. король Густав II Адольф назначил первого постоянно-го шведского резидента в Москве.

Во второй части («Глобальный кризис, Старая империя и имперские чины») (с. 44—90) рассмотрено сложное переплетение политических противоречий накануне и в ходе войны. Европа раннего Нового времени конституировалась как мультиполярная система государств, находившихся в постоянных столкновениях друг с другом. Главным мотивом для начала войны были конфессиональные раздоры, только формально приглушенные Аугсбургским религиозным миром 1555 г., однако она не была чисто религиозным или межгосударственным конфликтом, а явилась следствием системного кризиса, поэтому и приобрела столь затяжной характер. Особое внимание в этом разделе уделено ситуации в Священной Римской империи, которая стала основной ареной военных действий. В главах, написанных Ивониным («Глобальный кризис и начало Тридцатилетней войны», «Рейхстаги и имперские сословные совещания во время Тридцатилетней войны»), «Средние и малые территориальные княжества Германии во время Тридцатилетней войны») и М.П. Беляевым («Бранденбург в огне Тридцатилетней войны») анализируется функционирование политических институтов на общеимперском и региональном уровнях.

Глобальный кризис XVII в., закончившийся к 1680-м гг., как подчеркивается в книге, способствовал обострению военных и социальных конфликтов и быстрой трансформации внут-

риимперских противоречий в европейскую войну. Несмотря на временное ослабление авторитета императора и Империи, их позиции довольно быстро восстановились. «Империя сохранилась как аристократическая ассоциация имперских чинов, основанная на ленном праве и верховенстве императора в системе имперской юстиции» (с. 77). Решения Вестфальского договора засвидетельствовали также жизнеспособность идеи рейхстага, который превращался в конституционный сословный орган Империи. Одновременно Вестфальский мир зафиксировал новую политическую реальность — «единство Империи и разнообразие чинов» (с. 89). Средние и малые имперские чины, во многом благодаря своей политике во время войны, сумели укрепить свое положение в Германии. Это показал, в том числе, Бранденбург, ставший в результате умелых действий курфюрста Фридриха Вильгельма второй по величине имперской территорией. Еще одна глава этого раздела, написанная М.Н. Артеменковым («Накануне борьбы за гегемонию в Европе: испано-французские отношения перед Тридцатилетней войной») раскрывает механизм противостояния двух главных претендентов на первенство в Европе.

Следующий раздел («Франция, Швеция, Империя и имперские чины») (с. 148—247) отчасти перекликается с предыдущим. Интересно охарактеризованы сложные отношения между Империей и территориальными государствами Германии, причем подчеркнуто, что Франция стремилась поддерживать все антигабсбургские силы в Империи, независимо от конфессиональной ориентации имперских чинов. Детально рассматривается борьба двух партий французской дипломатии, начиная с 1635 г., в ходе военных действий и при заключении Вестфальского мира (Тишер), и влияние войны на трансформацию шведской внешней политики (А.А. Ходин). Вестфальский мир принес Франции ощутимые территориальные приобретения, но оставил открытым вопрос о ее дальнейших перспективах в качестве лидирующей европейской державы. Участие Швеции в Тридцатилетней войне в итоге сделало ее вместе с Францией одним из гарантов соблюдения Вестфальских соглашений и поддержания баланса сил в Империи (с. 243).

В четвертом разделе («Новое и старое в Тридцатилетней войне») анализируется переплетение военных событий с различными процессами трансформации в некоторых странах-участницах. В главе «Политический курс и военные действия Франции во время Тридцатилетней войны» (Ивонина) подчеркивается, что внешняя политика Франции была тесно связана с такими внутривнутриполитическими задачами как укрепление центральной власти после хаоса религиозных войн, борьба с аристократической оппозицией и усилением гугенотского «государства в государстве». В то же время приоритетной внешнеполитической целью традиционно продолжала оставаться борьба с Габсбургами. Только сильное централизованное и унифицированное королевство могло возглавить антигабсбургскую коалицию и одержать победу в большой европейской войне. Ради этого можно было на время забыть даже о конфессиональных распрях. По мнению Ришелье, «война в Германии — не столько война религиозная, сколько война против чрезмерных амбиций Австрийского дома» (с. 252).

Во второй главе раздела («Армия “Великого Северного Льва” Густава II Адольфа в Тридцатилетней войне») (А.В. Беспалов) на примере шведской армии наглядно показано, как война повлияла на развитие военного дела в Европе: стратегию, тактику, организацию войск, появление новых видов вооружений и амуниции. Отмечается, что умножение и усовершенствование огнестрельного оружия, особенно артиллерии, приводило к постепенному вытеснению оружия холодного. В тактике ведения боя стало применяться построение атакующих колонн в «шахматном порядке», на значительном удалении друг от друга, что делало их менее уязвимыми для неприятельского огня. Густав II Адольф и его полководцы уделяли большое внимание четкому взаимодействию родов войск. Для управления войском и поднятия боевого духа солдат начали активно использоваться духовые и ударные музыкальные инструменты и т.д. В результате шведская армия в небогатой стране с ограниченными ресурсами сумела стать прообразом армий будущего.

Следующая часть («Тридцатилетняя война сквозь призму личности») представляется достаточно спорной. Вполне объяснимо стрем-

ление редакторов проиллюстрировать специфику эпохи на примере биографий лидеров держав-участниц войны, что «оживляет» повествование, однако выбор только данных персонажей выглядит несколько субъективным, тем более что их роль в собственно военных событиях и сопутствующей политической деятельности не является стержнем этих глав. Жизнеописания императора Священной Римской империи Фердинанда II (К. Кампманн), его полководца Альбрехта Валленштейна (Ивонин), шведского короля Густава II Адольфа (Ивонин, Ходин), французского кардинала Ришелье и его «тени» отца Жозефа (Ивонина), сами по себе познавательные, отчасти все же выпадают из общей структуры книги.

Зато следующий раздел («Общественное мнение в Европе») является одним из самых интересных и даже неожиданных. Здесь едва ли не впервые в отечественной историографии анализируется интерпретация событий Тридцатилетней войны ее участниками и современниками, в том числе европейскими средствами массовой информации. В первой главе («Европейская трагедия и гражданские потрясения в Англии середины XVII в.») (Ивонина) показано, что война на ее завершающем этапе совпала с Английской революцией середины XVII в., опыт которой не учли последние Стюарты, что привело впоследствии к прекращению правления этой династии. Вторая глава («Безумный меч войны: Немецкая интеллигентная элита и формирование представлений о Тридцатилетней войне в немецком обществе») (А.В. Лазарева) посвящена осмыслению этих событий в стране, ставшей ядром всего конфликта. Не случайно война получила здесь название «Немецкой», поскольку заставила общество задуматься о своем будущем и во многом предопределила его судьбу в последующие столетия. Правда, вызывают сомнения утверждения автора о том, что только тогда у немецких интеллектуалов возникла идея некоего «общегерманского» патриотизма, в противовес «земельному» и «имперскому» (с. 503). Представление о понятии «Germania» как этническом и цивилизационном целом впервые было сформулировано еще немецкими гуманистами (Я. Вимфелинг, К. Цельтис, С. Брант и др.), а затем

получило развитие в реформационных произведениях XVI века. Тогда же появился образ «добродетельных немцев», противопоставляемых «порочным» иностранцам. Подобная тематика в публицистике эпохи Тридцатилетней войны стала, скорее, лишь объяснимой актуализацией этой традиции в новых условиях.

В третьей главе («Тридцатилетняя война в восприятии шведского общества 1618—1648 гг.») (Ходин) рассмотрено неоднозначное отношение к ней различных сословий Швеции. Высшее чиновничество, дворянство, верхушка горожан до определенного момента полностью поддерживали королевскую власть, так как война дала им возможность продвижения по службе и приобретения новых земельных владений. Кроме того, до середины 1630-х гг. сохранялось чувство протестантской солидарности с единоверцами, но, когда к началу 1640-х гг. усталость от войны стала нарастать, эта часть общества стала все более активно обсуждать возможность заключения мира. Основные военные тяготы несли крестьянство, часть горожан и низшего духовенства, поэтому правительство уделяло большое внимание пропаганде среди этих слоев населения, которая имела однако лишь кратковременный успех.

В последней главе раздела («Тридцатилетняя война в информации и пропаганде Речи Посполитой») (Ивонина) проанализированы различные источники, которые отражали точку зрения разных политических сил (как власти, так и оппозиции): листовки, гравюры, сатирические стихи и песенки, военные репортажи, переписка официальных лиц, частная корреспонденция и т.д. Речь Посполитая, будучи союзником Габсбургов, не принимала непосредственного участия в военных действиях на западноевропейском театре, за исключением борьбы со шведами. Однако, в противовес мнению, преобладающему в польской историографии, автор солидаризируется с позицией Б.Ф. Поршнева, считавшего польско-русскую Смоленскую войну 1632—1634 гг. органической частью войны Тридцатилетней (с. 526).

Заключительный раздел, подводящий итоги всей работы («Вестфальский мир и его последствия»), написанный известным немецким историком, бывшим директором Институ-

та европейской истории в Майнце Х. Духхардтом, состоит из двух глав: «Вестфальский мир — европейский мир» и «Вестфальский мир и Россия». В первой автор, отдавая должное договорам, подписанным в Мюнстере и Оснабрюке, как ключевым документам общеевропейского значения, в то же время отмечает, что им не дано было гарантировать континенту прочное и долговременное спокойствие. Он скептически относится к попыткам идеализировать и политизировать «Вестфальскую систему» и однозначно считать ее основой обустройства современной Европы (с. 547—548). Во второй главе отмечается, что Московия в числе других держав была упомянута в тексте договора, однако это не имело для нее серьезных последствий, и российская дипломатия не ссылалась на него при подписании все возрастающего количества соглашений с европейскими соседями. Ситуация изменилась только при правлении Екатерины II, когда Россия начала претендовать на роль второго (наряду с Францией) гаранта конституции Священной Римской империи. Тогда и актуализировался интерес к Вестфальскому миру, что предопределялось новым положением России на европейской политической сцене.

Следует заметить, что в аннотации к книге не вполне корректно обозначен ее жанр. Она названа «коллективной монографией», но правильнее было бы определить ее как «очерки». Такой «очерковый» характер приводит иногда к дублированию примерно одинакового материала в главах, написанных разными авторами. С другой стороны, это дает возможность рассмотреть под иным углом зрения различные аспекты одной и той же проблемы. К достоинствам издания следует отнести также наличие иллюстраций.

В целом же отечественная историография Тридцатилетней войны впервые за много лет приобрела фундаментальное системное исследование, которое не только содержит большой фактический материал, но и отражает современные методологические подходы к изучению данной эпохи, ставшие, что немало важно, результатом международного сотрудничества.

В.В. ИВАНОВ

Contents

Articles: **I.M. Rostovshchikov**. Rights of the individual in the Russian constitutions: past and present. Historical profiles: **M.K. Chiniakov**. Guillaume-Marie-Anne Brune. Historical publicistics: **KH.M. Turinskaya**. Socio-political Dynamics in Zanzibar: Origins of the 1964 Revolution. Contributions: **K.V. Kaulin**. Minister of foreign affairs count Lamsdorf policy, regarding to the press at the beginning of XX century; **N.I. Nikitin**. To the question about the origin of the Cossacks; **E.A. Prusskaya**. Perception of the Ancient Egiptian civilization by participants of the French expedition to Egipt (1798—1801). Diplomacy in history: **B.S. Kotov**. Attempts of Germany to draw Sweden in the Triple alliance and the public opinion of Russia in 1912—1914 years. History and fates: **I.M. Suponitskaya**. The Rosenberg File. People. Events. Facts: **D.V. Kirilyuk**. The Hardships of Soviet planning economy: Heating supply of the Yamal schools in 1958—1966 years; **P.N. Gordeev**. “Enclosure” of the troupes of the State theatres in 1917 year; **L.Yu. Varentsova**. The Bread order in 1655—1679 years; **E.M. Matveeva**. The perception in Russia of the American system of education at the turn of XIX—XX centuries. From history of religions: **A.N. Andreev**. Russian nobility and Protestant religious culture in the XVIII century. Historiography: **V. Abishov**. The Reflection of the Events of 1917—1920 years in North Azerbaijan in modern Russian historiography. *Reviews on books*: **P.N. Bazanov**. The Brotherhood of Russian truth: the most mysterious organization of the Russian Diaspora; Essays on the history of Russian emigration on the Korelian isthmus (1917—1939) (by O.A. Gavrilova, I.V. Petrov, A.S. Puchenkov); **S.A. Rogaitko**. Food history of Russian from ancient times to 1917. Historical and economic view on the agricultural development of the Russian Empire (by I.A. Kusnetsov); The Formation of the Russian state. XVI — beginning of XX century (borders and geopolitics) (by N.G. Abramova); The crisis and tragedy of the continent. The thirty years war (1618—1648) in the events and the collective memory of Europe (by V.V. Ivanov).

Учредитель: ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, П.А. Искендеров, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода,
Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова, В.В. Поликарпов,
О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.В. Шелохаев, В.Л. Янин**

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна
Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку
Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 8, 2016

Адрес: Редакция журнала «Вопросы истории».

Малый Путинковский пер., дом 1/2, Москва, К-6, ГСП-4, 127994.

Телефон: (495) 650-96-21. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.07.2016. Формат 70x108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 1400. Заказ 2584-2016. Индекс 70145. Цена свободная.

ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

Отпечатано АО «Красная Звезда».
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 38.

Тел.: (495) 941-28-62, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62
E-mail: kr_zvezda@mail.ru www.redstarph.ru

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на первое полугодие 2017 г., т. 1.
Подписка проводится
Агентством «АРЗИ»**

**Подписной индекс для подписчиков
70145**

**Жители Москвы и Московской области
могут оформить подписку на журнал
непосредственно в редакции по адресу:**

***Москва, Пушкинская пл., Малый Путинковский пер., дом 1/2,
3-й этаж, тел. (495) 650-96-21***

ВИ
**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**